

ВНИМАНИЕ!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчика строго запрещена.

Любое коммерческое и иное использование материала кроме предварительного ознакомления запрещено.

Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей.

**Кейси Уэст
Дистанция между нами**

Оригинальное название:

Kasie West – The Distance Between Us, 2013

Кейси Уэст – Дистанция между нами, 2015

Автор перевода: *Алёна Варавина;*

Сверщик: *Виктория Коробко;*

Редактор и оформитель: *Оля Грачева;*

Вычитка: *Виктория Коробко;*

Переведено для группы:

<http://vk.com/loveinbooks>

Аннотация

За деньги нельзя купить хорошее первое впечатление...

Семнадцатилетняя Кайман Майерс ведет собственный научный проект – изучает богатых, и после нескольких лет наблюдения она уверена, что богачи хороши только в одном – в трате денег на абсолютно бесполезные вещи, такие как фарфоровые куклы из магазина ее матери.

Поэтому, когда Ксандер Спенс появляется на пороге магазина, чтобы забрать куклу для своей бабушки, Кайман хватается одного взгляда, чтобы понять, насколько он богат. Невероятно обаятельный Ксандер один из первых, кто обратил внимание на Кайман, однако девушка достаточно умна и прекрасно знает, что его заинтересованность не продлится долго. «Богатые слишком быстро теряют интерес» – одно из предупреждений, которое она получила от мамы. Однако, как бы она ни пыталась его оттолкнуть, Ксандер не сдается. И вскоре, к ее ужасу, она начинает наслаждаться его компанией.

Вот только ее мама в жизни не одобрит их отношения – она скорее позволит дочери встречаться с местным рокером, выросшим в небогатой семье, – поэтому она ни в коем случае не должна узнать. Но едва верность и проницательность Ксандера убеждают Кайман, что богатство – это не недостаток характера, выясняется, что деньги занимают неотъемлемую часть их отношений и что Ксандер – не единственное, о чем ей следовало переживать.

Глава 1

Мои глаза уже прожгли дыру в странице. Я должна это знать. Математические уравнения всегда хорошо мне давались, так почему в этот раз решение все не приходит в голову? Услышав звон дверного колокольчика, я быстро убираю тетради под прилавок и поднимаю взгляд. В магазин заходит парень с телефоном в руке.

Ух ты, что-то новенькое.

Не телефон, парень. Не то чтобы мужчины редко посещали магазин кукол... хотя да, это было довольно редким явлением. И когда они все-таки приходили, то все как один плелись вслед за женщинами с неловким... ну, или скучающим взглядом. Но этот – другой. Этот парень пришел один, и он очень уверен в себе. Такую уверенность могут придать только деньги. Очень большие деньги.

Я улыбаюсь. В нашем маленьком пляжном городке люди делятся на два типа: богатые и те, кто их обслуживает. Очевидно, быть при деньгах – означает коллекционирование абсолютно бесполезных предметов, таких как фарфоровые куклы (прилагательное «бесполезные» НИКОГДА нельзя использовать по отношению к фарфоровым куклам при моей маме). Богачи – наше постоянное развлечение.

– Ты издеваешься? Хочешь, чтобы я *самостоятельно* выбрал куклу? – говорит в трубку мистер Богатый парень. – Разве бабушка не сказала, какую именно она хочет? – Он вздыхает. – Ладно, я все сделаю. – На этом он вещает трубку и подзывает меня рукой. Да-да! Именно подзывает. Это единственное слово, которое я могу подобрать, чтобы описать этот жест. Парень даже не взглянул на меня! Внимательно осматривая куклы и потирая подбородок рукой, он лишь поднял другую руку и двумя пальцами поманил меня к себе.

Выходя из-за прилавка, пытаюсь определить, что он собой представляет. Неопытный наблюдатель вообще может не заметить ореол достатка вокруг этого парня, но у меня-то глаз наметан, а от парня буквально веет деньгами. Одежда на нем, вероятно, стоит больше, чем весь мой крошечный гардероб. Хотя она и не выглядит дорого – такие вещи скрывают свою истинную стоимость (потертые джинсы и рубашка с закатанными рукавами), – но определенно приобретена в каком-то фирменном бутике. Само собой, парень мог купить весь магазин, если б захотел. Хорошо, не он – его родители. Я не сразу это заметила, так как его излишняя уверенность добавляла ему возраста, но теперь, когда я стою совсем рядом, видно, что он очень молод. Скорее всего, моего возраста? Семнадцатилетний? Хотя, возможно, на год старше. И как кто-то моего возраста может быть столь сведущ в высокомерных жестах? Очевидно, привилегии «богатой жизни».

– Могу ли я вам чем-нибудь помочь, сэр? – Только моя мама способна распознать сарказм в каждом моем слове.

– Да, мне нужна кукла.

– Простите, но мы все распродали. – Никто никогда не понимает мой юмор. Мама называет его «сухим». Думаю, это означает, что он «не смешной», а также что я единственная, кто его понимает. Возможно, если бы, пошутив, я сама смеялась – как всегда поступает мама во время работы с клиентами, – то больше бы людей меня понимало, но это выше моих сил.

– Смешно, – говорит парень, и все же не думаю, что он действительно так считает. Скорее всего, просто хочет, чтобы я держала рот на замке. Он так на меня и не взглянул. – Итак, как вы думаете, какая из них могла бы понравиться пожилой женщине?

– Любая.

Заиграв желваками, он поворачивается ко мне. В первую секунду я замечаю удивление в его глазах, будто он ожидал увидеть перед собой взрослую женщину. Это все из-за тембра моего голоса, который несколько ниже, чем у среднестатистического подростка. Однако это не останавливает парня от следующего вопроса:

– Какая из них нравится тебе?

Можно ответить «никакая»? Несмотря на то, что этот магазин – мое неизбежное будущее, его обожает мама, а не я.

– Я равнодушна к вечным плакальщикам.

– Прости?

Я указываю на фарфоровую версию младенца: его рот приоткрыт в беззвучном плаче, а глаза закрыты.

– Не хотела бы увидеть их глаза. Взгляд слишком многое может сказать. Их, к примеру, говорит: «Я хочу украсть твою душу, так что лучше не поворачивайся ко мне спиной».

Он награждает меня улыбкой, которая смывает с лица все жесткие и высокомерные черты, делая его весьма привлекательным. Ему определенно стоит чаще улыбаться. Но прежде, чем я заканчиваю свои размышления, улыбка исчезает.

– Скоро день рождения моей бабушки, и я должен выбрать для нее куклу.

– Вы не ошибетесь. Если она любит фарфоровые куклы, то придет в восторг от любой.

Он оглядывается на полки с товаром.

– Почему плакальщики? Почему не сони? – Он окидывает взглядом мирную на вид малышку с розовым бантом в светлых локонах, обе руки которой покоятся под пухлой щекой, а личико полностью расслаблено.

Я вглядываюсь в малышку и сравниваю ее с плакальщиком, лежащим рядом. С тем, чьи кулачки сжаты, волосы растрепанны, а лицо покраснело от гнева. «Потому что такова моя жизнь: беззвучно кричать, как он», – хорошо, на самом деле я так не говорю, но я действительно так считаю.

Пожав плечами, я просто отвечаю:

– Они обе прекрасны. – За время работы в магазине мне стало понятно – покупателям безразлично твое мнение. Они всего лишь хотят утвердиться в своей правоте. Поэтому если мистер Богатый парень желает спящую куклу для *бабушки*, кто я такая, чтобы ему препятствовать?

Он качает головой, как будто пытаюсь избавиться от какой-то мысли, а потом разворачивается и указывает на полку с совершенно другим видом кукол. Девушка, на которую он указывает, одета в школьную форму и держит на привязи черного шотландского терьера.

– Вот эта подойдет. Она любит собак.

– Кто любит? Ваша бабушка или... – я прищуриваюсь, чтобы прочитать карточку перед куклой, – Пегги?

– Совершенно очевидно, Пегги любит собак, – отвечает он, и крохотный намек на улыбку играет на его губах. – Но я говорил о своей бабушке.

Я открываю нижний ящик, чтобы найти коробку Пегги, достаю упаковку и аккуратно перекладываю куклу и собаку с полки на стол. Пока я тщательно ее упаковываю, мистер Богатый парень указывает на собаку и спрашивает:

– Почему у собаки нет имени? – А потом зачитывает вслух название на коробке: – «Пегги и собака».

– Потому что люди, как правило, предпочитают называть кукол в честь своих любимых домашних животных.

– Правда?

– Нет, я просто не знаю, но могу дать вам номер телефона создателя Пегги, если хотите спросить.

– У тебя есть телефон человека, который сделал эту куклу?

– Нет. – Я пробиваю цену на кассе.

– Тебя сложно понять.

Зачем ему пытаться понять *меня*? Мы же разговариваем о куклах. Он протягивает мне кредитную карту, и я провожу ее через аппарат. На карте написано «Ксандер Спенс». Что за имя такое? Ксандер. И как оно правильно произносится? Я не собираюсь спрашивать. Меня это не волнует. Я была достаточно мила. Даже мама не стала бы читать мне нотаций, будь она здесь. Конечно, мама лучше скрывает недовольство, чем я, но что поделать. Она даже от меня его скрывает. Я списываю это на годы практики.

Телефон парня вновь оживает, и он достает его из кармана.

– Да?

Пока кассовый аппарат пробивает чек, я выдвигаю ящик из прилавка и кладу туда карточку с именем куклы к остальным, проданным в этом месяце. Это необходимо, чтобы знать какие куклы нужно еще заказать.

– Да, нашел. С собакой. – Он слушает около минуты. – Нет, *это* не собака. *С* собакой. Кукла идет в комплекте с собакой.

Он разворачивает к себе коробку и вглядывается в изображение Пегги на ней.

– Думаю, она милая. – Его взгляд перемещается на меня, и он пожимает плечами, будто бы спрашивая, согласна ли я. Я киваю, ведь Пегги и в самом деле милая. – Да, продавщица подтвердила. Она милая.

Я прекрасно понимаю, что он назвал милой не меня, но то, как была произнесена последняя фраза, заставило меня в это поверить. После секундной заминки, я вытаскиваю чек из кассового аппарата и отдаю его мистеру Богатому парню для росписи. Он расписывается, и я, сверив роспись с той, которая на кредитке, возвращаю парню его карточку.

– Нет, не она... Конечно, она тоже... Ты поняла, о чем я. Все в порядке, я скоро буду дома. – Он вздыхает. – Да, я имею в виду *после* того, как заеду в пекарню. Напомни мне сбежать, когда у твоего ассистента появится выходной... – Он зажмурился. – Я не это хотел сказать. Да, конечно, это заставляет меня ценить свою жизнь больше. Ладно, пока мам, скоро увидимся.

Я передаю ему упакованную куклу.

– Спасибо за помощь.

– Нет проблем.

Он берет со стола визитку и несколько секунд ее разглядывает.

– И остальное?

Название магазина: «Куклы и остальное». Он задает вопрос, ответ на который волнует многих посетителей, когда они попадают в магазин и видят только кукол.

– Да, куклы и *остальные* куклы.

Он наклоняет голову.

– Раньше мы продавали браслеты с шармами и чучела животных, но куклы ревновали.

Он недоверчиво смотрит на меня. Очевидно, во время своих прогулок в стиле «иди пообщайся с нормальными людьми и цени свою жизнь больше» мистер Богатый парень никогда не встречался с девушками вроде меня.

– Дай угадаю, куклы угрожали украсть твою душу, если ты не выполнишь их требования?

– Нет, они обещали освободить души своих прошлых владельцев, а я не могла этого допустить.

Он смеется, что меня очень удивляет. Я чувствую себя так, будто выиграла огромный приз, поэтому, сама того не понимая, улыбаюсь ему в ответ и киваю головой на визитку.

– Моя мама без ума от кукол и устала от носков для подарков с мышатами. – Кроме того, мы больше не можем позволить себе дополнительные расходы. Хотя что-то должно продаваться. И пока мы находимся в убытке (нам едва хватает средств, чтобы держаться на плаву), название магазина и визитки останутся прежними.

Он указывает на визитку.

– Сьюзен? Это имя твоей мамы?

И это все, что указано в карточке: ее имя и номер телефона.

– Да.

– А ты? – Он смотрит мне в глаза.

– Ее дочь. – Я понимаю, он спрашивает мое имя, но мне не хочется его называть. Первая вещь, которую я выучила о богатых – они считают простых смертных занимательным развлечением, но никогда не хотят ничего серьезного. И меня это не расстраивает, богатые – совершенно другие люди, за которыми я только наблюдаю с безопасного расстояния, но никогда с ними не взаимодействую.

Он возвращает визитку и отступает на пару шагов назад.

– Ты знаешь, где находится пекарня Эдди?

– Это через два квартала отсюда. Будь осторожен, его черничные кексы вызывают привыкание.

Он кивает.

– Принято к сведению.

Глава 2

– Нет, куклы Барби мы не продаем, только фарфоровые, – повторяю я в трубку уже пятый раз, но женщина меня не слушает и продолжает настаивать на том, что ее дочь умрет, если для нее не достанут королеву фей. – Понимаю, может, вам стоит поискать в Walmart?

– Я искала, все уже распродано. – Она бормочет что-то о том, что думала, мы являемся магазином кукол и бросает трубку.

Закатив глаза, я кладу трубку. Скай, которая даже не замечает этого, лежит на полу и на вытянутой руке держит ожерелье над собой, наблюдая, как оно раскачивается.

Скай Локвуд – моя единственная и неповторимая подруга. И не потому, что дети в школе вредные или еще что-то в этом роде, просто они забывают о моем существовании. Это сделать легко, учитывая, что я никогда не хожу вместе со всеми на обед и на все школьные мероприятия.

Скай на несколько лет старше меня, она работает в соседнем магазинчике, который продает много «остального». Это антикварная лавка под названием «Скрытые сокровища». Я же обычно называю ее «Очевидный хлам», но покупатели любят это место.

В мире науки, если бы Скай была организмом-хозяином, то я была бы ее паразитом. У нее есть жизнь, а я притворяюсь, что эта жизнь моя. Другими словами, она действительно любит свои увлечения – музыка, винтажная одежда и странные прически, – а я лишь притворяюсь, что тоже увлечена этим. Не то чтобы я ненавидела их, просто никогда ими не интересовалась. Но я обожаю Скай, так почему бы не притвориться, что мне нравится и ее интересы тоже? Тем более, я понятия не имею, что нравится мне.

Вздыхая, я подхожу к ней.

– Ну как, нашла смысл бытия? – Скай всегда использует пол в моем магазине для философских рассуждений – причудливый аналог выражения «диалог с самой собой».

Она стонет и прикрывает глаза рукой.

– Что мне изучать в колледже, если я все-таки туда поступлю? – Если бы она решала сама, то проработала бы в своей лавке всю жизнь, но колледж важен для никогда-не-учился-в-колледже-поэтому-занимаюсь-ритуальными-услугами отца.

– Нытье?

– Ха-ха. – Она садится и спрашивает: – А что ты будешь изучать в колледже, когда поступишь?

Без понятия.

– Может, последствия философского нытья?

– Как насчет искусства сарказма?

– Уверена, я уже достигла степени магистра по этой специальности.

– Нет, а если серьезно, что ты будешь изучать?

Я постоянно слышу эти выражения: «нет, а если серьезно», «давай серьезно», «нет, реально». Эти фразы требуют правдивого и точного ответа. Проблема в том, что мне не хочется его давать.

– Я еще об этом не думала, скорее всего, буду без специализации некоторое время.

Она ложится обратно.

– Да, вероятно, я тоже. Может быть, когда мы окончим школу, наше предназначение само к нам придет. – Она резко садится с изумлением на лице.

– Что?

– Мы должны поступить в один колледж! Вместе. В следующем году. Это будет очень круто!

Я уже миллион раз повторяла, что не пойду в колледж сразу после окончания школы. Моя мама не одобрит эту идею, именно поэтому – но я не сообщаю об этом Скай – я собираюсь поработать пару лет в магазине полный рабочий день. Но Скай выглядит такой счастливой, что я улыбаюсь и слегка киваю.

Она начинает напевать самовыдуманную песенку: «Мы вместе с Кайман поедem в колледж. И найдем свои пути...» – Ее голос постепенно превращается в радостное жужжание, пока она обратно ложится на пол.

Компания маленьких девочек, которые только что ушли, успели устроить в магазине полный кавардак. Мама считает, что когда покупатель знает имя куклы, то ему легче полюбить ее. Так что

напротив каждой куклы находится бумажная карточка. И теперь все именные карточки перепутаны, перемешаны и лежат плашмя. Очень печально, что я знаю, что карточка Бетани лежит перед Сьюзи. Очень. Очень. Печально.

Звенит мобильник Скай.

– Да, привет... Нет, я в маленькой лавке ужаса. – Именно так она называет мой магазин. Подруга молчит несколько секунд, прежде чем ответить: – Я и не подозревала, что ты заходил... – Скай встает, подходит к кассе и опирается на стойку. – Ты это сделал? Когда? – Она начинает накручивать локон волос на палец. – Ну, дело в том, что я была обкуренной во время концерта... – Голос Скай полностью соответствует ее имени: такой же легкий и воздушный, поэтому все, что вылетает из ее рта, звучит мило и невинно. – Ты еще здесь? – она проходит мимо кукольных колыбелек и столов с драпированными скатертями к витрине и выглядывает на улицу. – Вижу тебя... Я в кукольном магазине рядом, иди сюда.

Скай убирает телефон в карман.

– И кто это был?

– Мой парень.

– Парень?! То есть это означает, что я наконец-то с ним познакомлюсь?

Она улыбается.

– Да, и увидишь, почему я сразу же согласилась с ним встречаться, когда он предложил стать его девушкой на прошлой неделе.

Подруга распаивает дверь, и колокольчик чуть было не слетает с петли.

– Привет, детка. – Только что вошедший парень обнимает ее, а потом она немного отходит в сторону для того, чтобы нас представить.

– Кайман, это Генри. Генри, это Кайман.

Ну не знаю, может быть, я недостаточно внимательно смотрю, но точно *не вижу* ничего стоящего. Он слишком тощий, с длинными сальными волосами и вздернутым носом. Солнцезащитные очки свисают с выреза его футболки, а длинная цепь, прикрепленная к ремню, свисает до колен и пропадает в заднем кармане. Волей неволей я начинаю подсчитывать, сколько шагов он сделал, прежде чем попасть из магазина Скай в мой, и сколько раз при этом цепь ударила его по ноге.

– Как жизнь, чувиха? – спрашивает он. Серьезно? Он действительно это сказал?

– Эм... терпимо?

Скай одаривает меня ослепительной улыбкой, которая заявляет: «Видишь, я так и знала, что он тебе понравится». Девушка может найти положительные качества даже в уличной крысе, но, увы, в нем я их не нахожу. Скай очень красивая, но не в общепринятом стандарте красоты. Фактически, все прохожие застывают, ошеломленные ее взъерошенными блондинистыми волосами с розовыми прядками, пирсингом на подбородке и безумной одеждой, и уж только потом замечают ее пронзительные голубые глаза и великолепную фигуру.

Генри рассказывает по магазину, рассматривая кукол.

– Вау, кайфово.

– Знаю, их количество сначала сбивает с толку.

Я осматриваюсь. Да, это действительно сначала сбивает с толку. Куклы занимают каждый сантиметр стены, напоминая взрыв из цветовых оттенков и эмоций. Все они смотрят на нас. Не только стены, но и все пространство на полу состоит из лабиринта столов, колыбелек и колясок, тоже переполненных куклами. В случае пожара нет ни единого шанса выбраться отсюда. Пришлось бы распахивать младенцев, чтобы добраться до двери. *Фальшивых* младенцев, но все же.

Генри подходит к кукле, облаченной в шотландский килт.

– Айслин, – читает он надпись на карточке. – У меня есть такой же прикид. Мне следует приобрести эту куклу, и мы отправимся в совместный тур.

– Играешь на волынке? – интересуюсь я.

Он строит гримасу.

– Не-а, я гитарист из «Красти Тодс»¹.

Ах, вот она! Причина, по которой Скай с ним встречается. Она питает слабость к музыкантам. Но, думаю, она может найти кого-нибудь получше, чем парень, послуживший источником

¹ «Красти Тодс» (англ. *Crusty Toads*) – в переводе с англ. «Мерзкие жабы».

вдохновения для названия собственной группы.

– Дай², пошли?

– Да.

Дай?! Я узнаю об этом позже.

– Еще увидимся, Кайвман³, – говорит он с хохотом так, будто бы заготовил это предложение сразу после нашего знакомства.

Мне уже не нужно спрашивать про «Дай». Он точно один из тех парней, которые постоянно дают совершенно дурацкие прозвища.

– Пока, – *мерзкая жаба*, – Генри.

Моя мама заходит через служебный вход как раз тогда, когда они выходят через переднюю дверь. Она несет два бумажных пакета с продуктами.

– Кайман, там еще несколько сумок, не могла бы ты их принести? – Она направляется прямо к лестнице.

– Ты хочешь, чтобы я оставила магазин без присмотра? – Вопрос звучит глупо, но она сама всегда настаивает, что я не должна покидать прилавок хотя бы на минуту. Во-первых, все куклы очень дорогие, и нас ждут огромные проблемы, если любую из них украдут. А у нас нет ни видеонаблюдения, ни сигнализации. Это слишком дорого. Во-вторых, мама всегда печется о клиенте. Если кто-нибудь входит, я обязана сразу же его поприветствовать.

– Да, пожалуйста, – произносит она, задышавшись. У моей мамы, королевы йоги, одышка? Она что, пробежала несколько километров?

– Хорошо. – Я бросаю взгляд на входную дверь, убеждаясь, что покупателей нет, потом выхожу через служебный вход и забираю оставшиеся сумки. Поднимаясь по лестнице, я перешагиваю через пакеты, которые принесла мама, и ставлю свои на стойку в нашей кукольного размера кухне. Да, это основная тема нашей жизни. Куклы. Мы их продаем. Мы живем в их доме... или, точнее, в таком же по размеру доме: три крошечные комнаты, одна ванна и крошечная кухня. Уверена, размер нашего дома – это единственная причина, по которой мы с мамой так близки.

Я выглядываю из-за стены и вижу маму, лежащую на диване.

– Мам, ты в порядке?

Она немного приподнимается, но не встает.

– Я просто устала. Слишком рано проснулась.

Я начинаю разбирать продукты: кладу мясо и замороженный яблочный сок в морозильник. Как-то я узнала, что мама никогда не покупает сок в бутылках потому, что он очень дорогой. Мне было шесть. Это был первый раз, когда я поняла, насколько мы бедны. И впоследствии еще не раз в этом убеждалась.

– Нет, дорогая, не разбирай сумки. Я займусь этим через минуту. Может, лучше ты вернешься в магазин?

– Конечно.

По пути обратно я переносу сумки, которые бросила мама, на кухню. Спускаясь по лестнице, вспоминаю, что видела ее еще спящей, когда уходила в школу. Тогда каким образом она могла проснуться слишком рано? Я оглядываюсь, уже готовая взбежать обратно и поймать ее на лжи, но не решаюсь. Вместо этого занимаю место за прилавком, достаю свое задание по английскому и не поднимаю взгляд, пока не звенит дверной колокольчик.

² «Дай» (англ. *Die*) – в переводе с англ. «Смерть»

³ «Кайвман» (англ. *Cave man*) – в переводе с англ. «Пещерный человек».

Глава 3

Одна из моих любимых покупательниц заходит в магазин. Она в возрасте, но очень энергичная и веселая. У нее темно-рыжие волосы, а иногда они даже отливают фиолетовым оттенком – зависит от давности окраски. А еще она всегда носит шарф, вне зависимости от того, какая на улице погода. Сейчас осенняя погода порой оправдывает выбор шарфика – сегодня он ярко-оранжевый с фиолетовыми цветами.

– Кайман, – произносит она с улыбкой.

– Здравствуйте, миссис Далтон.

– Твоя мама сегодня работает, дорогая?

– Она наверху. Мне ее позвать или я сама смогу вам помочь?

– Я заказывала куклу и хотела бы поинтересоваться, не пришла ли она еще.

– Минутку, я проверю. – Из ящика под кассой я достаю журнал заказов и достаточно быстро нахожу имя миссис Далтон. В журнале всего лишь несколько записей, и большинство заказов исходят от нее. – Похоже, куклу должны привести завтра, но я сейчас позвоню и уточню, чтобы ваш приход был ненапряжным.

После непродолжительного разговора выясняется, что заказ доставят завтра в полдень.

– Прости, что побеспокоила. Твоя мама говорила мне об этом, но я надеялась, что куклу уже привезли. – Она улыбается. – Это для моей внучки. У нее день рождения через несколько недель.

– Круто. Уверена, ей понравится кукла. А сколько исполняется счастливой малышке?

– Шестнадцать.

– Ох. Счастливой... большой девочке. – Понятия не имею, что еще стоит сказать, чтобы не выставить себя грубиянкой.

– Не волнуйся, Кайман, – смеется миссис Далтон. – У меня есть и другие подарки для нее, а этот больше для смеха. Я дарю ей куклу на каждое день рождения и не могу отказаться от этой традиции, даже если она уже совсем большая девочка.

– И моя мама очень благодарна вам за это.

Миссис Далтон снова смеется. Она понимает мои шутки. Может быть, потому что она сама немного «сухая»?

– Она единственная девочка в семье, так что я ужасно ее избаловала.

– А какая традиция для мальчиков?

– Подзатыльник.

– Это прекрасная традиция, но мне кажется, что вам и им следует дарить по кукле. Скорее всего, они чувствуют себя обделенными.

– Думаю, стоит попробовать. – Ее грустный взгляд задерживается на журнале заказов, словно она пытается изменить дату доставки и получить куклу прямо сейчас. Потом она открывает сумочку и начинает что-то в ней искать. – Как дела у Сьюзен?

Я оглядываюсь на лестницу, как будто при упоминании ее имени мама спустится вниз.

– У нее все отлично.

Миссис Далтон достает из сумки красную записную книжку и начинает листать страницы.

– Ты говорила, что заказ доставят завтра после обеда? – Я киваю. – О нет! У меня в это время стрижка.

– Все в порядке. Я приму куклу и буду хранить ее, пока вы не заберете. Так что приходите в среду или в любой другой день, когда вам будет удобно.

Она берет черную ручку со стола и отмечает что-то в записной книжке.

– А я могу прислать кого-нибудь забрать куклу? Так можно?

– Конечно.

– Его зовут Алекс.

Я записываю имя.

– Хорошо.

Внезапно она хватается мою руку и сжимает ее в своих ладонях.

– Ты такая хорошая девочка, Кайман. Я рада, что ты здесь ради своей мамы.

Иногда я задаюсь вопросом, насколько тесно общаются эти дамы с моей мамой? Что им

известно о нашей истории? Знают ли они о моем отце? Как он, испорченный ребенок из состоятельной семьи, убежал еще до того, как мама успела закончить фразу: «Я беременна, что нам делать?». Тогда его родители заставили ее подписать документы, что она не нуждается в алиментах. За молчание они дали ей немного денег, которые в дальнейшем стали начальным капиталом для нашего магазина. Именно поэтому я совсем не желаю видеть своего драгоценного папочку. Конечно, он и не пытался меня найти.

Хорошо, честно говоря, часть меня хочет с ним познакомиться. Но после всего, что он натворил, это кажется неправильным.

Я сжимаю ладони миссис Далтон в ответ.

– Ох, ну вы же знаете, я сражаюсь за награду «Лучшая дочь во Вселенной». Слышала, в этом году победителю дарят кружку.

– Думаю, ты уже победила, Кайман.

Она улыбается, а я закатываю глаза. Миссис Далтон направляется к выходу, рассматривая по пути полки с куклами. Я же сажусь обратно на стул и продолжаю заниматься.

Когда наступает время закрывать магазин, я смотрю на лестницу. Странно, мама еще ни разу не спускалась. Обычно она не оставляет меня одну в магазине, если находится дома. После того как я запираю дверь, опускаю жалюзи на окнах и собираю всю почту, быстро поднимаюсь по лестнице и иду на кухню.

Запах дома просто великолепный. Пахнет вареной морковкой и картофельным пюре с подливой.

Мама стоит у плиты, помешивая подливку. Только я собираюсь ее окликнуть, она говорит:

– Знаю, в этом и проблема.

Я понимаю, что она разговаривает по телефону, поэтому направляюсь в свою комнату, чтобы снять обувь. На полпути в коридоре снова слышится ее голос:

– Забудь, они живут здесь не для общения с простыми людьми.

Должно быть, она разговаривает со своей лучшей подругой. Мама не знает, что я подслушала огромное количество таких разговоров. Я разужаюсь и направляюсь обратно на кухню.

– Вкусно пахнет, мам.

Она подпрыгивает от испуга.

– Кайман только что пришла. Мне нужно идти. – Она смеется над чем-то, и ее смех похож на мелодичную песню.

На кухне слишком тесно для двоих, поэтому я постоянно ударяюсь бедрами и поясницей об острые углы барной стойки и ручки ящиков. Вскоре отказываюсь от мысли, что мы вдвоем сможем тут поместиться, и сажусь за бурную стойку.

– Прости, что не спустилась к тебе, – говорит мама, повесив трубку. – Я подумала, что лучше что-нибудь приготовлю – давно этим не занималась.

Я перебираю почту, которую принесла.

– Есть повод?

– Нет, просто для удовольствия.

– Спасибо, мам. – Я вытаскиваю счет за электричество, который находится в розовом конверте. И почему именно розовый был выбран для задолженности по счетам? Неужели этот цвет объявит миру или, по крайней мере, почтальону, что эти люди безответственные неудачники? Мне кажется, грязно-желтый лучше справится с этой работой. – За сорок восемь часов нужно оплатить.

– Ух, это все?

– Похоже на то.

– Хорошо, я заплачу онлайн. Просто оставь квитанцию на стойке.

Мне даже не приходится вставать, чтобы это сделать – достаточно лишь протянуть руку. Мама ставит передо мной тарелку с горячей едой, и мы приступаем к ужину.

– Кстати, забыла тебе рассказать про парня, который на днях заходил в магазин.

– И что с ним?

– Он подзывал меня, двумя пальцами.

– Уверена, он просто пытался привлечь твое внимание.

– Ага, а еще его никто не научил правильно улыбаться, и он постоянно презрительно кривил губы.

– Надеюсь, ты оставила свои мысли при себе. – Она съедает немного пюре из своей тарелки.

– Нет, я рассказала ему о твоих мастер-классах по дружелюбию. Думаю, завтра он придет на занятие.

Она резко поднимает взгляд, но потом понимает, что я всего лишь шучу, и вздыхает, пытаясь скрыть за этим улыбку.

– Опять заходила миссис Далтон.

Теперь мама улыбается по-настоящему.

– И на прошлой неделе тоже. Она всегда так волнуется в ожидании своей куклы.

– Знаю, это мило. – Я прочищаю горло и помешиваю вилкой пюре, глядя на маму.

– Спасибо, что занималась сегодня магазином. Я в это время разобралась с документами.

– Все нормально.

– Ты же знаешь, что я тебе очень благодарна, верно?

Я пожимаю плечами.

– Было бы за что.

– Не знаю, чтобы я без тебя делала.

– Думаю, завела бы много кошек.

– Правда? Я была бы кошатницей?

Я медленно киваю.

– Да. Ты бы располагала кошками или щелкунчиками.

– Что?! Щелкунчики? Я даже не люблю орехи.

– Чтобы владеть коллекцией щелкунчиков, тебе не обязательно их любить.

– То есть ты считаешь, что без тебя я была бы абсолютно другим человеком и обожала бы кошек и/или щелкунчиков?

Если бы не я, у нее была бы другая жизнь. Может быть, она пошла бы в колледж, вышла бы замуж и не отсеклась бы от родителей.

– Конечно. Эй, без меня в твоей жизни не было бы юмора и любви. Ты была бы очень-очень грустной женщиной.

Мама смеется.

– Верно. – Она кладет вилку на тарелку и встает. – Ты закончила?

– Да.

Она собирает всю посуду – кладя поверх своей тарелки мою уже после того, как я замечаю, что она практически не притронулась к еде – и быстро ее ополаскивает.

– Мам, ты готовила. Давай я помою посуду.

– Хорошо. Спасибо, дорогая. Думаю, я почитаю в кровати.

У меня уходит только двадцать минут на уборку. По пути в свою комнату я заглядываю к маме, собираясь пожелать спокойной ночи. Открытая книга лежит на ее груди, а она уже крепко спит. Мама действительно сегодня устала, может быть, она рано проснулась, а потом опять уснула? Я закрываю книгу, кладу на ночной столик и выключаю свет.

Глава 4

Когда я захожу в магазин на следующий день после школы, то с удивлением замечая мужчину, стоящего за прилавком. У него темная одежда, короткая черная борода и даже загар темный. Да, безусловно, любитель темного стиля. Кажется, вокруг него ореол темноты и загадочности, и все же мама стоит рядом с ним, краснея и улыбаясь, как ни в чем не бывало. Как только звенит дверной колокольчик, они оба поворачиваются ко мне.

– Привет, Кайман, – говорит мама.

– Привет.

– Ну, как-нибудь увидимся, Сьюзен, – произносит странный мужчина.

Мама кивает.

Едва он покидает магазин, я спрашиваю у мамы:

– И кто это был? – Я кидаю рюкзак под прилавок. – Алекс?

– Кто такой Алекс?

– Парень, который должен забрать куклу миссис Далтон.

– О, нет, это был просто покупатель.

Ну конечно. Я наблюдаю через витрину за ним. Как же, одинокий сорокалетний мужчина покупает куклы. Я уже хочу произнести это вслух, но она меня опережает.

– Рада, что ты пришла. Мне нужно забежать на почту и решить пару проблем. – Она берет со стола две коробки и несколько конвертов и направляется к служебному входу. – Кстати, кукла миссис Далтон лежит в кладовке.

– Хорошо, увидимся позже.

Передняя дверь открывается, и я поднимаю взгляд, ожидая увидеть мамино «покупателя», возвращающегося обратно. Но меня приветствует задумчивый Генри. Не знаю, может быть, он принял душ или гитара делает его более привлекательным, чем он есть на самом деле, но сейчас мне стало немного виднее, что в нем нашла Скай.

– Привет, Кайман.

О Господи, наверное, он забыл мое настоящее имя.

– Привет, Тод. Скай здесь нет.

– В курсе, я хотел сыграть тебе песню, которую написал для нее, чтобы ты оценила текст.

– Ладно, давай.

Он усаживается на пол и достает гитару. Облокотившись на шкаф, он вытягивает ноги и скрещивает их. Благодаря многочисленным куклам, стоящим на полках рядом, и деревянным колыбелькам все это смахивает на декорации для психоделических видеоклипов. Он наигрывает несколько аккордов, потом прочищает горло и поет.

Песня довольно неплохая, но все-таки где-то на грани убогой. На строчке про то, что без Скай он умрет, мне хочется рассмеяться, но я сдерживаюсь. И к концу песни до меня доходит, почему он нравится моей подруге. Уверена, что сейчас я сама мечтательно уставилась на него. Поэтому когда в магазине кто-то начинает хлопать после того, как песня заканчивается, я краснею.

Ксандер стоит у главного входа. Ух, сегодня он выглядит еще богаче. На нем дизайнерская одежда и кожаные мокасины от «Gucci» на босую ногу, а волосы стильно уложены.

– Великолепная песня, – говорит он.

– Спасибо. – Генри смотрит на меня для подтверждения.

– Да, это было здорово.

Он вздыхает с облегчением и откладывает гитару в сторону. Мое внимание переключается на Ксандера.

– Мне дали еще одно поручение, – говорит он.

– Еще один день общения с простыми смертными, дабы научиться ценить свою жизнь больше? – Клянусь, я считала, что уже говорила нечто подобное в прошлый раз, но его оскорбленное выражение лица означает, что тогда я только об этом подумала. Ну что ж, в любом случае, это была всего лишь шутка (вроде как). И если он их не понимает, то это его проблемы.

– Что-то типа того, – бормочет он.

Генри встает.

– Шотландская кукла моя, так что руки прочь.

Ксандер поднимает руки в защитном жесте.

– Не заинтересован.

У меня появляется впечатление, что Ксандер решил, что Генри имел в виду вовсе не куклу. Но раз Ксандер *не заинтересован*, то это не имеет значения.

Генри направляется к выходу.

– Я собираюсь исполнить эту песню на нашем выступлении в пятницу вечером. Приходи. Мы играем в «Скрим Шаут» в десять.

«Скрим Шаут» – это дешевая забегаловка через пять кварталов отсюда, где местные группы играют перед небольшой публикой, а иногда и перед практически пустым залом, за копейки или вообще бесплатно. Время от времени я выбираюсь куда-нибудь со Скай, но это место точно не для меня.

Ксандер наблюдает, как уходит Генри, а потом поворачивается ко мне.

– Моя бабушка попросила забрать куклу, которую она заказывала.

– Твоя бабушка? – Я открываю журнал заказов, ломая голову над тем, не забыла ли я о заказе.

– Кэтрин Далтон.

– Миссис Далтон твоя бабушка?!

– Да, почему тебя это так удивляет?

Я молчу. *Потому что миссис Далтон замечательная, приземленная и удивительная... Ты же павлин чистой воды: идеальный маникюр, одежда ценой в целое состояние... ну, по крайней мере, осанка точно об этом говорит.*

– Даже не представляю.

– То есть она никогда не говорила о своем выдающемся внуке?

– Я думала, она пришлет Алекса.

– Я и есть Алекс.

Вау, Ксандер – это сокращение от Александра.

– И как тебя называть? Ксандер или Александр?

Он высокомерно ухмыляется, будто бы я искала информацию о нем в гугле или где-то еще.

– Твоя кредитка, – говорю я, напоминая, что он использовал ее в прошлый раз.

– Ах да. Все, кроме бабушки с дедушкой, зовут меня Ксандер. Я был назван в честь дедушки, так что сама понимаешь.

Нет, даже близко.

– Да, конечно.

– Итак, дочь Сьюзен. – Он облокачивается на прилавок, смотрит на маленькое деревянное яблоко, подаренное нашим клиентом много лет назад, и начинает крутить его волчком. – У тебя есть моя кукла?

Я смеюсь над тем, как это звучит.

– Да, есть. Дай мне минутку. – Я нахожу коробку в кладовке и несу ее к прилавку. Удивительно, что мама не открыла ее и не проверила куклу. Периодически они приходят поломанные и испорченные, а служба доставки, которой мы пользуемся, несет за это ответственность. Я беру нож для бумаги и вскрываю упаковку. – Хочу проверить, не ампутировались ли у нее конечности во время перевозки.

– Окей.

Снимаю с подарочной коробки остатки упаковочной бумаги и аккуратно ее открываю.

– Мэнди, – произносит он, читая имя куклы на крышке.

– Мэнди в отличной форме. Думаю, твоя бабушка будет довольна. Подарок ведь для твоей сестры?

– Нет. Для кузины. Скарлетт. Кукла так похожа на нее, что немного жутковато.

– Твоя кузина носит кружевные носки и вязаные платья?

– Нет. Волосы похожи. А еще у Скарлетт такой же хитрый взгляд.

– Значит, у твоей кузины черный боб и жажда неприятностей?

– В точку.

Я подвигаю коробку к нему.

– Передавай своей бабушке от меня привет.

– И она знает, как зовут «от меня»?

– Все это знают.

– Все, кроме меня, кажется. – Он достает телефон и нажимает на пару кнопок.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Передаю бабушке от тебя привет.

Я закатываю глаза.

– Это жульничество.

– Не знал, что мы играем. – Он улыбается, и я сразу же радуюсь, что он очень редко это делает. Его улыбка сбивает с ног получше любого оружия. – Привет, бабуль. Я забрал твою куклу... Девушка в магазине мне помогла. Она просила передать тебе привет... Нет, не Сьюзен.

Я громко смеюсь.

– Ее дочь. Темные волосы, зеленые глаза.

Я опускаю взгляд. Удивительно, что он знает цвет моих глаз. Его – карие с золотыми крапинками. Не то чтобы я заметила...

– Шестнадцать. – Ксандер смотрит на меня, ожидая подтверждения, и я отрицательно качаю головой. – Семнадцать?

С половиной.

– Кайман? – Он поднимает брови, я пожимаю плечами. – Так вот, Кайман передает привет... Милая? Насчет этого не уверен, но она что-то с чем-то. – Он молчит некоторое время. – Я очень любезен. Это *ее* тебе следует научить хорошим манерам. Она даже не назвала своего имени... Нет, это не потому, что я неприятный.

Люблю миссис Далтон.

Я записываю в журнале время и дату, когда забрали специальный заказ, а потом зачем-то добавляю «андер» к «Алекс». Затем закрываю журнал и оставляю его возле кассы. Ксандер все еще внимательно слушает свою бабушку, затем встречается со мной взглядом, залезает в свой карман и достает бумажник с кредиткой.

– Она уже заплатила, – шепчу я.

Он кивает и убирает бумажник обратно.

Миссис Далтон говорит ему что-то, что вызывает у него улыбку. О Господи, эта улыбка! Что делает ее такой?.. Может быть, его идеально ровные и белоснежные зубы, благодаря которым она выглядит удивительно? Хотя есть что-то более значимое. Его улыбка слегка кривовата, и Ксандер постоянно прикусывает нижнюю губу, когда улыбается. А еще она очень ранимая, в отличие от остального образа, который выглядит неприступным.

– Бабуль, мне пора идти. Кайман смотрит на меня, ей, наверное, интересно, когда я покину магазин, чтобы она могла вернуться к работе.

Странно слышать из его уст свое имя. Это делает Ксандера кем-то более значимым, чем просто обычный покупатель. Словно мы теперь друг друга знаем.

Он убирает телефон обратно в карман.

– Кайман.

– Ксандер.

– Означает ли это, что я выиграл?

– Не знала, что мы играем.

Он забирает куклу и, улыбаясь, отступает к выходу.

– Думаю, ты прекрасно это знала.

Глава 5

Примерно год назад мама начала организовывать посиделки в подсобном помещении магазина для маленьких именинниц. В то время это звучало просто смешно (окей, это до сих пор так), но у нее всегда была мечта: заказывать незаконченные куклы, а потом приглашать девочек и разрешать им подбирать некоторые части: волосы, глаза, одежду – таким образом каждая из юных посетительниц уходила со своей собственной уникальной куклой. Сначала малышки сами подрисовывали цвет глаз, но этот процесс превращался в «Калейдоскоп ужасов». Поэтому сейчас я сижу за прилавком и рисую глаза, а мама в подсобке помогает маленьким клиенткам подобрать образы. В удачные дни мы заканчиваем с сотнями долларов прибыли. Но чаще мы попадаем в убыток: моя мама – слабачка, она позволяет детям выбирать больше трех разрешенных вещей.

Сегодня мы получим где-то двадцать долларов, и после этого, надеюсь, прикроем субботние посиделки. С другой стороны, радость маленьких детей делает маму счастливой. Так что я не жалею. Девочки хихикают, обнимая своих по-новому одетых кукол, и трогают все в магазине по пути к выходу. Следующие два часа мама потратит на уборку в «комнате для посиделок» (ранее известную, как комната отдыха).

Я поднимаю взгляд, когда входит Скай, а за ней Генри.

– Вчера вечером нам тебя не хватало, – говорит она.

– А что было вчера? – Я пытаюсь вспомнить, но в голове пустота.

– Выступление моей группы в «Скрим Шаут», – говорит Генри так, словно все это знают.

– Правда? И как все прошло?

– Он написал мне песню, – улыбается Скай.

Генри бросает на пол гитару и устраивается рядом с ней.

– Мы думали, нас даже попросят спеть на бис.

– Круто, – говорю я, смотря на написанный мамой список одежды для кукол, которая заканчивается, и вычеркиваю те, что уже заказала.

– Звучит так, будто она не впечатлена, но на самом деле это не так, – поясняет Скай Генри.

– Безусловно, – отвечаю я с сарказмом.

Он берет несколько аккордов на гитаре.

– У Кайвман совсем нет жизни, – поет он. Я бросаю в него ручку, но поскольку запасной нет, то иду ее подбирать.

– У нее есть жизнь, Генри, просто она очень скучная, – смеется Скай.

– Учítывая, что половину своего свободного времени я провожу с тобой, Скай, я бы следила за своим языком.

– У Кайвман скучная жизнь, – снова начинает он петь. – Она нуждается в тяжелой работе и спорах.

– Нет, меня все устраивает, спасибо. – Меня устраивает моя однообразная жизнь, ну, только раз в неделю меня одолевает желание рвать на себе волосы.

Скай поправляет куклу на полке рядом с ней.

– Seriously, Кайман, ты должна была прийти вчера. Почему ты не пришла?

– Во сколько ты вернулась домой? – спрашиваю я.

– Не знаю... где-то в два.

– Вот почему я не пришла. Мне нужно было работать утром.

– Звучит так, будто ты взрослая тетка, – произносит Генри.

Тебя кто-нибудь спрашивал?

– Спой ей песню, Генри. Настоящую песню.

– Окей.

Когда он начинает играть, Скай забирает у меня из рук ворох бумаг и кладет их на прилавок.

– Просто возьми небольшой перерыв. – Она тянет меня на пол к Генри. Пока он поет, она смотрит на меня. – Кстати, кто-то спрашивал о тебе прошлой ночью.

– Где?

– В «Скрим Шаут».

– Кто?

– Не знаю. Какой-то парень, который выглядел, как владелец того места. Одетый как элитная задница. Белоснежные зубы.

По какой-то причине эта новость вызывает у меня панику.

– Ксандер?

Она пожимает плечами.

– Не знаю. Он не назвал свое имя.

– А что он *сказал*?

– Ну, я услышала, как он обращался к парню сзади меня, спрашивая, не знает ли тот девушку по имени Кайман. Парень ответил, что не знает. Когда я развернулась сказать ему, что знакома с тобой, он уже уходил.

– И ты его больше не видела?

– Видела, он был там еще некоторое время, заказал содовую и слушал игру Генри.

Ксандер искал меня. Нехорошо. Мистер Богатый парень и его обеспеченная жизнь не должны меня касаться.

– Он был один?

– Нет, с ним была девушка с черными короткими волосами. И, по-моему, ей было скучно.

Может быть, его кузина?

– Кто он?

– Просто внук одной покупательницы.

– Богатый внучек богатой покупательницы?

– Да.

– Нам следует завести больше богатых друзей. Это переведет наши развлечения на новый уровень.

– О чем ты говоришь? – Я указываю на Генри. – У нас и так самый крутой уровень. Есть даже собственный музыкант.

– Вы, девчонки, даже не слушаете мою песню, – жалуется он.

– Прости, она великолепная, детка.

Он прекращает играть и убирает гитару в чехол.

– Кайвман, я хочу сделать тебе одолжение.

– Пожалуйста, не надо.

– Выслушай меня, я хочу свести тебя со своим другом. Будем тусоваться одной компанией. – Он поворачивается к Скай. – Тик, наш вокалист.

Скай начинает улыбаться.

– Да, он крутой. Ты полюбишь его, Кайман.

– Тик⁴? Как кровососущее насекомое?

– Нет, как тик. – Он часто моргает, изображая нервный тик. – Это его прозвище.

– А серьезно, – говорю я.

– Это правда. Я забыл его настоящее имя. Нет, серьезно, ребят, вы будете шикарной парой. Он тебе понравится.

Я встаю и снова собираю свои бумаги.

– Я не хочу никуда выходить. – И у меня точно нет желания идти на свидание вслепую с парнем, которого зовут Тик и который, по мнению *Генри*, мне подойдет.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – умоляет меня Скай, дергая за руку.

– Я даже не знаю, кто он. Я буду чувствовать себя некомфортно.

– Мы можем это изменить. Я пришлю его на этой неделе в магазин с тобой познакомиться, – говорит Генри.

Я поворачиваюсь к нему.

– Не смей.

– Звучит как вызов, – смеется он.

– Это не вызов, Тод. Не смей это делать. – Будет очень плохо, если я натравлю одну из кукол на него?

– Не волнуйся. Я все хитро устрою. Он не будет знать, что ты хочешь с ним встречаться.

– О, это замечательно, особенно учитывая, что я *не хочу* с ним встречаться.

⁴ Кайман имеет в виду не «Tic», как сказал Генри, а «Tick», что в переводе с английского означает клещ.

– Боится, – пропевает Скай.

Генри снова смеется и встает.

– Не переживай, Кайвман, все будет хорошо. Просто будь собой.

«Будь собой». Ненавижу это словосочетание. Словно мы с Тиком уже когда-то встречались и отлично поладили, поэтому и сейчас мне просто нужно быть собой. Как-то нелогично.

– Ты готова, Дай?

– Да, увидимся позже, Кайман. – Она хитро улыбается, и я издаю стон. Это ужасно. Они собираются прислать в мой магазин парня по имени Тик, и я ничего не могу с этим поделать.

Глава 6

Спустя неделю, во время которой я кидала тревожный взгляд на дверь всякий раз, когда звенел дверной колокольчик, у меня появилась мысль, что, может быть, Скай отговорила Генри присылать в магазин того парня. Но зря я так думала. В понедельник после обеда со стопкой бумаг в руках в магазин заходит парень.

У него черные короткие вьющиеся волосы и смуглая кожа, а кольцо в губе привлекает еще больше внимания к его пухлым губам. На нем джинсы, штанины которых заправлены в армейские ботинки, и футболка с надписью «Моя группа круче твоей». Тяжело это признавать, но он действительно привлекательный. И *слишком* крут для меня. Интересно, почему Скай сама *с ним* не встречается. Он кажется гораздо более подходящим для нее.

– Привет, – говорит он. У него хриплый голос, будто он только что проснулся или ему необходимо прочистить горло. – Генри сказал, что вы, ребята, не против положить на прилавок флаеры на наше следующее выступление.

Он осматривает помещение.

– Уверена, престарелые женщины будут без ума от рок-концерта, – отвечаю я.

Он хмурится.

– Да, Генри вроде думал... – Заметив куклу в колыбельке, он произносит: – Вероятно, я зашел не в тот магазин.

– Нет, все в порядке. Просто положи их сюда.

Парень подходит ко мне, кладет небольшую стопку флаеров на прилавок, а затем осматривает меня с ног до головы, и, видимо, я ему нравлюсь.

– Ты должна прийти на наш концерт, – говорит он, указывая на флаеры.

На листовке изображена жаба, которая выглядит так, будто ее только что переехал грузовик. Кто придумывал этот рисунок? Поперек ее брюха написано «Красти Тодс», а внизу листовки «Пятница, 22:00. «Скрим Шаут».

На кончике моего языка уже вертится саркастичное высказывание о флаере, но я останавливаю себя.

– Хорошо, постараюсь прийти.

– Звучит так, словно это последняя вещь, которую ты хочешь сделать. – Он несколько раз моргает, напоминая мне о своем прозвище. – Я вокалист. Теперь ты хочешь посетить наш концерт больше или меньше?

Я улыбаюсь.

– Немного больше.

– Меня зовут Мэйсон. – Гораздо лучше, чем Тик.

– Кайман.

Пожалуйста, не переделывай мое имя в дурацкое прозвище.

– Рад познакомиться, Кайман

Пять балов.

– Итак, каковы шансы, что я действительно увижу тебя в пятницу?

Мой взгляд опускается на флаер, а потом вновь возвращается к Мэйсону.

– Вполне приличные.

Он тянет свое кольцо в губе.

– Передай старушкам, что концерт будет улетным.

– Обязательно.

Мэйсон уже собрался было уходить, но мама заходит через черный вход, и он останавливается.

– Здравствуйте, – говорит она.

– Мама, это Мэйсон. Мэйсон, это моя мама Сьюзен.

– Здравствуйте, Сьюзен. Рад был познакомиться.

– Взаимно. – Она указывает на потолок. – Кайман, если понадобится, я наверху, мне нужно сделать пару звонков. – С поникшими плечами она доходит до лестницы.

– Все в порядке? – спрашиваю я.

– Да... м-м-м... Со мной все хорошо.

Я смотрю ей вслед, а затем снова обращаю все свое внимание на Мэйсона.

Он стучит по флаерам на прилавке.

– Увидимся в пятницу, – говорит он и, махнув рукой, выходит из магазина.

Прикусив губу, я смотрю на изображение жабы на листовке. Мне нужна новая одежда или прическа. Что-нибудь действительно незаезженное. Убедившись, что никто не войдет в магазин, я направляюсь в кабинет мамы, чтобы посмотреть, не выписала ли она мне чек. Обычно мама оставляет его в конверте на столе. Сумма небольшая, и я говорила ей тысячу раз, что чувствую себя неудобно из-за того, что она мне платит, но мама настаивает.

В правом ящике находится гроссбух, полный всевозможных квитанций и чеков. Я вытаскиваю его и пролистываю до конца – несколько раз я видела, как мама доставала мой чек оттуда. Там ничего нет. Закрывая книгу, я замечаю вспышку красного среди страниц. В самом низу страницы написан долг в 2 253,00 доллара. Это больше, чем мы тратим в месяц. Я знаю, потому что периодически просматриваю наши счета.

Мое сердцебиение учащается, а чувство вины заполняет легкие, препятствуя дыханию. Я искала здесь свой чек, а ведь мама больше не может мне платить. Мы разорены. Неудивительно, что в последнее время она такая нервная. Означает ли это, что мы потеряем магазин? Всего на одну секундочку я задумываюсь о жизни без кукольного магазина.

Всего на одну секундочку я чувствую себя свободной.

Глава 7

• • • • • • •

Я смотрю на свое отражение в большом зеркале, висящем в моей комнате. Даже если мне отойти так далеко, насколько это возможно, то я все равно не увижу себя полностью. Моя комната слишком маленькая. Я выпрямила волосы, надела свои лучшие джинсы с черной футболкой и зашнуровала фиолетовые ботинки. Ничего нового. Я борюсь с фактом, что поход на концерт – плохая идея, ведь уже через восемь часов мне нужно будет проснуться и собираться на работу. Знаю, магазин усиливает мое чувство вины, словно я всегда делаю недостаточно, поэтому в сотый раз повторяю себе, что мне необязательно оставаться там надолго, достаточно просто показаться и уйти.

Мама проходит мимо моей комнаты, а потом возвращается.

– Думала, ты уже ушла.

– Нет, если хочешь, могу остаться.

– Кайман, я в порядке. А теперь иди гулять. Ты выглядишь замечательно.

По пути к «Скрим Шаут» я осматриваю окрестности. Старый город выглядит как декорации к вестерну. Все фасады магазинов сделаны из вертикального сайдинга или красного кирпича. У некоторых магазинов даже есть маятниковые двери в стиле дикого Запада. Тротуары вымощены круглыми булыжниками. Не хватает лишь столбов, к которым ковбои бы привязывали своих лошадей. Вместо этого широкая улица и места для парковки машин. Океан находится всего через несколько кварталов отсюда, но в тихую ночь я могу его услышать, плюс, я всегда чувствую его запах. Делаю глубокий вздох.

Через два здания от нашего магазина располагается танцевальная студия, и я удивляюсь, увидев там горящий свет поздно вечером. Широко открытые окна позволяют рассмотреть все так четко, как в кинотеатре. Там девушка – примерно моя ровесница – танцует перед огромными зеркалами. Грациозные движения ее тела доказывают, что она занимается танцами вот уже много лет. Удивительно, почему некоторые, кажется, с самого рождения знают, чем хотят заниматься, другие, как я, даже не имеют представления. Вдыхая, я продолжаю путь.

«Скрим Шаут» забит местными жителями. Я замечаю пару человек из школы и киваю им. Вряд ли можно назвать это сценой, она больше походит на неустойчивую платформу. Возле нее размещены разномастные столики, а линия бара тянется вдоль одной из стен. Тут так много народа, что мне приходится искать Скай.

– Привет, – произносит Скай, когда я подхожу к ней. Ее волосы сегодня ярко-розовые, и рядом с ней я чувствую себя невзрачной.

– Привет. Сегодня столько людей.

– Знаю. Это круто. Похоже, ты понравилась Тику, потому что он о тебе спрашивал. – Она кивает на дверь возле сцены, где, видимо, готовится группа.

– Мы действительно должны его так называть? – Я еще не решила, какое впечатление произвел на меня Мэйсон. Но почему-то я нахожусь здесь, а не сплю в своей постели.

– Да, должны, Кайвман.

– Пожалуйста, только не ты, Дай.

Она смеются.

– Это ужасно, правда? Хотя я каждый раз смеюсь, когда ты называешь Генри Тодом.

– Кстати, как дела с Тодом?

– Хорошо.

Скай безумно преданная. Генри придется совершить действительно что-то отвратительное, чтобы она порвала с ним. Но он этого не сделает. Если не брать в счет умение придумывать плохие прозвища, то Генри славный.

Я оглядываюсь на сцену в ожидании группы.

– Думаю, сегодня он тебя покорит, ведь он собирается отжигать на сцене для тебя.

– Конечно, – улыбается она. – А ты вот-вот влюбишься в Тика, потому что его голос сладкий, словно мед.

И она права. Частично так и есть. Как только он начинает петь, я не могу отвести свой взгляд. У него мягкий, но хриплый голос, и вся атмосфера в зале заставляет меня качаться с толпой под бит, но смех Скай рядом выводит меня из транса.

– Я же тебе говорила, – говорит она, едва я обращаю на нее внимание.

– Что? Я просто слушаю. Не слушать было бы невежливо.

Она снова смеется.

Когда выступление заканчивается, Мэйсон спрыгивает со сцены и вместе с остальными парнями растворяется в «гримерке». Генри подходит к нам первым, и они со Скай начинают целоваться прямо передо мной. Твою мать. Почему мне тоже сейчас хочется с кем-нибудь поцеловаться? Мне же было комфортно одной. Я уже привыкла. Так что же изменилось? Слегка кривоватая улыбка Ксандера мелькает в моих мыслях. Нет. Я отгоняю образ прочь.

Почти убедившись, что, взяв образец слюны Скай на анализ, результаты покажут ДНК Генри, я говорю:

– Окей, достаточно.

Скай отстраняется, хихикая, а Генри притворяется, что только что меня заметил. Отлично.

– Как жизнь, чувиха? – интересуется он, затем наклоняется к бару и просит холодной воды. Забрав заказ, мы пытаемся найти свободный столик, но так как все занято, то просто стоим в углу и разговариваем.

Вскоре появляется Мэйсон и приобнимает меня за плечи. Его футболка пропитана потом, что вызывает у меня отвращение.

– Привет, Кайман. Ты пришла.

– Как видишь.

– Понравилось выступление?

– Конечно.

– А ты привела с собой старушек? – Он осматривается, будто это действительно могло бы произойти.

– Почти. Они отказались в последнюю минуту. Думаю, из-за группы металлистов, играющих в центре сегодня ночью.

– Какая группа? – спрашивает Генри, и Мэйсон начинает смеяться.

– Это была шутка, придурок, – говорит он.

– Не называй меня придурком.

– Тогда не веди себя так.

Генри делает недовольную гримасу, и Скай вмешивается:

– Ты не придурок, малыш. – И они снова начинают целоваться.

Нет, вы серьезно?!

– Хочешь что-нибудь выпить? – интересуется Мэйсон, сопровождая к освободившемуся столу.

– Да, пожалуйста.

Я располагаюсь, и он возвращается с двумя бутылками пива, протягивая мне одну. Я поднимаю руки.

– Я не пью. Мне семнадцать.

– И? Мне девятнадцать.

– Мама говорит, что до моего совершеннолетия она имеет право меня убить. – Она всегда говорит, чтобы я все сваливала на нее в щекотливой ситуации. Пока срабатывает.

– Окей, это круто, – смеется он и присаживается рядом.

Около минуты я смотрю, как он пьет, а затем говорю:

– Пойду достану немного воды.

– Ох, – он вскакивает, – сиди, сейчас принесу.

Я смотрю ему вслед и не могу решить: я чувствую себя так взволновано, потому что общаюсь с вокалистом группы или потому, что это Мэйсон? Но, когда какие-то две девушки подходят к нему в баре и он поворачивается, чтобы с ними поговорить, я понимаю – все из-за его популярности. К тому же я плохо его знаю. Теперь я чувствую себя поверхностной.

Бармен протягивает ему стакан воды, но Мэйсон не прерывает разговор.

Я резко встаю. Мне нужно идти. Мне рано вставать.

Направляюсь туда, где мы оставили Генри и Скай, и хлопаю подругу по плечу.

– Эй, я ухожу.

Она отстраняется от Генри.

– Подожди. – Она осматривается и замечает Мэйсона. – Нет, не уходи. Его всегда атакуют

девушки. Это не его вина.

– Это меня не волнует. Я ухожу не из-за него. – В конце концов, это то, в чем я пытаюсь себя убедить. – Мне нужно работать утром. Увидимся.

Я отхожу, чтобы попрощаться с Мэйсоном.

– Подожди, мы тебя проводим.

Когда мы проходим мимо Мэйсона, я машу ему на прощание.

– Мы идем провожать Кайман домой, – громко произносит Скай.

Мэйсон просит нас подождать, поворачивается и заканчивает разговор с девушками. Потом ставит воду, которую заказал в баре и подходит к нам.

– Я с вами.

Генри и Скай, тихо переговариваясь, идут перед нами. Мэйсон опять приобнял меня за плечи. И вскоре до меня доходит, что он не знает такого понятия, как личное пространство. Один квартал мы проходим молча.

– Не думал, что ты так рано уйдешь, – говорит он наконец.

– Мне нужно работать утром.

– Мы играем снова на следующей неделе.

Не уверена, приглашает ли он меня или просто продолжает разговор, поэтому лишь киваю.

– Спасибо, – благодарю я его, когда мы подходим к магазину, и достаю ключи.

Мэйсон наклоняется ко мне, а поскольку в моей голове не было даже мысли, что он захочет меня поцеловать, я не успеваю достаточно быстро уклониться, и его на удивление мягкие губы накрывают мои.

– Ох, э-э... ну ничего себе, – бормочу я, все-таки отстранившись от него.

Он не отходит, а его взгляд встречается с моим.

– Спасибо, что пришла сегодня.

Его хриплый голос заставляет мое сердце биться чаще, и я вновь удивляюсь чувствам, которые он у меня вызывает.

– Ладно, увидимся.

Скай улыбается, словно это было самым захватывающим шоу, которое она когда-либо видела.

Я просто хочу сбежать.

Глава 8

Магазин начинает работать с девяти, но уже в шесть мои глаза открываются как по часам. Я стараюсь снова заснуть, но весь мой организм против этой идеи, поэтому уже некоторое время я просто смотрю на потолок, размышляя о прошлой ночи. Что произошло? Мэйсон намеренно меня поцеловал? Или, может быть, это я набросилась на него, когда он всего лишь хотел меня обнять? Мне нужно выкинуть все из головы, а потом попытаться еще раз детально вспомнить прошлую ночь.

Итак. Существует всего два логических объяснения. Первый: все произошло случайно, а он слишком хорош, чтобы отказать, тем самым унизив меня. Второй: он настолько дружелюбный, что целует всех подряд. И теперь, разложив все по полочкам, я чувствую себя гораздо лучше. Надеюсь, мы не увидимся в ближайшее время.

После часа безуспешных попыток заснуть я все-таки встаю с кровати и принимаю душ, пока мама не заняла ванную. Надеваю джинсы, футболку и махровые черные домашние тапки. С еще мокрыми волосами я спускаюсь в магазин, чтобы забрать список заказов и ввести их в компьютер.

Еще раз сверяю список с данными, которые собрала мама. До открытия остается всего час, так что у меня в запасе еще достаточно времени, чтобы закончить приготовления. Убрав список в карман, я направляюсь к компьютеру и слышу стук в дверь. Моя рука машинально касается мокрых волос, и я сразу же думаю, что это Мэйсон. Такой поворот событий не укладывается ни в один из сценариев, которые я проработала. Да и чрезмерно любвеобильные рок-звезды не появляются так рано на следующее утро. Мы еще закрыты, поэтому жалюзи на окнах опущены, и мне можно не открывать дверь.

Секундой позже звонит телефон. У Мэйсона вроде нет телефонного номера магазина? Могла ли Скай дать его ему? Я поднимаю трубку, прежде чем мама ответит наверху.

– Здравствуйте, «Куклы и остальное».

– Неделю назад кто-то предупредил меня не покупать черничные кексы у Эдди, но я ослушался и все равно их купил. И теперь время от времени я пытаюсь удовлетворить эту нескончаемую потребность.

Я чувствую огромное облегчение, узнав голос на линии, и у меня вырывается непонятная смесь из смеха и вздоха, потом быстро прочищаю горло и отвечаю:

– Их вкус вызывает привыкание.

– Теперь я тебе верю. – Я улыбаюсь. – Ты меняпустишь? Тут холодно, плюс, я с тобой поделюсь. – Я бросаю взгляд на дверь. – Похоже, на этом кексе даже есть твое имя. Хотя нет, прости, тут только мое.

– Я...

– Хочешь, чтобы я умер от переохлаждения, да? – говорит он.

– Не думаю, что там настолько холодно. – Шаркая тапочками, я направляюсь к двери, открываю и придерживаю ее для Ксандера.

– Привет. – Его голос отражается эхом у меня в телефоне, который все еще прижат к уху. Я нажимаю кнопку отключения.

Прошло так много времени, что я забыла, как он прекрасен и... богат. Меня обдает потоком холодного воздуха, поэтому я быстро закрываю дверь и поворачиваюсь к Ксандеру. Он держит коричневый бумажный пакет из пекарни «У Эдди» и два пластиковых стакана с крышками.

– Горячий шоколад, – он поднимает стакан в правой руке, – или кофе. – А теперь поднимает стакан в левой руке. – Я сделал маленький глоток из каждого стакана, поэтому мне без разницы.

Отлично. Может быть, богатство – это заразная болезнь? Я указываю на его правую руку.

– Горячий шоколад.

– Значит, ты горячая шоколадная девочка.

Я забираю у него горячий шоколад, стараясь успокоить дрожащие руки. Иначе он поймет, что его внезапное появление сбilo меня с толку.

Потом я внимательно осматриваю его. Меня раздражает, что даже столь ранним утром он выглядит таким... бодрым. Интересно, посреди ночи со спуганными волосами и заспанными глазами он будет выглядеть таким же идеальным?

– Ты так на меня пялишься, что мне становится некомфортно.

– Я не пялюсь, я наблюдаю.

– И в чем разница?

– Основная цель наблюдения заключается в получении данных и формировании предположения или вывода.

Он наклоняет голову.

– И каков вердикт?

Тебе не хватает всего одного шага до нормальности. Черный перстень на его пальце задевает кресло-качалку, когда он поворачивается, осматривая темный магазин. Я поднимаю брови. *Может, быть два...*

– Ты ранняя пташка.

Он разводит руками, как бы говоря: «Ты меня поймала».

– Я тоже кое-что заметил.

– Что?

– Что у тебя мокрые волосы.

Ох. Точно.

– Ну, ты вломился без предупреждения. А просыпаясь, я не выгляжу идеально. – Как некоторые.

Его лицо озаряется пониманием, и я жду, когда он выразит свое заключение. Он оглядывается через плечо.

– Ты здесь *живешь*?

– Да, наверху есть апартаменты. – Теперь я в замешательстве. – Если ты не знал, что я здесь живу, то почему пришел сюда еще до открытия?

– Я предположил, что ты появишься раньше, чтобы подготовить все к открытию.

– Это именно тот случай, когда точные наблюдения были бы как раз кстати. – Он смеется. – Ты себе даже не представляешь, сколько может появиться ночных кошмаров из-за магазина кукол. На протяжении многих лет меня убивает фарфоровая кукла с ангельским лицом всеми возможными способами.

– Это действительно... отвратительно.

Я смеюсь.

– Так что ты здесь делаешь?

– Ем кексы Эдди. Разве не видно? А поскольку именно ты познакомила меня с этим наркотиком, то я решил, что будет правильно поделиться.

– Тебе нравятся куклы, да? Ты по ним скучал.

Он нехотя улыбается.

– Да, я ужасно скучал по этому месту.

Я кладу телефон на прилавок, обхватываю ладонями теплый стакан и направляюсь в подсобное помещение. Ксандер следует за мной. Я присаживаюсь на старый диванчик и кладу ноги на кофейный столик.

Он ставит пакет с едой рядом с моими ногами, снимает пиджак и усаживается рядом со мной.

– Итак, Кайман...

– Итак, Ксандер.

– Как острова.

– Что?

– Твое имя. Кайман. Как Кайманские острова. Это любимое место твоей мамы?

– Нет, оно третье в списке. У меня есть старший брат по имени Париж и старшая сестра – Сидней.

– Вау. – Он открывает пакет, достает кекс, посыпанный сахарной пудрой, и протягивает его мне. – Серьезно?

Я аккуратно разворачиваю его.

– Нет.

– Подожди, так у тебя нет братьев и сестер? Или их зовут по-другому?

– Я единственный ребенок. – Ведь я внебрачный ребенок и не знаю своего отца. Интересно, этот факт заставит Ксандера сбежать? Возможно. Тогда почему я не произнесла это вслух?

– На заметку: Кайман очень хороша в сарказме.

– Если ты делаешь заметки для официального документа, я хотела бы, чтобы ты заменил

слово «очень» на «исключительно».

Его глаза загораются, но улыбка все же не затрагивает его губы. Кажется, он считает меня забавной. Хотя мама всегда говорила, что парней мой сарказм лишь отпугивает.

– Теперь твоя очередь, – говорит он.

– Для чего?

– Задать мне вопрос.

– Хорошо... м-м-м... ты всегда вынуждаешь девушек приглашать тебя к себе домой?

– Нет, обычно они делают это по собственному желанию.

– Ну естественно.

Он откидывается на спинку и откусывает кекс.

– Итак, мисс Наблюдательность, каким было твое первое впечатление обо мне?

– Когда ты пришел в магазин?

– Да.

Это легко.

– Решила, что ты высокомерный.

– Правда? Почему ты так подумала?

Это его удивляет?

– Я думала, сейчас моя очередь задавать вопрос.

– Что?

– Разве не таковы правила игры? С каждого по вопросу.

Он смотрит на меня с ожиданием. И я понимаю, что у меня нет вопросов. Или их слишком много. К примеру, что на самом деле привело его сюда? Когда он поймет, что я не играю с людьми из его круга? И почему он мной заинтересовался? Если это так, то что именно его во мне привлекло.

– Я могу закончить приготовления к открытию?

Глава 9

– Нет. Моя очередь. Почему ты решила, что я высокомерный?

Мой взгляд задерживается на складке на рукаве его футболки – явный признак того, что она отглаженная. Кто гладит футболки?

– Ты поманил меня, – отвечаю я, погрузившись в воспоминания о том дне.

Взгляд его карих глаз встречается с моим. Даже его глаза с золотыми крапинками напоминают мне о его богатстве.

– Что?

– Оставайся здесь, а я буду тобой. – Я направляюсь в другой конец комнаты и притворяюсь, что вхожу через дверь, держа телефон у уха, делаю несколько шагов с важным видом, осматриваю стену, представляя на ее месте полку с куклами, и подзываю его рукой. Я ожидаю, что он рассмеется, но, поворачиваясь, вижу, что его это огорчило.

– Ну, может быть, я немного преувеличила, – говорю я, хотя это не так.

– Значит, таким ты меня видела?

Я прочищаю горло и медленно иду обратно к дивану.

– Ты футболист или математический гений?

– Прости?

– Твоя бабушка хвасталась своими внуками. Пытаюсь понять, который из них ты.

– Тот, который не преуспел ни в чем.

Я касаюсь носком своей тапки ножки стола.

– Ты знаешь, с кем разговариваешь?

– Знаю, Кайман.

Я закатываю глаза.

– В смысле, я королева безделья, поэтому не думаю, что ты превзошел меня.

– И что ты не сделала из того, о чем мечтала?

Я пожимаю плечами.

– Не знаю. Я стараюсь об этом не думать. Меня полностью устраивает моя жизнь. Думаю, мы станем несчастными из-за несбывшихся надежд.

– То есть чем меньше ты ожидаешь от жизни...

– Нет, не так. Я просто стараюсь радоваться тому, что у меня есть, и не мечтать о большем. – И у меня это прекрасно получается, а вот такие люди, как он, то и дело напоминают мне о том, чего у меня нет.

Он доедает кекс и бросает обертку в пакет.

– И это срабатывает? Ты счастлива?

– В целом да.

Ксандер приподнимает стакан и говорит, как бы произнося тост:

– И это все, что имеет значение, не так ли?

Я киваю и кладу ноги на кофейный столик. Список заказов в моем кармане сминается при движении, и я достаю его.

– Мне пора. Нужно еще кое-что сделать до открытия.

– Да, конечно. Мне тоже нужно идти. – Мгновение он колеблется, словно хочет что-то добавить.

Я поднимаюсь, он тоже встает и забирает свой пиджак. Провожая его до парадного входа в магазин и открываю дверь.

Как только он уходит, до меня доходит, насколько мало за сегодняшний разговор мы узнали друг о друге. Я не знаю, сколько ему лет, в какую школу он ходит и чем любит заниматься. Мы не задавали важных вопросов. Мы что, действительно говорили о глупых, бессмысленных вещах, потому что в глубине души не хотим лучше узнать друг друга?

Он нажимает на кнопку на брелке, и модная серебристая спортивная машина, припаркованная перед входом в магазин, снимается с сигнализации. Эта машина моментально отвечает на все вопросы, которые могли меня интересовать. Больше и не надо.

Он открывает дверь и улыбается мне *той самой* улыбкой, и я слышу собственный крик:

– Ты в старшем классе?

Он кивает.

– А ты?

– Да. – Я приподнимаю свой напиток. – Спасибо за завтрак.

– Нет проблем.

Я закрываю дверь и прислоняюсь к ней. Почему?

У меня уходит несколько минут, чтобы оторвать себя от двери и подняться по лестнице. Мама в ванной, поэтому я тащу стул к старому компьютеру и начинаю вводить заказы.

– Я слышала телефонный звонок? – спрашивает она, когда заходит на кухню, вытирая волосы полотенцем.

– Да, я ответила.

– Кто звонил?

– Просто спросили, во сколько мы открываемся. – Это был первый раз в жизни, когда я соврала маме. Мы рассказываем друг другу все. Это удивляет меня. Я должна была сказать: «Это был парень по имени Ксандер, который гладит футболки и носит украшения». Это было бы забавно. Мама бы притворилась оскорбленной. Мы могли бы поговорить о том, что он подстригается где-то два раза в месяц. В итоге мама сказала бы: «Лучше не общаться с такими людьми», и я бы согласилась. Я действительно согласна. Тогда что меня остановило?

– Мам, ты можешь закончить за меня? У меня будет ужасная прическа, если я сейчас же не высушу волосы.

– Да, конечно.

– Спасибо.

Я закрываюсь в ванной и прикрываю ладонями глаза. Что меня остановило?

Симпатия.

Мне не хочется, чтобы мама плохо к нему относилась. Каким-то образом этот парень смог выбраться из коробки, полной людей, на которых я написала «запрещено». Он стал другим. И к своему ужасу, я в каком-то роде испытываю симпатию к Ксандеру Спенсу.

И это срочно нужно изменить.

Глава 10

В понедельник утром я прощаюсь с мамой и открываю парадную дверь магазина. По пути в школу я замечаю спортивную машину, похожую на машину Ксандера, которая припаркована недалеко от нашего магазина. Наклоняюсь, чтобы заглянуть внутрь, затем выпрямляюсь и, увидев Ксандера на противоположной стороне, подпрыгиваю. Он протягивает мне стаканчик с горячим шоколадом и отпивает немного из своего.

Смотрю на стакан – такой же, как вчера.

– Я выпью его, только если ты уже сделал от туда глоток, – вырывается у меня, вместо: «Что ты здесь делаешь?». Это может выдать, что мне не все равно.

Он забирает мой стакан, отпивает горячий шоколад и возвращает его мне. Его реакция на мой сарказм настолько сильно удивляет меня, что я не могу сдержать смех.

– Надеюсь, сегодня ночью в пекарне проходило собрание анонимных любителей кексов Эдди. Если нет, то мне известно местечко, где продают нужные таблетки.

– Боюсь, я пока не хочу избавляться от своего пристрастия, – отвечает он.

Я бросаю на него косой взгляд. Мы же все еще говорим о кексах, правильно?

– Прости.

– Чья очередь задавать вопрос? – спрашивает он.

– Моя, – отвечаю я, хотя на самом деле не помню. В любом случае, я предпочитаю спрашивать, а не отвечать.

– Окей, спрашивай.

– У тебя есть братья? – Мне известно, что у него нет сестер, потому что его бабушка говорила, что у нее только одна внучка. А он уже объяснил, что это его кузина.

– Да, у меня два старших брата. Самуэлю двадцать три, и он недавно окончил юридический.

– В каком университете?

– В Гарварде.

Ну конечно.

– Другому брату, Лукасу, двадцать. Он сейчас в колледже.

– У них вполне нормальные имена.

– Нормальные?

– Никаких Четсов или Веллингтонсов, или чего-нибудь в этом роде.

Он выгибает бровь.

– Ты знаешь кто-нибудь по имени Веллингтон?

– Нет, конечно. Но ты, думаю, знаешь.

– Нет, не знаю.

– Хм, – всего лишь выдаю я.

– Ладно, теперь моя очередь.

Я улыбаюсь, но в то же время очень нервничаю. Хотелось бы мне контролировать его вопросы, таким образом я смогла бы избегать тех, на которые отвечать не хочу.

– Ты носишь линзы?

– Что? И это твой вопрос?

– Да.

– Нет. Почему ты спрашиваешь?

– Никогда не видел таких зеленых глаз. Поэтому я решил, что, может быть, это цветные линзы.

Я отворачиваюсь, пытаюсь скрыть от него улыбку, и мысленно проклиная его за то, что заставил почувствовать себя особенной.

– А ты?

– Конечно нет. Думаешь, я бы выбрал карие? Это же банально.

– Благодаря золотым крапинкам они скорее янтарного цвета. – Я хочу пнуть себя за это признание, особенно после того, как он ослепительно мне улыбается.

– Мы пришли. – Я указываю на старую школу справа от меня. Здание было построено семьдесят пять лет назад, и, несмотря на то, что оно сохранилось довольно-таки неплохо, не

помешало бы его отремонтировать.

Он смотрит на школу, и я начинаю нервничать, размышляя, что он о ней думает. Интересно, почему же меня волнует его мнение? Ксандер, скорее всего, ходит в одну из двух частных школ в городе. Да, столько богатых людей здесь живет – им нужны две частные школы в маленьком прибрежном городке.

Его взгляд возвращается ко мне.

– Увидимся позже.

– Позже? Ты собираешься приехать сюда в двенадцать, чтобы проводить меня домой? Потому что я не уверена, смогу ли выдержать твою компанию дважды за день.

Ксандер тяжело вздыхает.

– А моя бабушка считает тебя милой. – На его лбу появляется морщинка. – Твои занятия заканчиваются в полдень?

– Скажем так, уроки заканчиваются не в двенадцать, но я уйду именно во столько.

– Почему?

– Эм... – Я машу рукой в сторону своего магазина. – Мне надо работать.

Его глаза расширяются.

– Ты пропускаешь полдня в школе, потому что работаешь?

– Это не проблема... к тому же, это была моя идея... мне не сложно. – Я знаю, что говорю бессвязно только потому, что на самом деле меня это волнует. Поэтому прекращаю оправдываться. – Мне нужно идти.

– Хорошо. Пока, Кайман. – Он разворачивается и направляется обратно к машине, даже не оглянувшись.

• • • • •

– Кайман, – говорит мистер Браун, когда я вхожу в научный класс несколькими минутами позже.

– Простите, я попала в терновый куст, и мне пришлось долго выпутываться. – В каком-то смысле это даже правда.

– Несмотря на то, что твои отговорки на сегодняшний день наиболее креативные, я обратился к тебе не поэтому.

Весь класс уже начал выполнять лабораторную, и я тоже хотела ею заняться. Похоже, они используют настоящие химикаты.

Должно быть, мистер Браун замечает мой взгляд, так как произносит:

– Это займет всего минутку.

Я неохотно подхожу к его столу.

Он пододвигает ко мне несколько листовок.

– Вот про этот колледж я тебе рассказывал. Он специализируется на математике и естественных науках.

Я забираю бумаги.

– Хорошо, спасибо. – Я поняла еще в начале учебного года, что лучше говорить учителям о своем намерении пойти в колледж, нежели объяснять обратное. Я запикиваю бумаги в рюкзак и занимаю свое место. В начале года нас было нечетное количество в классе. Мистер Браун спросил, кто хочет сидеть один, и я подняла руку. Мне удобнее делать лабораторную в одиночку – так никто не испортит работу. Гораздо легче быть самостоятельной.

• • • • •

На следующее утро Ксандер опять поджидает меня у входа в магазин, небрежно прислонившись к фонарному столбу, как будто мы ходим вместе в школу всю жизнь. Он делает глоток из стакана с горячим шоколадом и отдает его мне.

Я беру напиток. Он обжигает мне горло. Это неправильно. Мне нужно, чтобы Ксандер исчез, тогда я смогу вернуться к своему нормальному образу жизни и высмеивать таких людей, как он.

Тогда я смогу перестать ждать утра только для того, чтобы вновь увидеть его.

– Итак, мистер Спенс, один твой брат юрист, другой – учится в каком-то крутом колледже. Что насчет твоего будущего?

– В этом я похож на тебя.

– В какой вселенной?

Видимо, он подумал, что это шутка, и рассмеялся.

– Предполагается, что я продолжу семейный бизнес.

– И что заставило тебя подумать, что я тоже буду заниматься семейным бизнесом?

– Ты работаешь и живешь там, помогаешь в управлении магазином... уверен, твоя мама хочет передать магазин тебе.

Я смирилась с этим уже давно, но его слова действуют, как спусковой крючок.

– Я не собираюсь всю жизнь торчать в магазине кукол.

– Тогда тебе лучше начать подавать сигналы.

– Все сложнее, чем кажется. – Я не могу все бросить. Она на меня рассчитывает.

– Понимаю.

Теперь моя очередь смеяться. Ничего он не понимает. Совершенно очевидно, что если Ксандер уйдет из семейного бизнеса, то ничего ужасного не случится. Их счета все равно буду оплачены. Перед ним открыто будущее безграничных возможностей.

– И чем ты будешь заниматься? – интересуется он.

– Пока не знаю. Я люблю науку, но что мне с этим делать? – Мысли об этом, помогали мне расти, внушая, что у меня есть выбор. – Почему ты?

– Почему я?

– Да, почему ты продолжишь семейный бизнес, а не твои братья?

– Потому что во мне нет ничего выдающегося. Нет ярко выраженных сильных сторон. Поэтому мой отец решил все за меня, сказав, что у меня получается многое, благодаря чему я могу быть лицом компании. Вот так.

– Что за бизнес у твоей семьи?

Он наклоняет голову, как бы решая, серьезно ли я.

– «Конец дороги».

Я пытаюсь понять смысл этого высказывания.

– Вы владеете отелем?

– Вроде того.

– И что означает «вроде того»? Вы либо владеете, либо нет.

– Их больше пятисот.

– Ладно.

– Целая сеть.

– Ох. – Понимание накрывает меня. – Вы владельцы всех... – Ничего себе. Это парень не просто богат, он БОГАТ. Все мое тело напрягается.

– Да, меня готовят к управлению ими. Прямо как тебя.

Прямо как меня. Мы практически близнецы.

К этому моменту мы подходим к школе. Так Ксандер поэтому обратил на меня внимание? Мне хотелось сказать, что если он думает, что между нами существует какая-то связь из-за схожих ситуаций, то ему следует подумать еще раз. Но я не могу заставить себя это сказать, не уверена, попытаюсь я пощадить его чувства или свои.

– Увидимся.

На этот раз, не оборачиваясь, ухожу я.

Глава 11

Впервые, сколько я себя помню, в нашем магазине сразу два покупателя. И каждому из них нужна помощь.

Я не очень хорошо нахожу общий язык с детьми – вероятно, именно поэтому и не помогаю маме во время посиделок, – так что мама сразу направляется к мамочке с малышкой, а я подхожу к женщине среднего возраста.

– Здравствуйте, могу ли я вам чем-нибудь помочь?

– Да, я приходила сюда несколько месяцев... а может быть, полгода назад. Не уверена... но кукла стояла тут.

На этом она замолкает.

– Я должна узнать подробности, обычно мы не разрешаем куклам разгуливать по магазину.

Из нее вырывается вялый смешок.

– Знаю, я должна быть более конкретной. – Она прогуливается среди полок, внимательно осматривая каждую куклу, одну за другой.

Я слеую за ней.

– Если вы ее опишите, то я создам фоторобот подозреваемой.

– Темные волнистые волосы, ямочка на левой щеке.

Женщина описывает себя. Многие люди влюбляются в кукол, которые похожи на них самих. Так что я изучаю внешность покупательницы и пытаюсь вспомнить куклу, похожую на нее.

– Тина, – наконец говорю я. – Это кукла сидела?

– Да. – Женщина широко улыбается. – По-моему, ее звали Тина.

– Она должна быть здесь. Сейчас проверю. – Я иду в угол магазина, где должна находиться Тина, но ее там нет. – Я посмотрю в кладовке.

Мы всегда заказываем несколько экземпляров куклы, если она хорошо продается.

Одна из стен в кладовке занята полками, в каждой секции на полке лежит одна-единственная коробка. На крышке каждой коробки написано имя куклы. Это наша собственная усыпальница фарфоровых кукол. На одной из верхних полок замечаю коробку с Тиной. Тащу к этому месту стремянку и спускаю коробку, которая кажется слишком легкой.

На полу, после копания в оберточной бумаге, до меня доходит почему – куклы внутри нет. Странно. Несколько секунд я стою в замешательстве, не понимая, что делать, а потом возвращаюсь в магазин и прерываю маму на полуслове.

– Прости, мам, можно тебя на минуточку?

Она поднимает один палец и, закончив разговор с покупателями, подходит ко мне.

– Что случилось?

– Я искала Тину, но ее, видимо, похитили.

– Ох, прости. Я продала ее некоторое время назад и забыла положить карточку в ящик.

– Хорошо, просто я испугалась. Я сообщу покупательнице, что мы можем заказать для нее Тину.

– Кайман, – говорит мама, понизив голос.

– Да?

– Может быть, для начала попытаешься продать то, что есть, прежде чем заказывать еще куклу?

Я киваю. Конечно. Теперь все встало на свои места. Мама хочет продать кукол, которые имеются в наличии, прежде чем заказывать следующую партию. Это хорошая идея для того, чтобы выбраться из долговой ямы. А еще это означает, что у нее есть план по ликвидации огромной суммы задолженности в грессбухе.

– Мне очень жаль, – говорю я женщине. – Тина нашла другой дом, но у нас есть множество других кукол, которые на нее похожи. Позвольте мне показать вам свои любимые. – Ну, это я преувеличила, скорее, наименее пугающие.

Женщина оказалась очень мягкой. После того, как я показала ей несколько двойников Тины, она очень расстроилась. Ее голос стал дрожать, а на щеках залегли тени.

– Я хочу именно Тину. Мажет, ее можно заказать? У вас есть каталог?

Мама, только попрощавшись со своими покупателями, присоединяется к нам.

– Вам помощь?

– У вас была кукла, которую я хочу купить, а теперь ее нет.

– Тина, – напоминаю я маме.

– Кайман показала вам другие куклы?

– Да, но они мне не нравятся.

– Есть ли в Тине что-то необычное, что делает ее для вас особенной?

– Да, когда я была маленькой, мой папа подарил мне куклу. Ее отдали, когда я была подростком, а мой отец умер. А увидев Тину несколько месяцев назад, я поразились, как сильно она похожа на ту куклу. Тогда я ее не купила, но так и не смогла выкинуть эту куклу из головы. Поэтому я хочу именно ее. – Несколько слезинок вытекают из ее глаз, и она поспешно их смахивает.

Я отворачиваюсь, смутившись из-за ее слов. Или тут нечто большее. Может быть, я ревную, что у кого-то могут быть настолько теплые отношения с отцом, что даже всего лишь мысль о нем после его смерти может так расстроить. Когда я думаю об отце, то ощущаю только пустоту.

Мама поглаживает ее руку и говорит:

– Я очень хорошо вас понимаю. – Но может ли она на самом деле понимать? Ведь ее отверг собственный отец. Думает ли она об этом, пока успокаивает покупательницу? Думает ли об этом вообще? Или же она, как и я, пытается запихнуть эти мысли в темный уголок в надежде, что они никогда не всплывут, особенно в присутствии посторонних?

– Я так сожалею о вашей потере, – продолжает мама. – Порой мелочи возвращают нам особые воспоминания. – Она показывает рукой на меня. – Кайман иногда перебарщивает, но мы определенно закажем ту куклу. И даже предоставим вам скидку.

Прекрасно, теперь я козел отпущения. Но я могу с этим справиться и полностью взять вину на себя. Однако тот факт, что мама в очередной раз не думает о наших финансовых проблемах, очень меня беспокоит. Мог ли магазин разориться из-за того, что мама постоянно делает скидки и разрешает девочкам забирать слишком много одежды во время посиделок?..

– Конечно, – говорю я. – Позвольте мне показать вам каталог, чтобы мы убедились, что это именно та кукла. – Я делаю пару шагов. – Мы берем предоплату за заказ.

Последнее, что нам нужно, так это заказывать куклы, которые потом никто не заберет.

Когда женщина уходит, мама поворачивается ко мне.

– Кайман.

– Что?

– Поверить не могу, что ты около получаса пыталась продать другую куклу, так и не узнав, почему женщина хочет именно Тину. Мы печемся о своих клиентах, Кайман. Я встречала слишком много эгоистичных людей для того, чтобы вырастить дочь, которая не думает о других, даже если они незнакомцы.

Мама не настолько скрыто оскорбляет моего отца, чтобы я этого не поняла, но ее обобщение меня беспокоит. Разве не возможно, что причиной плохого отношения, которое те ужасные богатые люди на нее вываливали, были вовсе не деньги?

– Ты сказала попытаться продать то, что есть.

– Но не в ущерб ее чувствам.

– В отличие от кукол, чувства ничего не стоят.

Она улыбается и гладит меня по щеке.

– Дорогая моя, в один прекрасный день ты поймешь, что чувства – это самое ценное в мире.

И это приведет нас к банкротству.

Позже, находясь в своей комнате, ее фраза раз за разом прокручивается у меня в голове. «Чувства – это самое ценное в мире». Что это значит? Нет, я понимаю смысл этого высказывания, но что оно значит для нее? Она имела в виду моего отца? Своего?

Я достаю с верхней полки тетрадку с надписью: «Донор органов», открываю ее на чистой странице и записываю фразу мамы. В этой тетради я храню всю информацию об отце. Я знаю уже многое: его имя, где он живет, даже как он выглядит. Пару раз я искала данные о нем в Интернете. Он работает на какую-то крутую юридическую фирму в Нью-Йорке. Но *знание* о ком-то не является эквивалентом *общения* с этим человеком. Так что в этой тетради я записываю все, о чем когда-либо говорила мама. Информации немного. Она знала отца, когда была еще совсем юной; это был короткий роман, который неожиданно оборвался. Я часто задаюсь вопросом: знала ли она его

вообще? Мама редко могла ответить на мои вопросы, поэтому я прекратила спрашивать. Но иногда, мимоходом, она говорит о вещах, которые мне хочется запомнить. Факты, которые могли бы мне помочь узнать... его? Себя?

Даже мысли об этом делают меня злой. Как будто я в нем нуждаюсь. Он бросил маму на произвол судьбы. Как я могу хотеть быть на него похожей? Но я практична и рациональна, и потому хочу знать как можно больше о нем на случай, если я захочу его найти.

Я закрываю тетрадь и подчеркиваю название еще раз.

Никогда не знаешь, когда тебе может понадобится почка или что-то еще.

Вот почему я храню эту тетрадь.

И это единственная причина.

Глава 12

На следующее утро мое состояние совсем не изменилось. Мысли об отце всегда портили мне настроение. Да еще и пустая коробка с куклой помогла мне понять, что наш магазин находится в более сложном положении, чем я думала. Во мне теплилась надежда, что мы всегда работали, пытаюсь покрыть убыток, но теперь я точно знаю – это не так. И то, что мама заказала куклу для женщины в УБЫТОК нам, говорит о том, что она не сможет вывести нас из кризиса. Уже через месяц мы можем стать бездомными. Я чувствую, как этот груз ложится мне на плечи, и понятия не имею, что с этим делать.

Хватаю свой рюкзак и выхожу из магазина. Сегодня холодно, и когда я выхожу на улицу, мои щеки начинает покалывать. Когда я прохожу почти полквартала, на моем пути появляется Ксандер и протягивает мне я-уже-от-туда-отпил напиток. Я наслаждаюсь теплотой напитка, которая согревает меня изнутри. Не могу поверить, что он провожает меня в школу уже неделю. Пытаюсь скрыть свою улыбку, я делаю большой глоток.

– Ты в порядке?

Я поднимаю на него взгляд и замечаю, как он пристально меня рассматривает.

– Что? Да, конечно.

– Когда ты выходишь, у тебя обычно всегда наготове какое-нибудь саркастичное замечание. Неужели он настолько хорошо меня изучил?

– Значит, я твоя ежедневная доза?

– Типа того. – Ксандер прокашливается. – Ладно, у меня есть новая игра. Испытание. Интересует?

– Вся во внимании.

– Ты не знаешь, что делать со своей жизнью, а я не знаю, что делать со своей. Но мы оба точно знаем, что не хотим заниматься семейным бизнесом.

– Звучит ужасно, но это так.

– Поэтому я собираюсь найти твою судьбу, а ты – мою.

– Эм, что?

– Я попытаюсь понять, чем тебе нравится заниматься.

– Как?

– Пробуя все. День профессий. И я буду первым. Завтра в час. Будь готова.

– Завтра суббота. Разве ты не хочешь посмотреть теннисный матч или еще что-то?

– Нет, я ненавижу теннис.

Я озираюсь по сторонам.

– Такие вещи ты должен говорить только шепотом. Ты же не хочешь, чтобы тебя исключили из клуба.

– Ты пытаешься увильнуть?

– Я работаю по субботам.

– Самое время начинать подавать сигналы.

Я вспоминаю наше ежемесячное расписание. Мы с мамой составили его еще в начале месяца, как делаем всегда.

– У нас запланированы посиделки. Я никак не могу оставить ее одну. – Но, может быть, после...

Он не говорит ни слова, лишь иронично смотрит на меня. Давление от бремени на моих плечах усиливается, и меня обдает волной гнева. Почему я должна отвечать за магазин мамы? Почему у меня нет выбора?

– Хорошо, в час.

Наступает суббота, а я так и не рассказала маме, что хочу уйти. Та короткая вспышка гнева вскоре переросла в чувство вины. Мама постоянно нервничает, а магазин на грани краха.

Неподходящее время для протеста. Хотя будет ли вообще когда-нибудь подходящее время? Из-за одного дня все не развалится... по крайней мере, я на это надеюсь.

В расписании стоят одни посиделки для именинниц с десяти до полудня. Будет просто идеально, если я помогу маме и как раз закончу, чтобы пойти с Ксандером. Пойти с Ксандером. На свидание. Это же свидание, верно? Я стараюсь не улыбаться, но улыбка расплывается сама собой. Напоминаю себе, что он назвал это Днем профессий, и, кажется, это помогает.

Мама заканчивает приготовления в подсобном помещении, в то время как я присматриваю за магазином. Знаю, мне нужно поговорить с ней, но я боюсь. Чувство вины гложет меня изнутри. В магазине нет клиентов, поэтому я прохожу через маленький холл и вижу маму, раскладывающую на столе одежду для кукол.

Она поворачивается, чтобы взять следующую стопку, и замечает меня.

– Эй, – она оглядывается, – что-то случилось?

– Нет, просто хотела убедиться, что тебе не требуется помощь. – Какая же ты тряпка, Кайман.

– У меня все в порядке. Ты уже приготовила краски для глаз?

– Да.

– Тогда, думаю, мы готовы.

– Хорошо. – Я делаю шаг назад, но заставляю себя остановиться. Она снова занимается одеждой. Мне гораздо легче разговаривать с ее затылком.

– Гм... ничего, если сегодня я уйду в час? Хочу погулять с другом.

Она выпрямляется и поворачивается ко мне, отряхивая руки. Семнадцать лет я ждала закрытия магазина, прежде чем уйти. Вся моя жизнь зависела от режима работы магазина. И все ради того, чтобы избегать ее разочарованного взгляда. Но то, что я вижу, заставляет меня чувствовать еще большую вину – истощение. Оно берет свое начало в морщинках на переносице и спускается к щекам. Однако его нет в ее голосе, когда она говорит:

– Конечно, Кайман. Повеселись. Чем вы со Скай будете заниматься?

– Нет, я пойду гулять не со Скай. С... просто другом из школы. – Я еще не готова объяснять маме, почему решила пойти против всех ее принципов, которые сама же разделяю, чтобы потусоваться с мистером Богатым парнем. Дополнительный стресс ей сейчас ни к чему. Какая разница, если через пару недель Ксандеру самому наскучит смотреть на то, как живут простые смертные? Ему станет скучно со мной, и он начнет искать следующий объект для изучения.

Она возвращается к своему занятию.

– В час.

Глава 13

Когда десять малышей заходят в магазин, я направляю их в подсобку к маме и не вижу ее до тех пор, пока она не начинает приносить мне куклы и говорить, в какой цвет раскрашивать их глаза. Я полностью сосредотачиваюсь на глазах, выдавливая на палитру черные и зеленые оттенки. Кто-то попросил карие глаза, поэтому добавляю немного коричневого цвета. Затем выдавливаю золотую краску и слегка макаю в нее кисточкой. Максимально сосредоточившись, вырисовываю золотистые крапинки на карих глазах.

Звенит дверной колокольчик, и я подпрыгиваю, размазывая краску по черному зрачку.

– Черт, – выдыхаю я и поднимаю взгляд.

– Я немного раньше, – говорит Ксандер, замечая в моих глазах удивление.

На часах тридцать минут первого. Посиделки должны были закончиться полчаса назад. Я даже не заметила, что уже так поздно. Хотя если бы я и следила за временем, то все равно не стала бы торопить детей из-за своих планов.

Ксандер подходит ближе и потирает пальцем по щеке.

– У тебя что-то на лице. Может быть, краска?

– Ох. Да. – Я тру щеку.

– Она все еще там.

Он подходит еще ближе, и я понимаю, что до сих пор держу кисточку с золотой краской, а кукла с каре-золотистыми глазами сидит на прилавке передо мной.

– Ты последишь за магазином пару минут? – выпаливаю я, спрыгивая со стула. Беру куклу и направляюсь к подсобке, так и не удосужившись дождаться ответа.

– Мам, вечеринка слишком затянулась.

– Что? Уже? – Она хлопает в ладоши. – Так, пора закругляться, девочки. – Она бросает взгляд через плечо, в котором читается: «Мне жаль» и «Ты же меня знаешь». Я действительно ее знаю, и этот взгляд заставляет меня смеяться.

– Ты уже закончила с куклой? – Мама берет специальный прибор, чтобы высушить краску на глазах.

Я смотрю на куклу в своих руках.

– Да. Ох, подожди. Нет. Я ее испортила.

Она изучает куклу.

– Выглядит симпатично, – говорит она. Золотая полоска на зрачке мерцает, и создается впечатление, что она была сделана специально. – Мне кажется, тебе стоит оставить все как есть.

Я протягиваю ей куклу.

– Хорошо. Мой друг уже здесь. – Мама окидывает комнату взглядом. – Я уйду, когда девочки закончат, но не убирайся без меня. Я потом тебе помогу.

– Было бы неплохо.

Я поворачиваюсь и слышу, как позади меня мама говорит девочкам:

– Ладно, а теперь давайте оденем куклы.

Когда я возвращаюсь в зал, то застаю Ксандера, в очередной раз рассматривающего визитку.

– Там нет скрытого послания, – говорю я.

Он кладет визитку обратно.

– У тебя нет мобильного.

– Тебе визитка об этом сообщила? – Я закрываю колпачки на красках, затем заматываю кисточки в бумажное полотенце, чтобы унести в кладовку. Оглядываюсь через плечо в надежде, что мама не появится прямо сейчас. Мне нужно придумать способ выпроводить Ксандера из магазина, не объясняя причин.

– Ты никогда не держала его при мне в руке, у тебя на карманах джинсов нет бугра от телефона, и ты не дала мне свой номер.

– Ты совершенствуешься в наблюдении. Хотя, думаю, последнее замечание не подтверждает твою теорию. – Я складываю все баночки с красками в пластмассовую коробку. – Сейчас вернусь. Почему бы тебе не подождать меня в машине?

Ксандер не двигается.

– Я быстро.

– Хорошо.

Дожидаюсь, пока он направится к двери, затем отношу кисточки в раковину в подсобке, промываю с мылом и оставляю сушиться в банке. Девочки собирают свои вещи и сравнивают куклы. Я их обгоняю и, повернув за угол, замечаю Ксандера, стоящего на том же месте. Я резко останавливаюсь, и дети обходят меня. Он улыбается, когда девочки чуть его не сбивают. Я разворачиваюсь и обхожу пару девочек, закрывая обзор маме.

– Что случилось? – спрашивает она.

– По-моему, одна из девочек забыла кофту в комнате.

– Хорошо. Сейчас принесу.

Одна малышка останавливается возле Ксандера.

– Ты выглядишь как мой Кен, – говорит она, глядя на него.

– Правда? – спрашивает он.

Она кивает.

– А знаешь, на кого похожа ты? – Он садится на корточки и начинает доставать телефон, но к тому моменту я уже подхожу к нему, хватаю его за руку и тащу к выходу.

– Нам пора.

– Кайман, я разговаривал с маленькой девочкой, – ворчит он.

– Это была иллюзия.

– Спасибо большое.

– И ты больше похож на брюнета Дерека, чем на Кена. – Я провожаю его до машины. – Минутку.

Мама выходит из подсобки как раз тогда, когда я возвращаюсь.

– Я не нашла кофту.

– Должно быть, я ошиблась. Прости.

– Ничего. – Она вздыхает. – Было весело. Именинница все время обнимала свою куклу.

– Кажется, они хорошо провели время. – Я нервно переминаюсь с ноги на ногу. – Меня уже ждут. Увидимся позже? – Я торопливо направляюсь к выходу.

– Эй, Пикассо! – зовет она.

Я останавливаюсь, думая, что она заметила Ксандера снаружи и собирается запретить мне уходить. Медленно поворачиваюсь.

– У тебя на лице краска. – Облизнув палец, мама подносит его к моей щеке.

– Не смей. – Я вытираю щеку.

Она смеется.

– Повеселись.

– Спасибо, мам. Мне жаль, что я оставляю тебя одну.

– Все в порядке, Кайман.

– Спасибо.

Когда я сажусь в машину к Ксандеру, он переключает радио. Запах новой кожи атакует мой нос. В его автомобиле столько кнопочек и экранов, сколько я еще в жизни не видела ни в одной в машине. Он выключает радио, когда я пристегиваюсь.

– Значит, если бы у тебя был мобильник, ты бы не дала мне свой номер?

Мне требуется секунда, чтобы понять, что он имеет в виду.

– Не совсем. Я сказала, что конкретно это замечание не подтверждает твою теорию.

Ксандер откидывает солнцезащитный козырек передо мной, открывая зеркало.

– У тебя до сих пор краска на лице. – Его палец прочерчивает линию на моей щеке, повторяя мазок краски, и на несколько секунд я перестаю дышать. Кажется, его палец дольше, чем необходимо, задерживается на моем лице.

– Дурацкая краска. – Я поворачиваю голову, чтобы лучше рассмотреть испачканную щеку, и тру ее, пока краска не сходит.

Ксандер открывает бардачок возле меня и достает кожаные перчатки. Когда он надевает их, я начинаю смеяться.

– Что?

– У тебя есть перчатки для вождения.

– И?

- Это забавно.
- Может быть, это очаровательно?
- Я качаю головой.
- Ну, если ты так говоришь.
- Он поворачивает ключ зажигания и выезжает на дорогу.
- Почему у меня сложилось впечатление, будто ты не хотела, чтобы я встретился с твоей мамой?
- Я думала, он не заметил. Очевидно, это не так.
- Потому что я не хотела.
- Что ж, это все объясняет.
- Она... Давай просто скажем, что мне нужно больше времени, прежде чем вы познакомитесь,
- Примерно лет пятьдесят.
- Уверен, она мне понравится.
- Я смеюсь.
- Тебе-то она понравится.
- Он останавливается на перекрестке и пропускает трех женщин в цветных пальто.
- Подожди, ты думаешь, что я ей не понравлюсь? Я еще не встречал ни одной матери, которая не была бы от меня без ума.
- Мой взгляд останавливается на его перчатках.
- Все бывает в первый раз. – Я смотрю, как мимо нас проносятся витрины. – Куда мы едем?
- Увидишь.
- Через пятнадцать минут мы подъезжаем к отелю «Конец дороги».

Глава 14

– Твой отель? Я абсолютно уверена, что не хочу быть горничной, – говорю Ксандеру, когда мы едем по парковке.

– Даже если бы и хотела, я не уверен, что смогла бы. Это очень тяжелая работа.

Я хочу сказать что-нибудь саркастичное в ответ, но его комментарий слишком впечатлил меня, чтобы что-либо придумать.

Он паркуется перед зданием и выходит. Я следую за ним.

– Мы не будем изучать гостиничный бизнес, отель – лишь фон.

– Для редрум⁵? – говорю я хриплым голосом.

– Что?

– Ты не смотрел «Сияние»?

– Нет.

– Джек Николсон? Медленно сходит с ума?

– Нет.

– Наверное, это даже хорошо, ведь твоя семья владеет отелями. Я бы не советовала его смотреть. Это фильм ужасов, и действие происходит в отеле. Такой. Страшный.

– Что за красный ром?

– Это «убийство» задом наперед. – И произношу еще три предупреждающих звука: – Дум, дум, дум.

Он недоверчиво смотрит на меня.

– Звучит пугающе.

– Именно так. Хотя, знаешь, ты должен его посмотреть. И плевать, если после этого ты не сможешь войти ни в один отель. Ты его посмотришь.

Он бросает ключи от машины швейцару и открывает дверь. Вестибюль великолепен. Роскошная мебель, пышные цветы, блестящий пол и... он больше, чем вся моя квартира. Весь персонал улыбается, когда мы проходим мимо.

– Добрый день, мистер Спенс.

Он кивает и ведет меня по залу, положив руку мне на поясницу. Я покрываюсь мурашками. Мы подходим к двойной двери золотого лифта, и он нажимает на кнопку вызова, убирая руку с моей спины. В лифте стоит парень в голубом пиджаке с большими золотыми пуговицами. Когда он здоровается со мной и Ксандером, я машу ему в ответ. Парень нажимает на кнопку рядом с номером двадцать, и лифт поднимается все выше и выше и наконец со звонком останавливается.

Большой холл, в который мы попадаем, ведет только к одной двери. Понятия не имею, что может находиться за дверью пентхауса и как это может помочь мне узнать, чего я хочу от жизни.

Ксандер выглядит взволнованным, когда поворачивает ручку и открывает дверь. Я ошарашена хаосом и шумом. Два парня расставляют большие белые прожекторы. Несколько женщин раскладывают подушки на диване. Мужчина с камерой на шее бродит по комнате, анализируя всевозможные ракурсы, и каждый раз, находя новый, достает какую-то черную продолговатую штуку и нажимает на кнопку на ней.

– Что мы здесь делаем? – спрашиваю я у Ксандера.

– Это фотосессия. Мой папа хочет сделать новые фотографии этого номера для сайта, поэтому прислал меня понаблюдать. – Он подходит к большому комоду у стены, достает камеру и прикрепляет к ней объектив. – Ты будешь тенью фотографа. Что-то типа его ученика.

– Ты предупредил его, что девчонка, ничего несмыслящая в фотосъемке, будет преследовать его все день?

– Ага. – Он встает передо мной и перекидывает ремешок от фотокамеры мне через голову, а затем освобождает из-под него мои волосы. Я стараюсь не дышать. От него пахнет дорогим мылом и стиральным порошком. – Он был польщен, что кто-то хочет у него учиться.

– Ну, если это действительно так.

Звонит его мобильный, и Ксандер отворачивается, чтобы ответить.

⁵ Прим. редактора: Отсылка к моменту из фильма «Сияние» Стэнли Кубрика, где сын главного героя написал на двери слово «murder» наоборот «redrum», что в переводе с английского означает «убийство».

– Что значит, где я? – Его голос становится жестким и холодным. – Да, на фотосессии. Там, где ты сказал мне быть... Да, сегодня я решил, что... Хорошо... Да... Нет, у меня другие планы на вечер. Отлично. – Он вешает трубку, даже не попрощавшись.

Я поднимаю брови, глядя на его телефон.

– Отец. – Он пожимает плечами, как будто вся та отчужденность была напускной.

– Мистер Спенс, – зовет фотограф. – Если вы готовы, мы можем начать.

– Да, только дайте мне переодеться.

Переодеться?

Когда он уходит, фотограф подзывает меня к себе и демонстрирует несколько основных функции камеры, как и когда фотографировать. Ксандер возвращается в шикарном костюме, что полностью соответствует его финансовому положению. В другой одежде и с консервативной прической он выглядит гораздо старше семнадцатилетнего парня. Он берет журнал со столика и присаживается на диван. Серьезно, я никогда не видела, чтобы кто-то так хорошо выглядел в костюме. Фотограф делает несколько снимков, а затем начинает управлять позами Ксандера. После дюжины отснятых фотографий он поворачивается ко мне и говорит:

– Почему бы тебе не попробовать сделать пару снимков, пока я готовлю следующую площадку? – Затем удаляется на кухню – в номере есть даже она – и начинает переставлять мебель.

– Ты не говорил, что подрабатываешь моделью.

– Разве я не рассказывал, что папа делает меня лицом компании? – говорит он и опускает глаза. Я впервые вижу его смущенным. – Это странно, но он решил, что людей больше привлекают снимки с жизнью на них.

– То есть они будут на флаерах?

– В основном на нашем сайте, но и на флаерах тоже.

Сайт. Почему у нас нет собственного сайта с магазином кукол? Я улыбаюсь и поднимаю камеру.

– Хорошо, профессионал. Работай.

Смотреть на Ксандера через объектив фотокамеры потрясаяще. Я могу спокойно на него пялиться. В течение дня я научилась увеличивать масштаб, фокусироваться на улыбке или глазах. Кожа Ксандера изумительна, а прическа просто идеальна. Волосы немного завиваются, но все равно лежат великолепно.

Я делаю несколько снимков, играю со светом из окна. Сначала я делаю акцент на его лице в солнечном свете, потом меняю эффект на камере и фотографирую Ксандера в тени. Из номера открывается великолепный вид, поэтому после я фотографирую его на фоне океана.

– Расслабься, Ксандер, – говорю я в какой-то момент.

– Что? Я расслаблен.

– Ты слишком серьезен. Ты же в отпуске на этих фотографиях, правильно? Вот и расслабься.

– Я в костюме. Скорее всего, я на деловой встрече.

– Деловая встреча для нервных сотрудников?

– Эй, прекрати. – Он смеется, и мы с фотографом начинаем щелкать камерами.

Как раз тогда, когда мы заканчиваем съемку, дверь в номер открывается, и красивый мужчина средних лет заходит внутрь. Мне даже не нужно слышать, как Ксандер тихо ругается, чтобы понять – это его отец. Сходство сразу же бросается в глаза: у обоих карие глаза, светло-каштановые волосы, высокие скулы и пухлые губы. И каждый из них подает себя так, будто владеет целым миром. Отец Ксандера осматривает комнату и останавливает свой взгляд на мне.

Глава 15

Мистер Спенс пристально рассматривает меня в течение нескольких секунд, акцентируя свое внимание на моих старых конверсах и стрижке, которую делала мне мама шесть месяцев назад. Потом он кивает мне, как бы понимая, кто я. Кажется, он решил, что я – помощник фотографа, и если Ксандер захочет оставить это так, то я не буду его винить.

Ксандер смотрит в пространство между мной и своим отцом. Если я не собиралась знакомить его со своей мамой, то могу только предположить, как он чувствует себя сейчас. Я держу рот на замке и крепко сжимаю ремень камеры.

Мистер Спенс замечает открытый ноутбук в углу. Фотограф, моментально уловив намек, говорит:

– Это еще сырые, необработанные снимки, но вы можете посмотреть, какие фотографии мне удалось отснять.

Ксандер встает.

– В любом случае, мы закончили. – Он направляется в спальню, но, прежде чем открыть дверь, оборачивается и говорит: – Кайман. – Звучит так, будто он предполагал, что я последую за ним. Я смотрю на него в недоумении, и Ксандер протягивает мне руку. Мое сердце замирает, я тяжело вздыхаю и медленно иду к нему. Глупо брать его за руку, поэтому просто прохожу мимо него прямо в комнату. Он следует за мной и закрывает дверь.

По какой-то причине я не могу дышать.

Одежда, в которой Ксандер пришел, аккуратно сложена на стуле в углу, и он идет к ней, бормоча что-то себе под нос. Когда он снимает пиджак и начинает расстегивать рубашку, до меня доходит. А что, если я его сигнал? Еще одно сообщение отцу о том, что он не хочет быть частью его мира, и я всего лишь пешка в его игре под названием «Протест»? Поэтому он стал со мной общаться? Развлекаться с бедной девчонкой? Это действительно заденет его отца до глубины души. Я отворачиваюсь к стене, пока он переодевается, снимаю камеру с шеи и обвожу пальцем серебряную кнопку наверху.

– Не переживай, – говорит он. – Я не буду раздеваться здесь. Пойду в ванную.

Но когда я поворачиваюсь, решив, что он одет, то вижу, как он направляется в ванную в полностью расстегнутой рубашке и переброшенной через руку одеждой. На моих щеках расцветает румянец от вида его обнаженной, идеальной груди. И даже после того, как дверь в ванну закрывается, мое сердце продолжает стучать в сумасшедшем ритме.

Я медленно брожу по комнате, пытаюсь успокоиться. Ксандер не может производить на меня такой эффект. Я этого не допущу.

Мебель и постельное белье гораздо лучше, чем у меня дома. Провожу рукой по дороговому материалу.

Когда Ксандер выходит переодетым, я спрашиваю:

– Ксандер, это твоя камера или фотографа?

– Моя.

– Могу я одолжить ее на несколько дней?

– Конечно. Зачем?

– У меня фетиш – фарфоровые куклы. Хочу сделать пару качественных фото.

Он качает головой.

– Давай попробуем еще раз. Зачем?

– Мне нравится идея с сайтом. Может быть, пришло время и нам его создать. – Это может спасти нас от банкротства.

– Хм. Не думаю, что это наилучший способ продемонстрировать своей маме, что ты совсем не интересуешься магазином.

Я пожимаю плечами.

– Я только создам сайт и скажу маме за ним следить. Приведу ее в современный мир. – Возможно, сайт даже сможет заменить меня. Люди будут размещать свои заказы, мы – получать больше денег... а дальше мама сможет позволить нанять помощницу. Я стараюсь не возлагать большие надежды, потому что этот процесс займет месяцы, но сама идея мне нравится.

Он не отвечает, но берет камеру и кивает в сторону двери, где находится его отец. Насколько плохо будет, когда мы выйдем туда? Поведение Ксандера кардинально изменится?

Должно быть, он чувствует мою нерешительность.

– Мне все равно, что он думает, Кайман.

Конечно, ему все равно. Он просто делает все для того, чтобы его отец считал, что между нами двумя что-то происходит.

– Ладно. – Я открываю дверь и пытаюсь выйти как можно естественней. Мое лицо не бледнеет и не краснеет.

Его отец все еще изучает снимки на мониторе в углу комнаты. Я поворачиваюсь к Ксандеру, не зная, куда идти. Он поднимает камеру и делает снимок. Я, протестуя, поднимаю руки.

– Не надо.

– Перестань, теперь твоя очередь быть по ту сторону объектива. Мне нужно узнать, хочешь ли ты стать моделью.

– У меня нет шансов.

– С такими глазами? – Он снимает меня еще раз. – У тебя определенно есть шансы.

Возможно, это игра моего воображения, но... он что, со мной флиртует? Я сглатываю.

– Эти глаза могут редрум.

Он смеется громче, чем я когда-либо слышала, подтверждая мою гипотезу о его выгоде в нашем общении.

– Перестань, Кайман. Расслабься, – говорит он, цитируя меня.

Скрестив руки на груди, я посылаю ему сердитый взгляд. Хихикая, он делает еще один кадр, затем подходит к комоду, кладет камеру в чехол и протягивает ее мне.

– Развлекайся со своими куклами.

– Спасибо.

Его внимание переключается на что-то выше моего плеча. Когда я оборачиваюсь, то с удивлением замечаю его отца прямо позади меня.

– Мне показалось, ты тут со съемочной группой. Не знал, что ты одна из подруг моего сына. – Он протягивает руку. – Блэйн Спенс.

Я пожимаю его руку.

– Кайман Майерс, – произношу практически шепотом. Я еще шокирована, что он подошел к нам. Он хочет забрать камеру?

– Приятно познакомиться, – говорит он вполне искренне. Он использует другой стиль общения со своим сыном? Затем он поворачивается к Ксандеру. – Александр, многие из тех фотографий превосходны.

Лицо Ксандера мгновенно каменеет.

– Хорошо. В таком случае я закончил.

– Я бы хотел, чтобы ты поработал с дизайнером над сайтом и флаерами.

– У меня не так много свободного времени, школа и все остальное, но, может быть, получится выкроить немного времени через пару недель. – Он кладет руку мне на поясницу, пытаюсь быстро выпроводить меня из комнаты, и я подпрыгиваю от удивления, но не препятствую.

– Было приятно познакомиться, – бросаю я через плечо.

– Александр.

Он останавливается.

– Угу?

– Да, – исправляет мистер Спенс, челюсти Ксандера напрягаются.

– Да? – саркастично повторяет он.

– Благотворительный вечер твоей мамы через четыре недели. Твое присутствие обязательно. И к тому моменту вся реклама должна быть готова.

Мы выходим в холл, и Ксандер говорит:

– Надеюсь, ты делаешь заметки. Как видишь, я не хуже тебя способен подвести семью.

– Делаю. – Последний человек на Земле, который хотел бы, чтобы мы с Ксандером гуляли и притворялись, что встречаемся, – моя мама (в его случае – отец). Конечно, для этого маме пришлось бы об этом узнать. И в этом мы с Ксандером отличаемся. Я его не использую. – Много заметок. Когда мама просит меня что-нибудь сделать. – Указываю на дверь, из которой мы только что вышли. – Я делаю это и притворяюсь, что мне безумно нравится.

– Как грубо. – Он награждает меня полуулыбкой, что меня очень злит, так как эта фраза стоит настоящей, широкой улыбки.

Он нажимает на кнопку вызова лифта.

– Итак, хочешь стать фотографом?

– Возможно.

– Я подумал, что тебе понравится. Ты как-то сказала, что любишь науку, которая требует наблюдения за предметами и внимания к деталям. Ты хороша в этом, а эти черты необходимы, когда смотришь на мир через объектив.

Я удивленно смотрю на него.

– Что? – спрашивает он.

Понимаю, что, должно быть, уставилась на него в шоке, поэтому быстро отворачиваюсь и смотрю на наше размытое отражение в дверях золотого лифта.

– Я... спасибо... что заметил.

Он пожимает плечами.

– Я просто пытаюсь найти что-то, что тебе придется по душе. Ты следующая.

– Да. Что ж, поскольку мы подбираем профессию по характерным чертам, я должна найти такую, которая включает в себя глажку футболок и использование огромного количества геля для волос.

Он проводит рукой по волосам.

– Я использую очень мало геля. – Мы едем вниз. – В следующую субботу, в то же самое время?

Я мысленно пытаюсь представить расписание магазина, но не могу вспомнить, запланированы ли у нас очередные посиделки.

– Угу... да, – исправляюсь я, улыбаясь Ксандеру, чтобы он понял, что мне тоже не понравилось исправление его отца. – Договорились. – Мы ждем, пока подгонят машину. – Чуть не забыла, надень одежду похуже.

Глава 16

В следующую субботу я встречаю Ксандера на обочине, желая избежать ситуации, произошедшей на прошлой неделе. Мама все еще верит в «друга из школы» и пока не настаивает на знакомстве с ним. И я не собираюсь что-либо менять.

Не замечая меня, Ксандер заглушает двигатель и вылезает из машины.

На нем потрескавшиеся джинсы, футболка и кожаные мокасины. Я указываю на его одежду.

– Серьезно? Разве я не говорила надеть самую ужасную одежду?

Он подходит прямо ко мне. На самом деле Ксандер на голову выше меня, однако сейчас, когда он стоит на дороге, а я на обочине, мои глаза находятся на уровне его подбородка.

– И тебе привет. – Мы не виделись с ним в течение целой недели. Он уезжал куда-то по делам бизнеса со своим отцом. На секунду мне кажется, что Ксандер хочет меня обнять, и у меня перехватывает дыхание, но он переводит взгляд на свой наряд. – Это и есть моя *самая* ужасная одежда.

Я пихаю его, удовлетворяя свой порыв к нему прикоснуться.

– Ты *ужасен*. – Но я знаю, что он не шутит. – Ладно, тогда сначала нам нужно будет кое-куда заехать.

Мы проезжаем несколько кварталов, и я указываю на парковку перед магазином «Армия спасения».

– Первая остановка – новая одежда. Пошли. Приоденем тебя.

Мы заходим в магазин, и нас встречает запах старой мебели. Это напоминает мне о Скай, поскольку мы часто проводим время в подобных местах.

– Размер обуви? – спрашиваю я.

– Двенадцатый... Подожди... мы выбираем здесь обувь? Не уверен, что смогу носить поношенную обувь.

– Кажется, ты сказал что-то философское. Теперь забудь об этом, малыш, потому что иначе ты испортишь свои ботинки.

– Я готов их испортить.

– Подожди, я разве дала тебе выбор? Нет, конечно, ведь ты все равно сделал бы неправильный. Поэтому мы покупаем обувь здесь. – Я тяну его в отдел с обувью. Есть всего три пары его размера. Я выбираю самые отвратительные: высокие ботинки с кислотно-желтыми шнурками. Затем заставляю его примерять одежду.

Пока он в примерочной, я хожу по отделу с толстовками. Передвигая вешалки, я резко останавливаюсь. Между отвратительным неоновым-оранжевым свитшотом и голубой университетской толстовкой висит черное платье, расшитое бисером, с небольшим вырезом и коротким рукавом. Я проверяю размер. Как раз. Прикусываю губу и смотрю на ценник – сорок долларов. Дороговато для секонд-хенда. Но цена оправдана – платье винтажное. Лучшее, которое я когда-либо находила. И то, что оно спрятано между толстовками, говорит о том, что кто-то его уже присмотрел и спрятал, надеясь за ним вернуться. Но все равно сорок долларов – для меня слишком дорого. Мне так и не заплатили за этот месяц, и я сомневаюсь, что заплатят вообще. Мама не может себе этого позволить. Хотя моя крошечная зарплата не нанесет сильный урон нашему бюджету, зато позволит мне чувствовать себя несколько лучше.

– Я стараюсь не думать о том, кто носил это раньше, – кричит Ксандер из примерочной.

– Тебе нужен носовой платочек или ты прекратишь плакать? Выходи и дай мне на тебя взглянуть.

Я передвигаю вешалку со следующей толстовкой, чтобы закрыть черное платье. Даже если бы у меня и были такие деньги, куда бы я ходила в этом платье? На какое-нибудь вычурное мероприятие с Ксандером? Надеюсь, я не превращусь в девушку, мечтающую о парне, которого она никогда не получит.

Шторка в примерочную распахивается, и, застегивая нижние пуговицы на фланелевой рубашке, выходит Ксандер.

– Чувствую себя идиотом.

– Иногда это даже полезно. Теперь тебе нужна толстовка.

– У меня есть пиджак.

– Ты имеешь в виду свой очень дорогой пиджак? Не-а, так не пойдет. – Я вытаскиваю ближайшую серую кофту и кидаю ему.

– Отлично, я переодеваюсь назад в свою одежду.

– Нет, парень, тут ты будешь носить эти вещи. Поторапливайся, встретимся у кассы. – Я бросаю последний взгляд на платье и ухожу.

Кассирша смотрит на нас в недоумении.

– Вот, – говорю я, поворачивая Ксандера. Отрываю ярлыки с петли на джинсах и с рукава кофты, а затем протягиваю ей толстовку и обувь.

– С вас пятнадцать долларов, – говорит она.

Ксандер протягивает ей двадцатку.

– Пятнадцать? За это все?

Он все еще удивлен, когда мы идем обратно к машине.

– На прошлой неделе я купил носки за тридцать долларов.

– Потому что ты идиот.

– Спасибо.

– Кстати, мне нравятся твои новые ботинки.

Он закатывает глаза.

– Если унижение – твой вариант профессии, то могу ответить сразу: я в этом не заинтересован.

– Но у тебя так хорошо получается.

• • • • •

Мы приезжаем на кладбище, и Ксандер смотрит на меня.

– Что мы здесь делаем?

– Исследуем твой потенциал.

– Здесь?

– Помнишь, что я сумасшедшая? Пошли.

Я привела его сюда по нескольким причинам. Во-первых, это бесплатно, а у меня нет денег, чтобы устроить для него что-либо равное фотосессии. Во-вторых, я считаю, что Ксандеру нужно немного испачкать руки, расслабиться. Конечно, он в хорошей форме, но он понятия не имеет, что я для него приготовила.

– Здравствуйте, мистер Локвуд, – приветствую я, входя в похоронное бюро, которое располагается на пригорке. Папа Скай очень крутой. Он, со своими длинными белокурыми волосами и крючковатым носом, выглядит так, как и должен выглядеть обитатель кладбища. Меня всегда интересовало, владеет ли он этим кладбищем из-за своей внешности или же он выглядит так, потому что владеет кладбищем.

– Привет, Кайман. – Он протягивает две лопаты. – Вы уверены, что хотите это сделать?

– Да. – Я забираю лопаты.

– Хорошо, я уже начал, чтобы вы знали ее размер. Она прямо за дубом. – Он достает из кармана рацию и протягивает ее мне. – Если будут вопросы, обращайтесь.

Я передаю Ксандеру лопату.

– Хорошо.

– Могильщик? – возмущается Ксандер, когда мы направляемся к месту. – Серьезно? Ты действительно считаешь, что я захочу копать могилы?

– Это не просто копание могил, Ксандер. Речь идет об атмосфере. Спокойная жизнь в окружении мирной смерти.

– Да, ты сумасшедшая.

• • • • •

Земля прилипла к его волосам и размазана по щеке. Но даже в таком виде его уверенность в

себе и напряжение заметны невооруженным взглядом.

– Мы же не будем здесь похоронены, верно?

– Ты поймал меня.

– Ты же не думала, что я захочу этим заниматься, не так ли?

Никогда.

– У меня были сомнения.

– Хотелось бы захватить с собой перчатки. – Он раскрывает ладонь, и я вижу на ней кровавый волдырь.

Я ахаю.

– Ксандер!

– Что?

Я беру его руку и начинаю рассматривать ее вблизи, аккуратно прикасаясь к поврежденной коже.

– Ты не сказал, что это калечит твои руки. – Я использовала рукава толстовки вместо перчаток, его же для этого слишком короткие.

– Все не так уж плохо.

Я достаю рацию.

– Мистер Локвуд, думаю, мы закончили.

– Яма еще недостаточно глубокая, – говорит Ксандер.

– Знаю. Я говорю, что *мы* закончили.

Сначала по рации слышится какой-то шум, а потом мистер Локвуд говорит:

– Значит, я отправляю трактор?

– Да.

– Подожди, – говорит Ксандер, – трактор докопает яму за нас?

– Да, они уже давно не копают вручную. Я подумала, что будет весело.

– Я тебя убью.

– Это просто идеальное место.

Он делает мне подножку, выбивая почву из-под ног, но подхватывает и аккуратно укладывает на землю. Я хохочу, пока пытаюсь выбраться, но Ксандер, усевшись на меня и одной рукой прижав мои запястья над головой, крепко удерживает меня на месте. Другой рукой он черпает горсть земли и втирает ее мне в волосы.

Я смеюсь и продолжаю бороться, но потом понимаю, что он замер. Внезапно я начинаю очень остро ощущать каждое соприкосновение его тела с моим. Он встречается со мной взглядом, и его захват на запястьях ослабевает. У меня в груди зарождается паника, поэтому я хватаю немного земли и кидаю ему в лицо. Он стонет, скатывается с меня и ложится на бок, опираясь на локоть.

Некоторое время я лежу на мягкой земле. По шее пробегает холодок. Не знаю, действительно ли я что-то сейчас предотвратила или же это была лишь игра моего воображения.

Ксандер глубоко вздыхает.

– После недели, проведенной с отцом, мне было это так нужно.

– Он строг с тобой.

– Он строг со всеми.

– Сожалею.

– Не стоит. Я справляюсь.

Я видела, как Ксандер «справляется». Молчит, отстраняется и замыкается в себе. Но если это ему помогает, то кто я такая, чтобы ему перечить? Я сама далеко не всегда нормально общаюсь со своей мамой.

Моя спина болит, но лежа я чувствую себя прекрасно. Глаза закрываются. Тут очень спокойно, словно тишина и стены из грязи защищают меня от окружающего мира. Может быть, именно здесь я смогу позабыть обо всех проблемах в своей жизни. Позабыть, что я семнадцатилетняя девушка, проживающая жизнь сорокалетней женщины. Мысли об этом даруют мне ощущение, будто на мою грудь вывалили две тонны земли, чего я никак не ожидала.

– Что случилось?

Я открываю глаза и вижу Ксандера, уставившегося на меня.

– Ничего.

– Мне так не кажется. Ты больше не играешь в свою игру.

– Что за игра?

– Та, в которой ты не упускаешь возможности надо мной поиздеваться. – Он смотрит на свою руку. – Ты смогла бы отпустить миллион шуток на эту тему. – Ксандер снова демонстрирует мне свой волдырь.

– Знаю. Я действительно должна была пройти по твоим нежным, холенным ручкам.

– Точно. – Он убирает кусок грязи с моей щеки. – Ну и? Что случилось?

– Иногда я чувствую себя старше своих лет. Вот и все.

– Я тоже. Именно поэтому мы все это и начали. Чтобы веселиться. Чтобы перестать волноваться об ожиданиях, возложенных на нас, и понять, чего мы сами хотим от жизни.

Я киваю.

– Мой отец бы умер, если бы увидел меня здесь.

– Вероятно, нам следовало его пригласить?

Ксандер смеется.

– Он скорее бы умер, чем пришел сюда.

– Ну, вообще-то, именно так он здесь и окажется.

Он снова смеется.

– Ты отличаешься, Кайман.

– От кого?

– От любой девушки, которую я когда-либо встречал.

Учитывая, что у всех девушек, с которыми он общался, денег больше, чем у меня, раз в пятьдесят, отличаться от них – не такой уж и великий подвиг. От этих мыслей мои глаза щиплет.

– Это будоражит. Ты заставляешь меня чувствовать себя нормальным.

– Да. Мне следует над этим хорошенько поработать, потому что ты очень далек от нормального человека.

Он улыбается и игриво толкает меня в плечо. Мое сердце ударяется о ребра.

– Кайман.

Я беру еще одну горсть земли и размазываю по его шее, а потом быстро пытаюсь убежать. Он обхватывает меня сзади, и я вижу его руку – полную земли, – приближающуюся к моему лицу, но внезапно мы слышим сигнал трактора.

– Ты спасена могильщиками, – говорит он.

Глава 17

Ксандер встает и помогает мне подняться. Мы выкидываем лопаты из ямы, затем он подсаживает меня и выбирается вслед за мной.

Когда мы возвращаемся к похоронному бюро, Ксандер перекидывает наши лопаты через плечо и говорит:

– Значит, здесь живет твоя лучшая подруга? – Я киваю, и он смеется. – Ты живешь над магазином фарфоровых кукол, а твоя подруга – на кладбище. Ты выросла в окружении жутких вещей. Есть хоть что-то, чего ты боишься?

Ты.

Он встречается со мной взглядом, будто читая мои мысли, ну, или же они написаны у меня лице.

Я откашливаюсь.

– Собаки.

– Тебя когда-нибудь кусала собака?

– Нет, но даже мысли об этом достаточно.

– Занятно.

– Ох, я тебя умоляю. Не анализируй это высказывание. У собак острые зубы, и они кусают людей.

Он смеется.

– Что насчет тебя? Чего ты больше всего боишься?

Размышляя, Ксандер вертит на плече лопату. То ли он не хочет со мной делиться, то ли ничего не боится, потому что для ответа ему требуется время.

– Неудача. Проигрыш.

– В чем?

– Во всем. Порой мне сложно что-то начинать, мне легче вообще не браться, нежели провалиться.

– Но без риска не произойдет ничего хорошего.

– Я знаю. И все же...

Мы доходим до черного входа похоронного бюро, и Ксандер прислоняет лопаты к стене. Я встряхиваю волосы, он повторяет за мной, затем разворачивает меня и очищает мне спину.

– И все же? – спрашиваю я, неуверенная, что он собирается продолжать.

– И все же не могу себя пересилить. – Его руки на моей спине замирают, и я прикрываю глаза.

– Может быть, тебе стоит в чем-то облажаться. Серьезно облажаться. Тогда ты больше не будешь этого бояться.

– Мне привести собак сейчас или позже?..

– Хорошо, хорошо, я поняла. – Он прав. Я не вправе советовать ему встречаться со своим страхом лицом к лицу, пока не пересилю свой. И я имею в виду вовсе не собак.

– Ты боишься только больших собак или маленьких тоже?

– У тебя есть собака, верно? Та, которую носят в сумочке?

– Нет, – подтрунивает он. – Конечно нет.

– Их размер не имеет значения. На самом деле, маленькие даже хуже. Они могут откусить палец.

– И это говорит девушка, которую никогда не кусали.

– Мысль, Ксандер. Это просто мысль.

Он хихикает, потом похлопывает меня по плечу, давая понять, что спина чистая.

– Готова?

– Да. Хотя нет, подожди. Давай сначала обработаем твою рану. У мистера Локвуда есть все необходимое.

Я стучу в дверь, прежде чем со скрипом ее открыть.

– Мистер Локвуд? – Я захожу внутрь. – Иди за мной. По-моему, аптечка там.

Мы проходим по длинному коридору, я распаиваю последнюю дверь справа и замираю, когда мистер Локвуд отрывает взгляд от мертвого тела, которое лежит перед ним на столе.

– Простите, – говорю я.

Грудь мужчины разрезана, и большие скрепки соединяют две половины тела. Очевидно, недавно проводилось вскрытие трупа. Его лицо уже посинело, и все признаки говорят о насильственной смерти несколько дней назад.

– Ничего страшного, заходи.

В комнате холодно, и по моему телу пробегает озноб.

– Мне нужна аптечка. Немного марли и, наверное, антисептик.

Он указывает на маленькую ванную.

– Все там. – Мистер Локвуд накладывает немного крема на лицо мужчины.

Трудно проигнорировать запах в этой комнате. Пахнет чем-то консервированным. Хотя не так уж и отвратительно.

– Он будет в открытом гробу?

– Да. Завтра. – Рядом к стене прикреплена большая фотография этого мужчины – еще живого, и мистер Локвуд с ней сверяется.

– Над ним еще надо поработать, – комментирую я.

– Этим я и занимаюсь. – Он поднимает кисточку. – Не хочешь нанести румяны.

– Что скажешь, Ксандер? Как тебе такая карьера? – Я поворачиваюсь к нему, но он застыл в дверном проеме, с ужасом глядя на труп. Его лицо почти такое же бледное, как и у мертвеца перед ним. – Вероятно, нет.

Я встаю перед Ксандером, но проходит несколько секунд, прежде чем он переводит на меня взгляд.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

– Просто не ожидал. Все нормально.

– Уверен?

– Да.

– Хорошо. Пошли.

Я веду его в тесную ванную и закрываю за ним дверь в надежде, что, не видя тела, он быстрее придет в себя. Подношу руку Ксандера под маленькую струю воды, аккуратно промывая рану с мылом. Его взгляд все еще устремлен на дверь.

– Подожди, – говорю я в поисках шкафчика с аптечкой. Нахожу аптечку и, поставив на стойку, открываю ее. Ксандер выключает воду и вытирает руку.

Я открываю тюбик с антисептиком, беру его руку и выдавливаю немного средства на рану.

– Больно?

– Все в порядке.

Его дыхание касается моей щеки, и я понимаю, насколько мы близко друг к другу. Я накладываю марлевую повязку и поднимаю взгляд.

– Вот и все, как новенькая.

Его лицо приобретает болезненно-серый оттенок.

– Спасибо, – бормочет он и вылетает из ванной.

Я благодарю мистера Локвуда и ухожу. Выйдя на улицу, я замечаю Ксандера, склонившегося над кустами. Это катастрофа. Начиная с мозоли и заканчивая рвотой – мой День профессий просто отстой.

– Мне так жаль. – Я подхожу к нему и сжимаю его плечо. Мама всегда так делала, когда меня тошнит. Это особо не помогает, но мне нравится ощущать ее рядом.

– Я в порядке. Как думаешь, сколько платят за унижение? Потому что, очевидно, в этом я действительно очень хорош.

– Никогда не видел мертвеца?

– Да... – Он вытирает рот рукавом толстовки и выпрямляется.

Заметка: у Ксандера чувствительный желудок. Исключить области, связанные с чем-либо неприятным.

В машине он снимает толстовку – при этом слегка задирается его рубашка – и переобувается в свою обувь. Затем кидает вещи в багажник и забирает оттуда свою одежду. Стараясь не пялиться на все еще обнаженный участок кожи над его джинсами, я снимаю толстовку.

– Может, я поведу? – предлагаю я, глядя на его слишком бледное лицо. – Он колеблется.

– Не доверяешь мне свою малышку?

– Дело не в этом... Хотя да, не доверяю.

– Грубо.

Он залезает в машину. Я устраиваюсь на пассажирском сиденье.

– Ты действительно не позволишь мне вести? Хотя служащему отеля позволил.

– Это было на парковке. К тому же, если ты ее разобьешь, мы больше не сможем быть друзьями. Все еще хочешь за руль?

– Разве у тебя в гараже не стоят три такие же?

– Вообще-то, четыре, но кто считает?

Думаю, он шутит, хотя с другой стороны...

Он заводит машину и выезжает на дорогу. Я смотрю на часы на приборной панели. Пять. Сложно поверить, что прошло уже четыре часа.

Ксандер перестраивается на правую полосу и начинает поворачивать.

– Куда мы едем?

– Я подумал, что мы могли бы поужинать. Недалеко есть французский ресторанчик, который я очень люблю.

Он явно чувствует себя лучше.

– Я не могу. Мама одна в магазине уже полдня. Я должна вернуться и помочь ей с уборкой.

– Еще один час ничего не изменит.

– Мне нужно вернуться.

Он продолжает ехать к ресторану.

– Давай. – Он улыбается мне. Клянусь, эта улыбка может останавливать войны.

– Хорошо. Потом домой.

– Конечно.

Когда я выхожу из машины и направляюсь к дорогому французскому ресторану, то думаю о слое грязи, покрывающем кожу. Ксандер втер в мои волосы много земли, и я до сих пор ее чувствую. Пытаюсь расчесать локоны пальцами. Зайдя внутрь, я вижу, что все люди, ожидающие в вестибюле, шикарно одеты. Уверена, администратор, который, между прочим, тоже хорошо одет, моментально выводит нас отсюда. В конце концов, у Ксандера весь лоб в грязи!

Но администратор приветствует его сияющей белоснежной улыбкой.

– Мистер Спенс, ваши гости уже вас ждут.

– Правда? – Он наклоняет голову. – Тогда ведите к ним.

– У тебя были планы? – спрашиваю я, когда мы следуем за девушкой к дальней комнате.

– Видимо, эти планы были составлены без меня.

Понятия не имею, что это значит, но, когда мы останавливаемся на пороге комнаты, дюжина шикарно одетых людей, заметив Ксандера, начинает смеяться. Один парень встает и обращается к администратору:

– Видите, мы же говорили, что вместе с Ксандером Спенсом.

– Я не должна была сомневаться, – отвечает она, а потом поворачивается к Ксандеру. – Прослежу, чтобы вас обслужили.

– Благодарю. – Ксандер заходит в комнату и направляется к свободному стулу.

– Выглядишь так, будто занимался общественной работой, – говорит кто-то, указывая на его фланелевую рубашку и грязное лицо.

Самоуверенность Ксандера непоколебима. Его осанка столь же прямая, как и всегда, а его привлекательность не уступает никому из присутствующих. С огоньком в глазах он спрашивает:

– И какой идиот использовал мое имя, чтобы не стоять в очереди?

Стоящий парень в очках, которые, уверена, он носит не по предписанию врача, и с загаром, за который он еженедельно платит в солярии, делает поклон.

– Я.

– Мне следовало догадаться.

– Еще мы сказали, что платить будешь ты, – добавляет парень.

Ксандер оглядывается и замечает меня, все еще стоящую у входа.

– Ребята, это моя подруга Кайман. Кайман, это люди, которых ты, вероятно, не хочешь знать,

но которых я иногда называю своими друзьями.

Слышатся несколько возгласов недовольства вперемешку со смехом. Не уверена, что меня можно так представлять. Я едва его знаю. Так что, когда он выдвигает стул, рядом с которым стоит, и приглашает меня сесть, мне хочется с криками выбежать из ресторана.

Все внутри меня сжимается. Да и внимательно рассматривающая меня девушка на другом конце столика не улучшает ситуацию. А Ксандеру, кажется, плевать, что я в грязи и скромно одета.

– Кайман. Проходи. Садись.

Я крепко сжимаю зубы, так как фраза: «На мне что, ошейник?» едва не срывается с языка. Поразительно, что я вовремя остановилась. Указываю на вестибюль, откуда мы пришли.

– Дамская комната, – бормочу я и ухожу, не дожидаясь ответа. Едва я исчезаю из поля зрения, как кто-то говорит:

– Ты взялся за дворняжек, Ксандер? – И взрыв смеха.

Мои челюсти напрягаются. Почему я так зла? Это лишь еще раз подтверждает все, что мне известно о богатых. Может быть, Ксандер и исключение, но его друзья как раз само правило. Я меняю направление и подхожу к администратору.

– Можно попросить у вас телефон? – спрашиваю я, когда она ко мне поворачивается.

– Конечно.

Я звоню Скай, и она соглашается меня забрать. Затем возвращаюсь в комнату. Подходя к Ксандеру, я рассматриваю его, пока он меня не замечает. Он слушает кого-то за столом, а на его лице слабая улыбка – неяркая и неестественная, словно вытренированная перед зеркалом.

Когда захожу в комнату, мысленно зарекаюсь взять себя в руки. Никто не обращает на меня внимания, так что я особо не напрягаюсь. Подхожу к Ксандеру и наклоняюсь.

– Мне нужно идти. Я плохо себя чувствую. – Сначала мне немного стыдно за ложь, но потом я вспоминаю комментарий про дворняжку, и весь стыд улетучивается.

Он начинает вставать.

– Я отвезу тебя домой.

– Не надо, я позвонила Скай. Увидимся.

– Кайман...

– Серьезно, все в порядке. Оставайся. Веселись. – Я давлю на его плечи, заставляя сесть обратно, а затем выхожу из комнаты.

Глава 18

Я хватаюсь за ручку и дергаю, но дверь не открывается.

– Закрыто? – спрашивает Скай.

Только сейчас я замечаю, что в магазине не горит свет. Прислоняюсь лбом к стеклу и заглядываю внутрь. Мамы нет. Вытащив ключи из кармана, я открываю дверь.

– Мам!

Ответа нет.

– Разве по субботам вы закрываетесь не в семь? – спрашивает Скай.

– Может быть, не было клиентов.

Скай кажется сбитой с толку, и это понятно, мы никогда не закрывались так рано. Она никак это не комментирует, но поворачивает колыбельку и прислоняется к прилавку.

– Сейчас вернусь. – После безуспешного поиска в подсобке и кладовке, иду к кассе и открываю ящик. Пусто. Наверное, она забрала выручку. Но почему она так рано закрылась? Я вернулась совсем не поздно.

Поднимаюсь в квартиру.

– Мам!

Меня приветствует тишина. На автоответчике, который был куплен, когда я была совсем маленькой, нет пропущенных звонков. Но рядом на столике лежит записка.

Кайман,

В 17:30 я записана на прием к врачу. Так как тебя не было, я решила закрыть магазин и забрать выручку. Не беспокойся, покупателей все равно не было. Надеюсь, ты хорошо провела день.

Мама

Я перечитываю записку. По листу бумаги сложно понять, злился ли человек, пока писал. Переворачиваю записку и провожу рукой по другой стороне листка, оценивая степень давления на ручку. Затем подношу ее к свету, пытаюсь определить, написана она поспешно или в гневе. Похоже, записка была написана спокойным человеком. Вздыхаю и кладу ее обратно на столик, а потом осматриваюсь, чувствуя себя немного потерянной.

Спускаюсь вниз. Скай болтает по телефону, поэтому я достаю средство для чистки мебели и приступаю к уборке. Скай вешает трубку и говорит:

– Генри придет сюда. – Брякает дверной колокольчик. – Прямо сейчас.

Из меня вырывается смешок.

– Быстро.

Генри машет рукой, потом смотрит на потолок.

– Почему здесь так темно?

– Потому что свет выключен. – Я указываю на светильники.

Скай очаровательно хихикает.

– Думаю, он хотел узнать, почему здесь выключен свет.

Я слишком рассеянная.

– Ох. Конечно. Мы закрылись пораньше. Итак, что вы здесь делаете, ребята? – Я оборачиваюсь и смотрю в пространство – куда-то между Скай и Генри. У них определенно были планы до того, как я попросила Скай меня забрать.

– Генри пришел сюда, чтобы мы могли потусоваться вместе с тобой.

– О, круто.

Генри дважды щелкает по щеке, издавая глухой звук.

– Эм... еще ты пригласила Тика. Он скоро придет.

– Что?

Он снова щелкает по щеке.

– Мы сказали Тику, что ты приглашаешь его в магазин потусить.

– Вау, как это мило с моей стороны. И почему же я это сделала?

Скай улыбается.

– Потому что его поцелуй сразил тебя наповал.

– Поэтому я не разговаривала с ним две недели? Потому что была сражена наповал? – Она пожимает плечами. – Скажи, что ты ему этого не говорила.

– Расслабься. Пойдем в подсобку, чтобы не выглядеть так, будто мы его ждем. – Она тянет меня в подсобку.

– Ты действительно ему это сказала? – Я плюхаюсь на диван и думаю о потерянном контроле, пока Генри и Скай болтают о концерте, на котором будет играть группа через пару недель. Прежде, чем у меня появляется хороший план, звенит дверной колокольчик, и мое сердце останавливается.

– Мы здесь, – кричит Скай.

Что мне говорить? *Привет, Тик. Мы поцеловались? Правда? Хм, я этого не помню.*

Я поднимаю взгляд, когда слышу приближающиеся шаги.

– Ксандер! – Да, я выкрикнула его имя, но мое тело по-прежнему неподвижно. Он принял душ, был идеально чистым и обрел свое привычное обличие. Его вид заставил меня почувствовать слой грязи на открытых участках кожи. Я тру руку. Почему я не приняла душ?

Ксандер кивает Генри и Скай и говорит:

– Кайман, ты забыла это у меня в машине. – Он показывает мою толстовку. – И раз уж ты не осталась поесть, я принес еду.

Видимо, это его фишка – приходить с едой. Горячий шоколад, кексы, теперь французская кухня. Он ставит пакет на кофейный столик и достает несколько пластмассовых коробок.

–Эм, я принес только две вилки.

Скай опускается на колени перед столом.

– Кому нужны вилки? – Она отламывает кусок хлеба с сыром и отправляет его в рот. – Привет, я Скай. Видела тебя пару недель назад в клубе.

Ксандер кивает и внимательно ее рассматривает – начиная с розовых волос и заканчивая армейскими ботинками.

– Ксандер, это моя лучшая подруга Скай и ее парень Генри.

– Ее парень, – проговаривает Ксандер.

– Конечно. – Я вспоминаю день, когда он застал Генри, поющего мне песню. И ему показалось, что Генри мой парень. Упс.

Он качает головой.

– Приятно познакомиться, Скай, Генри.

– Нам тоже, – отвечает Скай, отламывая еще кусочек. – М-м-м, очень вкусно.

Ксандер присаживается рядом со мной и протягивает мне вилку.

– Тебе лучше?

– Лучше? – Уходит несколько секунд, прежде чем я вспоминаю предлог, благодаря которому ушла из ресторана. – Ах, да. Гораздо лучше.

Он выгибает бровь, будто знает о моем секрете.

– Итак, Генри, – говорит Ксандер. – Твоя группа очень впечатляет. Вы где-нибудь записываетесь?

– Нет. Мы над этим работаем. Нам нужно заработать деньги на студию.

– У меня есть доступ к одной студии, вы можете записаться там бесплатно.

– Ты прикалываешься?

– Я не... эм... прикалываюсь. Позвони мне, и мы договоримся о времени.

Генри достает телефон, очевидно, желая быстрее записать номер, пока предложение в силе. Ксандер диктует номер.

– Где все? – Я слышу, как Мэйсон кричит одновременно со звоном колокольчика.

Глава 19

Мой изумленный взгляд обращается к Скай, и она кусает губу.

– В подсобке, Тик, – кричит Генри.

В растерянности я встаю. Может, мне стоит его перехватить, прежде чем он войдет? Но уже слишком поздно. Мэйсон во всей красе заходит в комнату. Он широко мне улыбается.

– Я думал, ты сказала, что придешь на той неделе. Но вместо этого исчезла. – Он пересекает комнату в три шага и заключает меня в крепкие объятия. От него пахнет сигаретами и ментоловой жвачкой. – Не думал, что ты из тех девушек, которые целуются, а потом сбегают, – шепчет он мне на ухо, но достаточно громко, чтобы услышали все, и целует меня в щеку.

Более неловкий момент и представить сложно. Я слегка хлопаю Мэйсона по плечу и вырываюсь из объятий. Тишина зависает в комнате. Исподтишка смотрю на Ксандера, чтобы понять, как он все это воспринял, но его лицо не выдает никаких эмоций.

– Чувак, – говорит Генри. – Ксандер сказал, что мы можем использовать его студию для записи нескольких треков.

Мэйсон кажется сбитым с толку, поэтому я отступаю и говорю:

– Мэйсон, это Ксандер. Ксандер, это Мэйсон.

Ксандер протягивает руку.

– Привет, чувак. – Мэйсон дает ему пять, а потом внимательно его изучает. – Я раньше тебя где-то видел.

– Он был на одном из наших концертов, – говорит Генри.

– Нет, не там. Ты типа продюсер?

Из Ксандера вырывается смешок.

– Нет, я друг Кайман. – Он действительно сделал акцент на слове «друг» или же мне показалось?

Мэйсон переводит взгляд на меня – на его лбу выступили морщинки, будто он пытается что-то вспомнить, – затем моргает и говорит:

– Не-а, без понятия. Спасибо за студию.

– Не за что.

Мэйсон плюхается на пол рядом со Скай и откидывается назад, опираясь на локоть. Пока он на полу с одной стороны, а Ксандер на диване с другой, у меня появляется возможность сравнить их вживую. Два человека не могут отличаться сильнее, чем Ксандер и Мэйсон. И странно, что снова взглянув на Мэйсона, я понимаю, что он больше мне подходит. Гораздо больше, чем богатый парень, который общается со мной по определенным причинам. Печально, что я даже не знаю, какие парни мне нравятся. Разве я не должна это знать? Я медленно опускаюсь на диван.

Не знаю, что сказать, чтобы развеять неловкое молчание. Думает ли Ксандер, что я его бросила, чтобы потусоваться с другим парнем? Я хочу сказать, что понятия не имела о приходе Мэйсона, но это, вероятно, заставит его чувствовать себя глупо. Поэтому я решаю молчать и начинаю есть курицу.

– О, – восклицает Скай. – Смотрите, что я купила на неделе. – Она вытягивает руку, и браслет на запястье раскачивается в такт движению. – Десять долларов.

Все наклоняются к ней.

Мэйсон проводит пальцем по голубому камню.

– Ты выкинула на это десять баксов? Пустая трата денег. На эти деньги мы могли бы заполнить наш холодильник. Верно, Генри?

– Воистину, брат, – отвечает Генри. – Кстати, сейчас у нас в холодильнике только упаковка горчицы.

– Нет, я съел ее вчера, – говорит Мэйсон, и мы смеемся.

– Ты съел упаковку горчицы? – спрашивает Ксандер. – Без ничего?

– Я был голоден. – Мы снова смеемся.

– Как-то с голодухи я слопал целую банку майонеза, – говорит Генри.

– Однажды мой папа не покупал продукты целых три недели, – рассказывает Скай, – и я съела старые сморщенные морковки со дна ящика для овощей.

Мэйсон пинает меня по ноге.

– У тебя грязь на лбу.

Ксандер смеется, и я вытираю лицо.

– Да, мы сегодня ходили на кладбище копать могилу.

– Ой, совсем забыла, что вы сегодня этим занимались, – выкрикивает Скай. – Как все прошло?

Ксандер сжимает и разжимает поврежденную руку.

– Это было интересно.

Скай понимающе мне улыбается.

Мэйсон выглядит немного смущенным.

– Как твоя мама? – спрашивает он.

– Хорошо.

Комната погружается в тишину, которую нарушает звонок телефона Ксандера. Я подпрыгиваю. Он встает и отходит в сторонку, а потом отвечает жестким тоном, который явно бережет только для отца.

– Откуда ты знаешь этого парня? – интересуется Мэйсон.

– Он внук одной нашей клиентки.

– Богатой клиентки, – добавляет Скай.

Мэйсон садится на колени.

– Что едим? Дурацкое дерьмо?

– Это вкусно, – отвечает Скай. – Еда для богатых. Попробуй.

Ксандер возвращается, кладя трубку.

– Кайман, мне пора.

– Хорошо.

– Был рад со всеми познакомиться. – Когда он почти доходит до двери, его взгляд задерживается на мне, и я понимаю, что веду себя грубо, поэтому вскакиваю и следую за ним. На улице я останавливаюсь перед его машиной.

– У тебя очень интересные друзья, – говорит он. На его лице та отработанная улыбка, что была в ресторане, и мне это не нравится.

– Да, они веселые. – Я указываю на его карман. – Кто звонил?

– Отец. ЧП в отеле.

– Что за ЧП?

– На этот раз какой-то идиот во время глажки прожег дырку в рубашке. И мне надо найти рубашку на замену. Надеюсь, в городе. – Он говорит так серьезно, будто разговаривает с коллегой, а не со мной.

– В городе?

– Ну, это зависит от бренда. Если у нас во всем округе нет фирменного магазина, мне приходится ехать в Сан-Франциско или еще куда-нибудь. Сначала нужно узнать куда.

– А почему вы ответственны за идиота, который испортил рубашку?

Его рука играет ключами в кармане. Это намек, что он хочет уйти?

– Потому что этот идиот наш сотрудник. Точнее, был им. Уверен, он уже уволен.

– Уволен?

Ксандеру требуется несколько секунд, чтобы понять, почему я удивлена.

– Он стоил компании важного клиента.

Дует ветерок, и прядь волос падает мне на лицо. Ксандер протягивает руку, чтобы убрать ее, но я быстро смахиваю ее сама и отхожу назад.

– Повеселись со своим ЧП.

Он смотрит вниз, на дистанцию, которую я создала между нами, и качает головой.

– Он видел твою маму? – твердо спрашивает он.

– Что? Кто?

– Парень с пирсингом.

– Мэйсон. Да, видел. – Всего один раз, мельком. Но сейчас меня не волнует, о чем подумает Ксандер. Я зла. Я считала, что он другой, но сегодняшний день доказал обратное. Мне просто хотелось, чтобы он был другим.

– Твоя мама одобряет его, а ты беспокоишься, что ей не понравлюсь я?

– Друзья Мэйсона никогда не называли меня дворняжкой. В это так трудно поверить?

– Что?

– Я слышала, как твой друг назвал меня так.

Из него вырывается единственный горький смешок.

– Так вот почему ты ушла? Тебе следовало подслушать немного больше, так как речь шла о моей рубашке. Он назвал фланель тканью для собаколовов.

Моя грудь сжимается, и я хочу извиниться, но это не единственное, что сегодня меня беспокоило.

– Что ж, поблагодарим Бога за то, что тебе не придется надевать ее снова.

Он достает ключи.

– Пока, Кайман.

– Пока. – Я не оглядываюсь, хотя мне очень хочется. Хочется, чтобы Ксандер остановил меня. И я зла на себя за это.

Он не останавливает меня.

Я возвращаюсь в подсобку, где Генри убирает гитару в чехол, а Скай заматывает шарф вокруг шеи. Не хочу оставаться одна. У меня скручивает живот.

– Куда собираетесь?

– Генри не нравится ассортимент. – Скай указывает на столик с едой. – Мы собираемся купить нормальную еду в магазине за углом.

– Нормальная еда – это начос или несвежие хот-доги?

– Именно, – отвечает Генри.

• • • • •

Я аккуратно добавляю немного «Маунтин Дью» в стакан и беру «Пауэр Рейд».

– Что она делает? – Слышу я, как спрашивает Мэйсон.

Скай смеется.

– Это ее фирменный рецепт. Она все прошлое лето занималась этим экспериментом. Теперь ей известен идеальный состав содовой.

– Я должен это попробовать, – говорит Мэйсон и уходит. Продавец следует за ним. Мужчина не доверяет подросткам и всегда ходит за нами, прикрываясь рассказами о «предложении дня», чтобы мы не догадались, что он за нами наблюдает. Сейчас он рассказывает Мэйсону о скидке на вяленое мясо, а Мэйсон спрашивает, может ли тот смешать разную газировку. Я единственная, кто этим занимается. Скай выдавливая горчицу на свой хот-дог.

Я заканчиваю смешивать и делаю глоток. Идеально. Скай может издеваться надо мной сколько хочет, но этот эксперимент стоил того.

– Сколько вы готовы заплатить за рубашку? – внезапно спрашиваю я, думая о сотнях долларов, которые Ксандер потратит на замену рубашки для «важного клиента».

– Эту я купил за пятьдесят центов в «Армии Спасения», – гордо восклицает Мэйсон, указывая валяным мясом на логотип своей футболки. Продавец внимательно следит за движением мяса, как будто Мэйсон собирается вынести его в рукаве.

– Это круто даже для секонд-хенда, – говорит Скай, кивая. Она явно под впечатлением.

– Пять долларов за эти джинсы, – говорит Генри. – Хотя я был готов заплатить шесть. – Он поднимает футболку, демонстрируя нам, как выглядит его задница в этих джинсах.

Я смеюсь. Включая чрезмерно подозрительного продавца – вот такие люди мне по душе.

Мэйсон на что-то указывает, крича: «Ага!», и это заставляет меня подпрыгнуть.

– Что? – спрашиваю я.

– Вот где я его видел.

Я медленно поворачиваюсь, смотря на журнал «Старз», на который и указывает Мэйсон. На обложке в углу находится фотография Ксандера.

Глава 20

Наверное, мне не следовало покупать тот журнал. Я и так уже достаточно зла на Ксандера. Но я купила и теперь сижу в одиночестве на диване в гостиной, ожидая, когда мама вернется домой, и перечитываю статью еще раз. В ней лишь говорится, что «Принц Отелей» был замечен в Нью-Йорке во время открытия одного из отелей его семьи.

Неудивительно, что при первой нашей встрече он бы в шоке, когда узнал, что мне не известно, каким бизнесом владеет его семья. Может быть, Ксандер подумал, что я притворяюсь. Зря. Все потому, что у нас нет кабельного. Однако хоть я и не знала, кто он, я всегда понимала, что он является кем-то значимым. И статья, напоминающая мне об этом, ничего не меняет. Я сминаю тонкий журнал и бросаю его в работающий телевизор. Спустя пару секунд в комнату заходит мама.

– Привет, – говорит она, заметив меня на диване.

– Твоя встреча длилась вечность. – Если я подберу журнал сейчас, то будет слишком заметно, поэтому я оставляю его на месте в надежде, что она не заметит.

– Прости. После приема мне нужно было выполнить парочку дел.

Я указываю за свое плечо.

– Я сделала тебе сэндвич. Он в холодильнике.

Освещение меняется, когда по телевизору начинается реклама, и я замечаю, что у мамы заплаканные глаза. Я сажусь ровно и поворачиваюсь к ней.

– Ты в порядке?

– Конечно. Просто устала. – Она уходит на кухню, которая отделена от гостиной одной стенкой.

– Правда?

– Да, все хорошо.

Я хватаю журнал и засовываю его в карман.

Мама гремит чем-то на кухне, а потом кричит:

– Хорошо провела время?

Я делаю несколько шагов до телевизора и выключаю его, потом жду, когда она присоединится ко мне на диване.

– Да, мы ездили к отцу Скай копать могилу. Это было круто.

– Звучит здорово. Твой друг должен к нам прийти. Я хочу с ним познакомиться.

Нет, не хочешь. Тебе бы не захотелось с ним знакомиться.

– Он боится кукол. Детская травма.

– Серьезно?

– Нет, мам.

– Ты смешная, Кайман.

– А ты стала понимать сарказм.

Она смеется.

– Так этот друг – твой парень?

– Мы просто друзья. – Но являемся ли мы ими сейчас?

– Ну, если это все, что тебе нужно, то тебе стоит быть внимательнее, потому что разница между «просто друзья» и «парень»...

Я с улыбкой закатываю глаза.

– Да, да.

– Очень маленькая, – продолжает она. – Не разбивай сердца.

– Ты что, подражаешь Сократу, мам.

– Так заметно? – Я слышу, как открывается и закрывается шкафчик, и жду, когда она присядет ко мне, но она говорит: – Спасибо за сэндвич, дорогая. Съем его завтра. Я уже поела.

– Хорошо.

– Прости, что пришла и испортила твои планы, но я иду спать.

– В восемь часов?

– Это был долгий день, сначала я занималась магазином, а потом бегала по городу.

Я вскакиваю и следую за ней по коридору.

– Подожди.

Она поворачивается ко мне лицом. Свет выключен, и мы стоим в темноте.

– Да?

– Пожалуйста, поговори со мной. Что-то не так. – Мы с мамой всегда всем делились. Дистанция, которую я ощущаю между нами, – моя вина, я знаю. Она из-за всех секретов, которые мы держим в себе, но нам нужно поговорить.

Мама смотрит на свои руки, а ее плечи поднимаются и опускаются. Она избегает моего взгляда, когда произносит:

– Все в порядке, правда.

– Пожалуйста, мам. Я же чувствую, что что-то не так.

– Сегодня я пыталась взять ссуду, и мне отказали.

Мне не нужно спрашивать, но я все равно это делаю:

– Ссуду на что?

Она наконец поднимает взгляд. Ее глаза налиты кровью.

– На оплату некоторых счетов. – Мама берет мою руку. – Только не переживай. Все будет хорошо. Выберемся, как всегда. Давай надеяться, что дальше будет лучше. Нам просто нужно быть экономнее.

– Экономнее? – Как мы можем быть экономнее? Мы и так практически ничего не покупаем.

– Не переживай, ладно? Все хорошо.

Я киваю, и она меня обнимает. Но это не уймёт мое беспокойство.

Когда она скрывается в своей комнате, я закрываю дверь в свою спальню с огромной тяжестью на душе. Журнал упирается мне в бедро, поэтому я достаю его и расправляю.

– Стоишь ли ты всех этих проблем, Ксандер? – говорю я смятому лицу.

• • • • •

В понедельник утром я очень долго собираюсь. Все выходные я пыталась придумать, что сказать Ксандеру. Я устала от чувства, которое поселилось у меня в груди и угрожает там остаться.

Когда я спускаюсь по лестнице, мама складывает зеленый банковский бланк для вклада и убирает его в сумку.

– Я думала, ты разобралась с депозитом в субботу.

Она подпрыгивает от неожиданности.

– Ты меня напугала. – Она оценивающе пробегается по мне взглядом с головы до пят. – Ух ты, ты сегодня хорошо выглядишь. Я не видела тебя в этом свитере целую вечность. Он подходит твоим глазам. Это для особенного мальчика в школе?

Если бы я так сильно не любила свою маму, то задушила бы ее.

– Нет, мам. Я же говорила, мы просто друзья. – И он не ходит в мою школу. И... подождите, она пытается сменить тему? У нее почти получилось. – Так, что с депозитом?

– Я не внесла взнос в субботу.

Она не внесла взнос? Моя мама дотошна, когда дело доходит до вкладов. И разве она вчера не говорила, что у нас и так проблемы с оплатой счетов?

Должно быть, мама замечает мой взгляд, так как говорит:

– Ничего страшного. Внесу, как только откроется банк.

– Хорошо. – Я беру свои вещи, поправляю свитер и иду к двери. Мое сердцебиение ускоряется впервые с того момента, как мы повздорили с Ксандером. Я улыбаюсь и выхожу на холод.

Его здесь нет.

Дорога до школы кажется длиннее, чем обычно. Может быть, потому, что я постоянно оглядываюсь назад или потому что иду медленнее, давая ему возможность меня догнать. Но он так и не появляется.

• • • • •

После школы, пока мама наверху разбирает заказы, я достаю камеру Ксандера, которую спрятала под столом в подсобке, и фотографирую кукол. Еще никогда не чувствовала такую мотивацию создать сайт. Он поможет увеличить продажи. Когда я смотрю через объектив на безжизненные глаза Айслин, меня посещает мысль о том, как утром мама стояла у прилавка и пыталась избежать вопросов о депозите.

Вешаю камеру на шею и проскальзываю в ее кабинет. Первой вещью, которую я просматриваю, является гроссбух. Долг еще больше – три тысячи долларов. Это не удивляет меня, однако заставляет беспокоиться еще сильнее. Я открываю ящик, где мама хранит сумку с деньгами, и достаю ее. Она закрыта. Ощущая груз в своих руках, я смотрю на нее несколько секунд. Мне не хочется ее открыть и узнать, что деньги еще внутри. Даже не представляю, что это будет означать, если деньги еще там. Что она по-прежнему что-то от меня скрывает? Быстро и безболезненно. Я открываю сумку и заглядываю внутрь. Пусто. Но, даже зная, что она внесла вклад, я не могу успокоиться.

Звенит дверной колокольчик, я запикиваю сумку обратно в ящик и бегу в зал.

Высокий мужчина с темными волосами и бородой стоит около двери. У меня уходит всего секунда, чтобы вспомнить, что он был в магазине несколько недель назад и разговаривал с мамой.

– Сьюзан здесь? – спрашивает он, его взгляд задерживается на камере у меня на шее.

– Нет, ее нет. – Я могу сказать ему, что она наверху, но беспокойство, которое появилось у меня в мамином кабинете, только возросло.

– Можете передать, что заходил Мэттью?

– Могу ли я вам чем-либо помочь?

Его глаза загораются, а губы растягиваются в улыбке.

– Нет. – И с этим он выходит из магазина. Через витрину я наблюдаю, как он уходит, а потом быстро выбегаю наружу и прислоняюсь к зданию, чтобы он меня не заметил. Мэттью садится в темно-синий внедорожник, припаркованный через несколько магазинов. Я быстро делаю пару снимков, приближая фокус к номерным знакам, а затем к его лицу. Мое сердце почти останавливается, когда он смотрит в объектив камеры. Ручка металлической двери впивается мне в спину, когда я резко отклоняюсь назад. Наверяд ли он меня заметил, я ведь совсем немного приблизила.

Зайдя в магазин, я поднимаю трубку телефона. И как раз тогда, когда готова нажать на кнопку, я себя останавливаю. Не хочу говорить маме о Мэттью по телефону. Я вообще не хочу говорить ей о нем. Не то чтобы мама никогда ни с кем не встречалась. У нее были... знакомства. Но она всегда мне о них рассказывала. Так что кем бы Мэттью ни являлся, она с ним не встречается. А если она с ним не встречается, то кто он?

Глава 21

Двумя днями позже я смотрю на камеру Ксандера, лежащую на моей кровати. Я уже загрузила все фотографии на компьютер и приступила к работе над сайтом. И все ради того, чтобы не думать о том, что я не виделась с Ксандером с вечера субботы. Еще раз прокручиваю в голове тот вечер: он принес французскую еду; дальше появился Мэйсон; я отступаю, когда он хочет убрать прядь волос с моего лица; наша ссора. Я постоянно его отталкивала, но, видимо, он понял это только тогда.

Я пихаю сумку ногой и тяжело вздыхаю. Вот уже два дня я собираюсь использовать камеру в качестве предлога с ним встретиться. В стиле «Я всего лишь хотела вернуть тебе камеру». Но есть две проблемы. Первая: я не знаю, где он живет. Вторая: мне не известен его номер телефона. И есть только два решения этой проблемы. Первое: я могу позвонить миссис Далтон и узнать его номер. Второе: я могу приехать в отель «Конец дороги» в надежде встретить его там.

Второй вариант побеждает. Я очередной раз прокручиваю сумасшедшую мысль: если я приеду в отель, то он обязательно будет там. Я скажу: «Я была недалеко», и это не покажется таким уж очевидным и ужасным.

Но правда в том, что это никогда не происходит так, как я себе представляю. Поэтому, стоя у ресепшен в холле элитного отеля и разговаривая с администратором, я убеждаюсь в своей неудаче.

– У меня его камера, – повторяю я.

– Повторяю: если вы оставите ее у меня, я обязательно ее ему передам.

– Если бы вы сказали мне, когда он сюда приедет или сообщили бы его адрес, то я могла бы это сделать сама.

То, как она на меня смотрит, ранит меня в самое сердце. Ее взгляд красноречиво говорит: «Ты знаешь, сколько девушек пытается достать о нем информацию?». Я делаю шаг назад.

– Вы не хотите ее оставлять?

Я смотрю на нее так, словно не доверяю, и говорю:

– Это очень дорогая камера. – Мой взгляд не производит должного эффекта. Хотя, будь я на ее месте, вела бы себя точно так же.

Я разворачиваюсь и возвращаюсь туда, откуда пришла, все еще держа чехол с камерой. Итак, какой был первый вариант? Я позвоню миссис Далтон и получу номер Ксандера. В конце концов, мне нужно вернуть ему камеру. Это действительно важно.

Ремешок сумки сдавливает мою руку, поскольку я несколько раз обмотала его вокруг запястья, чтобы не волочить сумку по земле. Пальцы все больше и больше бледнеют, потому что в них не поступает кровь. Я останавливаюсь прямо перед дверью. Почему я так с собой поступаю? Почему мне так тяжело? Именно с ним? Так не должно быть. Если бы *это* было правильно, я бы не врала маме. Не чувствовала бы себя виноватой. Если бы *это* было правильно, все было бы гораздо легче.

Со стыдом возвращаюсь назад и кладу камеру на ресепшен.

– Хорошо, вы ему передадите?

Она кивает и, кажется, собирается сказать что-то еще – может быть «спасибо», но звонит телефон, она поднимает трубку и забывает обо мне. Делаю глубокий вдох и ухожу. Я тоже могу оставить его в прошлом. Здесь, в месте, которому он принадлежит.

По дороге домой я везде замечаю детей в костюмах. Как я могла забыть, что сегодня Хэллоуин? Старый город пуст. Не так много людей живет в торговом районе. Я паркуюсь в переулке и захожу через черный вход. В магазине темно. Все так, как я оставила. Сейчас около девяти, и поэтому – судя по ее последней привычке – мама должна быть уже в постели. Но я застаю ее на диване за просмотром фильма.

Она смотрит на меня и улыбается.

– Я подумала, что ты ушла на вечеринку, о которой я могла забыть.

– Нет, Хэллоуин вылетел у меня из головы.
Она хлопает по диванной подушке рядом с собой.

– Что смотришь?

– Не знаю, что-то на канале Hallmark classic.

Я плюхаюсь на диван рядом с ней.

– Дай угадаю, у женщины рак, а мужчина об этом не знал, но безумно ее любит.

– Нет, мне кажется, мальчик болен, а его мать понимает, как много времени она провела на работе.

Я накрываюсь шерстяным пледом. Мы не разговариваем, просто смотрим фильм, но это так уютно и так по-семейному, что к концу фильма я чувствую себя гораздо лучше. Я скучала по маме. Скучала по таким моментам.

На следующий день на входе в магазин я сталкиваюсь с почтальоном. Он приветствует меня, и я улыбаюсь. Мама стоит за прилавком, медленно разбирая почту. Интересно, она специально оттягивает момент, прежде чем увидеть счета, которые мы оплатить не в силах? Закончив, мама поднимает на меня взгляд.

– Привет.

– Привет.

Она поднимает конверты.

– Нервничаешь? – спрашивает она.

– Да. – Ты даже представить себе не можешь как.

– Когда начнешь проходить собеседования?

– Собеседования?

– Беркли, Сакраменто, Сан-Франциско. В колледжах.

– Ах да. – Для начала мне следовало бы отправить заявления. – Пока не знаю. Возможно, в апреле. – Конечно, я знала. Как и то, что сроки подачи заявления в некоторые колледжи в скором времени истекали. Но я так и не рассказала маме о своем плане по переносу учебы на несколько лет.

– Апрель? До него еще далеко.

А кажется, что он уже за углом.

Она улыбается и убирает кипу почты в ящик, а потом поворачивается к слишком-большому-для-нашего-скудного-расписания календарю. Отрывает листок с этим месяцем, складывает его и пихает под прилавок, чтобы будущие поколения увидели, что у нас выдался безумно скучный год.

– Новый месяц, – говорит она. – Пора заняться нашим расписанием. – Она берет ручку, готовая распределить мою жизнь по маленьким квадратикам на календаре. – Дополнительные занятия в школе?

– Нет, только завтра у меня контрольная, поэтому сегодня мне надо подготовиться.

Она вычеркивает меня после пяти.

– У меня собрание для владельцев бизнесов в среду вечером.

Она пишет 18:00 в календаре, не указывая детали.

– Где оно проводится?

– Не помню. Место постоянно меняется.

– А почему у нас ни разу не проводилось?

– Для этого наш магазин слишком маленький. – Мама смотрит на практически незаполненное расписание. – Что-нибудь еще?

Мой взгляд задерживается на субботе – дне, когда мы встречались с Ксандером. Была бы его очередь проводить День профессий.

– Нет, больше ничего.

– Вау, у нас интересный месяц. Даже не знаю, сможем ли мы справиться с таким плотным графиком.

– Нет посиделок?

– Пока нет.

Она убирает ручку и достает чистящие средства. В течение всего дня мой взгляд постоянно

задерживается на надписи в календаре в среду. Почему я что-то подозреваю? Я несколько месяцев лгала маме о том, с кем общаюсь. Возможно ли, что она тоже мне врет? Имя «Мэттью» всплывает в голове, и стараюсь о нем забыть. Но не получается.

– Мам, а кто...

Звенит дверной колокольчик, прерывая мое предложение. Я поднимаю взгляд, глупо надеясь, что это может быть Ксандер. Но это не он. Это Мэйсон.

Глава 22

• • • • •

Мама улыбается.

– Привет. Мэйсон, правильно?

Она помнит его имя?

– Да, здравствуйте. Рад снова вас видеть. Ничего, если я украду у вас Кайман на час или два?

– Нет, конечно. Куда пойдете?

– У нас репетиция, и мне хотелось бы услышать ее мнение о некоторых песнях.

– Он еще не знает, что у меня нет музыкального слуха, – говорю я маме.

– Это неправда, – убеждает мама Мэйсона. Как будто это его когда-то волновало.

Он подходит ближе, и мамин взгляд задерживается на его голени.

– Что она означает?

Он поворачивает ногу и смотрит на тату, будто совсем позабыл о ее наличии.

– Это китайский символ. Он означает «принятие».

– Очень красиво, – отвечает мама.

– Спасибо. – Он поворачивается ко мне. – Ты готова?

– Да. Спасибо, мам. Увидимся позже.

Он обнимает меня за плечи. Волей-неволей я привыкаю к потребности Мэйсона в прикосновениях. Да и мне тоже вроде сейчас это нужно.

Я пихаю его локтем.

– Ты носишь шорты в ноябре?

– Сегодня не так холодно.

Конечно, он прав. В Калифорнии начало ноября похоже на начало большинства месяцев в году – довольно теплое.

– Где у вас репетиция? – спрашиваю я.

Он указывает на фиолетовый фургончик.

– В фургоне?

– Нет, мы туда поедем.

Боковая дверь открывается, и оттуда с улыбкой выбирается Скай.

– Не думала, что он сможет вытащить тебя из магазина.

– Почему?

– Потому что ты суперответственная. Но он убедил меня, что ему это по силам. Видимо, я недооценила очарование Тика.

Ага, а еще мое одиночество. От Мэйсона приятно пахнет, поэтому я чуть-чуть сильнее прижимаюсь к его груди.

– Ну, мама была в хорошем настроении. Так что это было не так уж и сложно.

– *Кстати*, – говорит Мэйсон. – Ты должна это увидеть.

Он открывает пассажирскую дверь и практически ныряет внутрь, поднимая что-то с пола, а затем вручает мне еще один журнал «Старз».

– Новая статья. Ты должна начать их коллекционировать. Это вроде как наша местная знаменитость, верно?

Я хватаю журнал и внимательно изучаю обложку, пока не нахожу фотографию Ксандера под заголовком «Ксандер Спенс и Сэиди Невел были замечены в Лос-Анджелесе в минувшие выходные». На фотографии он держит за руку девушку с темными короткими волосами и длинными загорелыми ногами. Мой желудок сжимается, и меня начинает тошнить. В минувшие выходные Ксандер получил нечто гораздо большее, чем рубашка важного клиента.

Я открываю статью и читаю: «Ксандер Спенс, сын владельца сети элитных отелей Блэйна Спенса, был замечен в Лос-Анджелесе возле ночного клуба «Кислород» со своей давней подругой, актрисой Сэиди Невел, которая последние шесть месяцев была на съемках в Париже.

Давняя подруга?

Я не могу читать дальше, потому что перед глазами все расплывается. Нет, я не буду из-за этого лить слезы! «Я уже отпустила Ксандера. Вернула ему камеру», – напоминаю я себе. Это было мое освобождение. Но тайно, в глубине души, во мне еще теплилась надежда, что он вернется. Я

прикусываю щеку изнутри и заставляю себя успокоиться.

– Ничего себе, захватывающая статья, – говорю я. – Двух людей застукали, пока они шли. И теперь это новость.

Шесть месяцев. Она уехала сниматься на шесть месяцев. Я была его развлечением. В голове моментально всплывают мысли, показывающие то, какими на самом деле были наши отношения: он никогда не подходил ко мне слишком близко; назвал себя моим другом, в ответ на вопрос Мэйсона; никогда не называл наши встречи свиданиями. Это были «Дни профессий». Он даже не появился на неделе. Глупышка. И почему я не заметила этого раньше? Очевидно, я просто неправильно трактовала его действия. И теперь чувствую себя идиоткой. Он хотел быть просто другом.

Я глотаю слезы. Хорошо. Именно в этом я и нуждалась – в разрыве наших отношений. Окончательном разрыве.

Я смотрю на фотографию Сэйди Невел. Она красивая, утонченная и гораздо больше ему подходит.

Из фургона выглядывает Генри.

– Ну что, готовы к записи нашего первого сингла? – Он держит телефон в руке. – Ксандер сказал, что студия свободна.

• • • • •

– Ты в порядке? – тихо спрашивает Скай, когда я сижу на заднем сиденье между ней и барабанщиком Дерриком.

– Да. Почему ты спрашиваешь? – И под «да» я подразумеваю твердое «нет». Мы увидим Ксандера. Я встречу с ним лицом к лицу. Это плохо. И теперь, усвоив это, мне хочется выпрыгнуть из фургона.

– Потому что ты только что узнала, что у парня, который тебе нравится, есть девушка. – Она указывает на журнал, который был заброшен в фургон и каким-то чудесным образом оказался у меня под ногами (я даже случайно, а может быть, и нет, наступила на идеальное лицо Сэйди).

– Это так очевидно?

Она пожимает плечами.

– Доверься мне. Я же твоя лучшая подруга.

– Да, ну, я с ним покончила.

– Быстро.

– Потому что я пыталась избавиться от него с первой минуты нашего знакомства, так что я сама себя опередила.

Она хлопывает меня по коленке, как будто я отрицаю свои чувства. Но я не отрицаю.

Хорошо, может быть, немного, но мне нужно, чтобы она меня поддерживала, пока я разбираюсь в своих чувствах.

Надеюсь, студия и Ксандер не идут в комплекте. В данный момент я не готова с ним встретиться.

Вполне возможно, он всего лишь позвонил в студию и сказал, что приедет группа. И это не означает, что он там будет. По крайней мере, именно в этом я себя убеждаю во время поездки, пока все члены группы воодушевленно разговаривают о записи. Мы проезжаем через охранный пост, через железные ворота и заезжаем на мощеную дорогу. Секундой позже я вижу фонтан и огромный белый дом с таким количеством окон, что я даже сосчитать не могу. И тут до меня доходит, что студия и Ксандер идут в комплекте – это его дом.

Глава 23

• • • • • •

Ксандер встречается нас на круговой подъездной дороге, и я пытаюсь скрыться за группой. Интересно, насколько неловким было мое поведение в эти месяцы? Слышал ли он мое учащенное сердцебиение каждый раз, когда ко мне приближался? Смотрела ли я на него щенячьими глазками? Скай это заметила. И он, вероятно, тоже. А теперь он подумает, что я попросила ребят взять меня с собой, чтобы встретиться с ним.

– Вход в студию с другой стороны, – говорит Ксандер, и группа начинает доставать инструменты из багажника. Услышав звук его голоса, мне снова хочется плакать. Я проклинаю саму себя. Он продолжает: – Это, конечно, ваше дело, но в студии есть инструменты, если вы не хотите тащить свои.

– Круто, – произносит Мэйсон, убирая свою гитару обратно. Генри закрывает багажник.

– Идите за мной, – велит Ксандер. Проходит минута, прежде чем он меня замечает. Я хорошо спряталась между Скай, гитаристом Майком и барабанщиком Дерриком. Он хмурится. – Привет. Не знал, что ты приедешь.

– Я тоже. – Знаю, это прозвучало пискляво и фальшиво, потому что мое горло одолел спазм, но я пытаюсь сделать вид, будто все в порядке.

Ксандер колеблется секунду, как будто хочет добавить что-то еще, но говорит лишь:

– Окей. Пошли. – Он машет, чтобы мы следовали за ним. Ксандер несколько раз оглядывается, пока мы проходим двор, крытый бассейн и баскетбольную площадку, и я понимаю, что он ожидает, что я догоню его и пойду рядом, но я продолжаю держаться двух незнакомых парней и слушать их болтовню. Я собираюсь ему доказать, что прекрасно знаю, что мы всегда были просто друзьями, и ему не следует волноваться, что я буду на него вешаться.

– Ладно, ребят, – говорит он, открывая дверь и кладя ключи и мобильный на маленький столик слева, – располагайтесь. Я включу оборудование.

Ребята моментально разбирают инструменты, а Ксандер остается по другую сторону стекла и начинает нажимать на различные кнопки. Скай плюхается на диван позади Ксандера, и я присоединяюсь к ней.

Ксандер закрывает дверь наружу и дверь в комнату, где играет группа, тем самым создавая идеальную звукоизоляцию. Он улыбается мне, пока идет обратно к своему креслу, и я впадаю в ярость – мое сердце еще не восприняло информацию о наличии у него девушки и продолжает биться как сумасшедшее в ответ на его улыбку.

– В холодильнике есть газировка и другие напитки, если вы, дамы, хотите пить. – Он указывает на холодильник из нержавеющей стали в углу, затем поворачивается, прикладывает гарнитуру к уху, нажимает на кнопку на панели перед ним и говорит в микрофон: – Попробуйте сыграть песню пару раз и дайте знать, когда будете готовы приступить к записи.

Он отпускает кнопку и поворачивается на крутящемся стуле к нам. Было бы гораздо легче, если бы он был менее... каким? Самоуверенным? Привлекательным? Кокетливым?

Да, без последнего пункта было бы гораздо проще. Неважно, что я сегодня поняла о наших отношениях, Ксандер слишком много флиртует. Если бы он был моим парнем и заигрывал бы с девушками так же, как сейчас со мной, я была бы очень зла.

– Что? – спрашивает Ксандер.

– Что?

– Ты на меня пялишься.

– Я? Нет, – отвечаю я.

– Да. Правда же? – спрашивает он Скай.

– Да.

– Ну, я пытаюсь понять, как ты можешь тут жить.

– Что, прости?

Я указываю на шикарную студию, которая находится у него дома.

– И как тебе удастся вставать с кровати каждое утро с таким удручающим будущим?

– На самом деле, кое-кто работает со мной над этим вопросом. Я надеюсь, ей удастся выяснить, каким должно быть мое будущее. – Эта фраза напоминает мне, почему мы начали

общаться. По его мнению, мы были в похожих ситуациях. Может быть, Ксандер думал, что я понимаю его лучше всех. Но это не так. Мы абсолютно разные.

Дверь в комнату звукозаписи открывается, и из нее вываливается Мэйсон и плюхается между мной и Скай на диван, кладя голову мне на плечо.

– Думаю, мы готовы, – говорит он Ксандеру.

– Хорошо. – Ксандер ждет, думая, что Мэйсон сейчас встанет, а потом кивает на его голень. – Милая татуировка.

– Спасибо. Кстати говоря. – Мэйсон смотрит на меня, берет прядь моих волос и начинает накручивать ее на палец. Я благодарна ему за внимание. Теперь я чувствую себя менее глупо перед Ксандером. К тому же, теперь Ксандер видит, что я не особо по нему тоскую. – Твоя мама говорила с сарказмом или же ей действительно понравилось тату?

– Моя мама не дружит с сарказмом.

Мэйсон смеется.

– Правда? Тогда в кого ты такая? Твой отец гений сарказма?

Словно почувствовав поднятие неподходящей темы, вся группа выходит к нам, изнемогая от духоты. Моя грудь сжимается от желания сказать: «Мне не известно, является ли мой отец гением сарказма, потому что мы никогда не встречались».

– Она с ним не знакома, – говорит Скай, делая ситуацию хуже некуда.

– В самом деле? – спрашивает Мэйсон. – Ты с ним не знакома? Расскажи об этом.

Я ерзаю, придумывая, как можно отшутиться на эту тему. Ксандер смотрит на свои часы.

– Ребят, у меня график. Давайте уже приступим к записи.

Он ловит мой взгляд на секунду, доказывая, что сказал это специально ради меня. Мэйсон поднимается с дивана, сразу же позабыв о моем отце. Жаль, я не могу так же быстро о нем забыть.

Группа играет перед нами как в немом кино. Ксандер надевает наушники и начинает регулировать фейдера. Я не понимаю, чем он занимается, но он, похоже, хорошо в этом разбирается. Скай встает и достает банку газировки из холодильника.

– Будешь? – спрашивает она.

– Нет.

Она возвращается ко мне на диван.

– Как ты?

– Хорошо.

– Кстати, я поняла.

– Что?

– Его. Поняла, почему он тебе нравится. В нем что-то есть. – Она кивает на спину Ксандера. Несмотря на то, что мы говорим достаточно тихо, а Ксандер сидит в наушниках, мне хочется ее заткнуть.

– Я уже говорила, все кончено. У него есть подружка-актриса, Скай.

Она закатывает глаза.

– Актрис слишком переоценивают. Борись за него.

Я встаю, чувствуя необходимость выплеснуть все накопившееся волнение.

– Это не борьба, когда один человек уже выиграл.

На столике у входа звонит телефон Ксандера. Видимо, он не слышит звонок, потому что никак не реагирует. Я стою в нескольких шагах от телефона, поэтому, поддаваясь любопытству, смотрю на светящийся экран. Первое, что я замечаю, так это фотографию улыбающейся темноволосой девушки. Мне не нужно смотреть на имя, чтобы понять кто это. Но я все равно это делаю. Сэйди.

– Видишь?.. – говорю я Скай, выгибая бровь.

– Серьезно? – спрашивает она.

Я киваю, а затем бросаю взгляд на Ксандера, который все еще внимательно смотрит на играющую группу, и, поддаваясь внезапному порыву, отвечаю на звонок:

– Алло?

Скай от изумления так широко распахивает рот, что, боюсь, ее челюсть может отвалиться.

– Алло?.. Ксандер?.. Я плохо тебя слышу. Я в машине. – Ее голос кажется таким нормальным. Я видела Сэйди Невел в нескольких фильмах, и этот голос не похож на голос утонченной актрисы.

Теперь, когда я ответила на звонок, я не знаю, что сказать.

– Это не Ксандер. Сейчас передам ему трубку.

– Я тебя не слышу. Что? Ох. Слушай, у меня плохая связь, но мне нужно, чтобы ты включил свою магию. Я перезвоню тебе, когда доберусь до отеля. – Связь прерывается, и я кидаю телефон обратно на стол, как будто он вот-вот взорвется.

Скай хихикает.

– Ты сумасшедшая.

– Она не поняла, что это я. Она перезвонит позже.

Ксандер поворачивается на стуле, заставляя меня вздохнуть.

– Кто-нибудь хочет послушать? – спрашивает он, снимая наушники.

– Да! – Скай вскакивает и идет к нему. Когда она садится на стул рядом с Ксандером и надевает наушники, он поворачивается ко мне.

– Почему бы не это? – спрашиваю я, снова устраиваясь на диване.

– Что?

– Почему бы тебе не стать продюсером? Кажется, ты от этого в восторге.

Он подъезжает ко мне на своем стуле, пока наши колени не соприкасаются.

– Мой отец никогда не станет вкладывать деньги в нечто подобное.

Мой взгляд устремляется на наши колени, и я задумываюсь, стоит ли мне оттолкнуть его назад. Отметаю эту мысль.

– Но он построил студию.

– Мой старший брат – классический гитарист. Студия была построена для реализации творческого потенциала. Исключительно в качестве хобби. Я потратил кучу времени, учась здесь вместе с ним. Но, по мнению моего отца, это не профессия.

– Мне казалось, тебя не волнует, что думает твой отец, – говорю я.

Прищурившись, он обдумывает мои слова.

– Меня волнует, что считают его деньги. – Он потирает затылок. – С ними я не могу от него не зависеть. Это как две стороны одной медали.

Я понимаю, о чем он. Ему нужны деньги, чтобы пойти в колледж, получить образование и в итоге зарабатывать свои. Но мне любопытно, действительно ли Ксандера волнуют только деньги. Он прилагает огромные усилия, чтобы разозлить своего отца. Думаю, на самом деле Ксандера волнует отцовское мнение.

По другую сторону стекла Мэйсон поет с закрытыми глазами. Он смотрится глупо. Ксандер хлопает меня по колену, возвращая мое внимание к себе.

– Рад, что ты пришла. Я не думал... – Я наклоняю голову в ожидании продолжения. – После субботы... и ты вернула мне камеру без слов... – Его глаза сверлят мои.

– Что? – спрашиваю я и с нетерпением жду, когда он закончит свою мысль. Что он недосказал? Неужели наша ссора волновала его так же, как и меня?

– На этих выходных меня не будет в городе, но в следующую субботу? Встретимся?

Я моргаю. Вот что он хочет. Продолжить устраивать Дни профессий?

Скай взвизгивает, напугав меня.

– Это было очень круто! – Она встает.

Ксандер тоже встает, подходит к ней и нажимает на кнопку микрофона.

– Закругляемся. Хорошая работа, парни. – Затем подходит к столику, кладет ключи и телефон в карман и переводит на меня виноватый взгляд. – Не знал, что ты придешь. У меня действительно плотный график. – Он смотрит на часы. – Через двадцать минут мне нужно быть в аэропорту.

– Уверена, мы сами сможем добраться до машины.

– Что ж, увидимся в следующую субботу?

Мне хочется ответить: «Не знаю, может, сначала согласишься это со своей девушкой? Кстати, она только что звонила». Но я просто молча киваю. Потому что, независимо от того, есть у него девушка или нет, мне все равно хочется встретиться с ним в субботу. Видимо, я не смогу забыть его так легко, как надеялась, и ненавижу себя за эту слабость.

Глава 24

В понедельник утром, когда я прощаюсь с мамой и хватаю свой рюкзак, кто-то стучится в магазин. Я поднимаю взгляд и вижу Ксандера, который стоит за дверью с двумя стаканчиками. Мое сердце пропускает удар. *Нет, нет, нет, нет, нет.* Этого не может быть. У него есть девушка. Если бы я знала... Он улыбается, и мое сердце трепещет. Если бы не только оно было уверено в том, что между нами что-то есть, я бы прямо сейчас открыла эту дверь и столкнулась с разочарованием своей матери.

– Кто это?

Он выбрал неподходящее время. У нас с мамой все только наладилось. Я качаю головой, показывая, чтобы он ушел, но Ксандер лишь, ухмыляясь, приподнимает стаканчик, как бы говоря: «Не уйду, так чтопусти меня».

Я прищуриваюсь и одаиваю его легкой улыбкой. Что ж, хочет поиграть, пускай. Поехали.

– Кажется, это внук миссис Далтон. Он как-то приходил забрать для нее куклу. Я скажу ему, что мы открываемся в девять, пусть подойдет позже.

– Не надо, дорогая. Миссис Далтон – наш лучший клиент. Впусти его, давай узнаем, что ему нужно.

Вот черт!

Я медленно открываю дверь.

– Здравствуйте, – говорю я. Его знакомый аромат доносится до меня вместе с ветерком, и это совсем не способствует восстановлению моего сердечного ритма. Я глубоко вздыхаю. – Мы еще не открыты. Вашей бабушке что-нибудь нужно?

Он делает глоток из стаканчика и протягивает его мне. Я съеживаюсь. Это действие мама трактует так, будто он самый отвратительный богатый парень в мире, который хочет, чтобы я поддержала его напиток, пока он будет заниматься покупками.

– Я хочу увидеть твою маму, – отвечает он достаточно громко, чтобы она услышала.

– Конечно, она гораздо больше знает о куклах, чем я. – Я поворачиваюсь к маме. – Мам, он... м-м-м... простите, как вас зовут? Веллингтон, кажется? – Он морщит лоб в недоумении. Но, моему, ему весело. – Нет, не думаю. Хм...

– Ксандер.

– Точно! Помню, что имя какое-то необычное.

– Кайман, – произносит мама. – Простите, моя дочь порой слишком язвительна. Она так шутит.

– В прошлый раз Ксандеру очень понравились спящие куклы. Вы же говорили, что испытываете счастье каждый раз, когда ими любуетесь?

– Точно не помню, но вполне мог так сказать.

Я начинаю смеяться, но потом быстро сжимаю губы.

– Мам, не могла бы ты показать нашу коллекцию?

Мама наклоняет голову, явно сбита с толку. Она хочет что-то спросить. Наверное, уже догадалась, что я знакома с Ксандером. Пора отсюда бежать. Я трясусь стаканчиком с шоколадом, притворяясь, что он пустой.

– На улице есть урна. Я выкину его вместо вас. – Я поворачиваюсь к маме. – Уже опаздываю. Увидимся после школы.

– Удачного дня, дорогая.

Я ухожу, последний раз кидая невинный взгляд в сторону Ксандера. Уже на улице меня настигает грусть, и я не могу понять: то ли это потому, что я снова солгала маме, то ли мне действительно хочется, чтобы она с ним познакомилась. И не только познакомилась, но и полюбила.

Когда до школы мне остается буквально десять шагов, пара рук обхватывает меня сзади, вынуждая остановиться.

– Ты несносная девчонка! Ты ведь это знаешь? – шепчет Ксандер мне на ухо.

Он отпускает меня, и я, улыбаясь, поворачиваюсь.

– Сам виноват. Я же говорила, что пока не хочу знакомить тебя с мамой. Но ты все равно решил с ней познакомиться.

– Да. Я хотел доказать, что нравлюсь всем мамам. И она не стала исключением: я ей понравился.

Мое сердце пропускает удар.

– Серьезно?

– Не думал, что это будет стоить мне ста пятидесяти долларов, но она сражена наповал.

Ох, ну конечно, он ей понравился. Он же был клиентом.

– Ты купил куклу? – У него нет сумки, поэтому я цепляюсь за лацканы его пиджака и раскрываю его.

– Она не со мной, женщина. Я положил ее в машину.

– Кого ты купил?

– Ты же не думаешь, что я помню?

– Я не думаю, я *знаю*.

– Дафну.

– Ты купил куклу-плакальщицу?

– Ага, я немного расстроился, а та кукла отражала мое настроение. Подарю ее бабушке на следующее день рождения. – Он опускает взгляд. – Ты думала, я спрятал куклу в пиджаке?

До меня доходит, что я все еще держу его за лацканы.

– Если туда вмещается твое эго, то и кукла могла бы влезть. – Как раз тогда, когда я собираюсь убирать руки, он заключает их в ладони и прижимает к своей груди.

Я рассматриваю воротник его брендовой рубашки, пытаюсь игнорировать его пристальный взгляд. Мои одноклассники проходят мимо нас, спеша на урок, и я ощущаю на себе их взгляды.

– Я думала, ты уехал.

Он слегка пожимает плечами.

– Я вернулся.

– Думала, мы не увидимся до субботы. – Мой голос становится хриплым.

– Я не мог ждать.

Я чувствую, как бешено колотится мое сердце.

– Даже несмотря на то, что произошло в ту субботу?

– Что? – тихо спрашивает он. Или, может быть, я его едва слышу, потому что в ушах у меня лишь звук собственного сердцебиения.

– Кризис десятилетия в отеле. Ты нашел рубашку на замену?

– Да, пришлось ехать в Лос-Анджелес.

Правильно. Лос-Анджелес – место, где он встретился с Сэиди Невел. Мое хорошее настроение быстро улетучивается.

– Это все?

Ксандер кивает и, когда у меня появляется огромное желание убрать руки, внезапно спрашивает:

– Ты пойдешь со мной на благотворительный вечер моей мамы?

– Что?

– Он через две недели. Там будут танцы, сплетни и высасывание денег из богачей. Это все для благотворительной деятельности моей мамы.

– Еще один День профессий?

– Нет.

Я встречаюсь с ним взглядом. Разве он не должен идти туда со своей девушкой?

– У меня уже есть планы на этот вечер.

– Какие?

– Игнорирование благотворительного вечера. – Я ехидно улыбаюсь. – Мне пора. Уже опаздываю.

Вот только мои ноги почему-то меня не слушаются.

– Пока, Кайман. – Он отпускает мои руки, они падают по бокам, и тут я сама себя удивляю – кидаюсь к нему в объятия. Он крепко обнимает меня в ответ, и я стою неподвижно немного дольше,

чем следует. Почему я не могу просто уйти от Ксандера Спенса без оглядки? Звонок на урок раздается за моей спиной.

– Мне нужно идти. – Я отстраняюсь и поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Кайман, – говорит он, останавливая меня.

Я оглядываюсь.

– Да?

– Сотрудника, который не умеет гладить...

– Да?

– Его не уволили. Я знал, что тебя это волновало, так что... Его не уволили.

Почему из-за этой новости у меня на глаза наворачиваются слезы?

– Хорошо. Может быть, ему стоит посетить наш следующий День профессий, когда мы будем учиться гладить твои футболки.

– Я передам приглашение.

После полудня, когда я сижу за прилавком и выполняю домашнюю работу, а мама вытирает пыль, она внезапно начинает хихикать.

– Что смешного? – спрашиваю я.

– Внук миссис Далтон.

– Ксандер?

– Да, Ксандер. Этим утром он был смешон.

– Правда? – спрашиваю я с надеждой. Может быть, он действительно произвел на нее хорошее впечатление. Может, мама и не так сильно расстроится, если узнает о нашем общении.

– Поверить не могу, что ты выкинула за него мусор. А после твоего ухода он рассказывал, как ему нравится твое имя и что он был на Кайманских островах в прошлом году. А затем спросил, часто ли я там бываю. Будто все в мире получается так, как мы хотим.

Обычно именно я высмеиваю богатых, а она меня останавливает. Годами меня это бесило, поскольку я знала, что она разделяла мое мнение. И теперь она насмехается над Ксандером? В горле образуется ком. Не думаю, что смогу сейчас обсуждать его поступки, и все же пытаюсь.

– Он казался милым.

Она пожимает плечами. Каждый мой нерв напрягается.

– Ты сегодня встречаешься с Мэйсоном? – Такая резкая смена темы лишает меня дара речи. – Мне действительно понравилось значение его татуировки. Я не большой фанат татуировок – они же на всю жизнь, но значение именно этой мне понравилось.

– Принятие? – спрашиваю я в ожидании, что она поймет, как это нелепо, после всего, что она наговорила.

– Да, красиво. Уверена, многие относятся к нему предвзято. Я так горжусь тобой за то, что ты на этом не зацкливаешься.

– На чем, мам? На цвете его кожи?

– Что? Нет. Цвет его кожи здесь вообще ни при чем. Господи, Кайман, ты вообще понимаешь, о чем я говорю?

– Нет, вот и пытаюсь выяснить. – Конечно, понимаю: о его пирсинге, тату, прозвище... Но я слишком раздражена, чтобы дать ей слабинку. Может быть, она не понимает, что лицемерит?

– Я собираюсь доделать домашнюю работу наверху.

– Хорошо.

Когда я подхожу к лестнице, до меня доходит: она подозревает, что между мной и Ксандером что-то есть. Вот почему мама так говорила. Она опустила Ксандера и возвысила Мэйсона. Это ее тонкий способ управлять мной. Сто процентов. Мне хочется вернуться и спросить о своих догадках. Но какое это имеет значение, ведь у Ксандера все равно есть девушка?

Наверху я вижу еще один розовый конверт со счетом на полке, и вся моя злость мгновенно перерастает в беспокойство. Даже не знаю, какая эмоция хуже.

Глава 25

Вместе со Скай я просматриваю стойки с одеждой в «Армии спасения», стараясь выкинуть навязчивые мысли из головы.

Скай вздыхает.

– Никак не могу понять, что произошло.

– А что тут понимать? У него есть девушка. Уверена, на этом история и заканчивается. – Мы с Ксандером не виделись в течение нескольких дней, и пока его нет рядом, я могу мыслить ясно.

– Но он так на тебя смотрит... – Скай останавливается, понимая, что это мне совсем не помогает. – Прости. Проехали. – Она берет футболку и смотрит на меня.

– Не твой цвет.

Кладет ее обратно.

– Кстати говоря, что насчет Тика? Ты ему точно нравишься.

– Мэйсону понравится любая в пределах досягаемости.

– Конечно, преданности у него, как у мартовского кота, но, пожалуй, он мог бы остепениться. – Скай хватает еще одну футболку, я киваю, и она отправляет ее в растущую стопку у себя на руке. – Он действительно хороший парень, если узнать его получше. Они завтра выступают в «Пляже». Для них это серьезный шаг. Ты должна прийти.

Должна. Мэйсон действительно мне подходит. Он нравится моей маме, моей лучшей подруге и мне бы он тоже понравился, если бы на его пути не встал другой.

Моя рука замирает на черном платье. Том самом, которое я нашла, когда была тут с Ксандером. Удивительно, что оно еще здесь. Оно великолепно. Я достаю его и провожу рукой по вышивке бисером.

Скай открывает рот от изумления.

– Оно прекрасно.

Я убираю его обратно и передвигаюсь к следующей вешалке – отвратительному комбинезону из спандекса.

– Нет, так не пойдет, – говорит Скай, приближаясь ко мне и снова доставая платье. – Ты его купишь.

– Нет.

– Да.

– Зачем? Куда мне его надевать?

– Неправильно мыслишь. Если ты находишь нечто подобное, то обязательно покупаешь. Это платье, под которое подбирается мероприятие, не наоборот.

Я прикусываю губу.

– У меня нет сорока долларов.

– У меня есть. Я куплю его тебе. Это будет мой мне-так-жаль-что-ты-влюбилась-в-богатого-парня подарок.

– Я верну тебе деньги, – усмехаюсь я.

Скай была права. «Пляж» (назвать клуб в честь местоположения – так предсказуемо) – это действительно следующий уровень. Удивительно, как много людей пришло послушать «Красти Тодс». Волны набегают позади огромной сцены, а морской воздух только дополняет атмосферу выступления. Это крутой концерт, но я уже подумываю о плане побега. Я не собираюсь оставаться, чтобы пообщаться с группой после концерта и посоперничать с остальными желающими за их внимание.

Скай сделала отвратительные футболки с логотипом группы, и, вопреки здравому смыслу, я надела одну из них.

– Еще две песни, и я уйду, – кричу я Скай, пока Мэйсон поет своим медовым голосом.

– Я знала, что ты попытаешься сбежать, поэтому заранее все спланировала.

– Спланировала? Ты о чем?
Она кивает головой на сцену.

– Ребята хотят прогуляться.

Я смотрю на Мэйсона, он ловит мой взгляд и поет несколько строчек именно мне, и тогда я понимаю, как после такого многие девчонки в него влюбляются. Мое сердце замирает.

– Хорошо. Я остаюсь.

Скай хихикает.

– Еще бы.

Когда группа заканчивает последнюю песню, я ожидаю, что Мэйсон на некоторое время удалится за сцену, как это было в прошлый раз. Но нет. Он кладет микрофон, спрыгивает со сцены и пробирается сквозь толпу цепких рук прямо ко мне.

Когда он подходит ко мне, мое сердце уже выпрыгивает из груди.

– Привет. – Это единственное слово произнесено так эмоционально, что я начинаю понимать, почему он такой хороший певец.

– Привет.

Он берет мою руку и сжимает ее.

– Не уходи.

– Ладно.

И только после этого он уходит. Мэйсон направляется к сцене и, минуя охрану, заходит за нее. Я слежу за ним, пока он не исчезает из виду, а потом трясую головой, выходя из транса.

– Говорила же тебе, что он от тебя без ума.

Я прихожу в себя и вижу, что эта ситуация привлекла слишком много внимания. Практически все на меня пялятся.

– Я за водой, – произношу я.

– Захватишь мне газировку? – спрашивает Скай, протягивая мне пятерку.

Я иду по пляжу, и моя обувь утопает в песке. Надо было оставить ее в машине. Так я буду идти вечность. Парень, сидящий в баре, кажется мне знакомым. И судя по тому, как он в упор на меня смотрит, он тоже меня узнает. Я не могу его вспомнить и перебираю лица всех своих одноклассников. Видимо, он занимается тем же, так как внезапно в его глазах появляется узнавание. Теперь у него преимущество, ведь я до сих пор не могу его вспомнить.

– Маленькая подружка Ксандера, верно? – От его слов веет высокомерием.

И когда он это говорит, я вспоминаю. Это Роберт из ресторана. Тот, который, как мне показалось, назвал меня дворняжкой. Но теперь я начинаю думать, что Ксандер его покрывал.

– Да, привет. – Я прислоняюсь к бару и заказываю бутылку воды и газировку.

Когда бармен выполняет мой заказ, Роберт спрашивает:

– Тебя привел сюда Ксандер?

Я сужаю глаза. Без Ксандера нет необходимости вести себя вежливо.

– Нет, я знакома с группой. Как *ты* сюда попал? – Я беру напитки со стойки.

Роберт смеется и осматривает меня с ног до головы.

– Ты привлекательная. У тебя... красивые глаза. Когда ты надоешь Ксандеру, свяжись со мной.

Никогда не думала, что могу машинально вылить на человека газировку, но у него хорошая реакция. Видимо, выработанная годами, поскольку люди постоянно выливали на него воду. Его рука моментально обхватывает мое запястье.

– Плохая идея, – говорит он, несколько капель газировки выливаются. – Эта рубашка стоит дороже, чем твоя арендная плата за месяц.

– Жаль, что тебе пришлось продать душу, чтобы купить ее.

– Все в порядке? – Мэйсон подходит ко мне сзади и обнимает за талию. Я просто собираюсь кое-кого убить, вот и все. – Пошли.

– А ты прям нарасхват, – кричит Роберт мне вслед. Я концентрируюсь на том, чтобы не бросить в него стакан с газировкой.

– Кто это? – спрашивает Мэйсон, когда мы отходим достаточно далеко.

– Не бери в голову.

Вот только у меня это не выходит. Он *друг* Ксандера. Ксандер ведет себя так же, когда меня нет рядом? Моя голова закипает.

– Кайман? – Мэйсон забирает бутылку воды и берет меня за руку. – Мне следует побить того парня?

Я крепко хватаюсь за него.

– Нет, это того не стоит. – Опять говорю я себе, имея в виду вовсе не Роберта, и пытаюсь решить, стоит ли воспользоваться этим советом еще раз.

Глава 26

Следующим вечером я решаю завершить работу над сайтом, которым потихоньку занималась на протяжении последних двух недель. Я перекидываю фотографии на компьютер. К несчастью для меня, вместе со снимками кукол открывается фотосессия в отеле с Ксандером. Даже на фото его улыбка заставляет мое сердце биться чаще.

Пролистываю снимки, задерживаясь на тех, где рассмешила его. На фото с Сэиди Невел в журнале он даже не улыбался. Наверное, она даже не способна его рассмешить. Я раздраженно фыркаю. *Да какая разница, Кайман? Он с ней.* Я хочу удалить его фотографии, но не могу себя заставить. Поэтому просто выделяю все фотографии с куклами и помещаю их в одну папку. Теперь мне не будут постоянно попадаться янтарные глаза Ксандера.

Я добавляю имена кукол и цены.

– Новый сайт для заказов? – спрашивает мама, зайдя на кухню.

– Нет, – улыбаюсь я. Мне хотелось порадовать ее, когда сайт будет полностью готов, но он уже почти закончен, а мне необходимо наладить отношения с мамой. Я перехожу в меню сайта. – Работаю над кое-чем для магазина.

Она подходит ко мне. На экране появляется крупная надпись «Куклы и остальное». Я подумывала выкинуть «и остальное» из названия, но это же что-то вроде традиции. К тому же, может быть, нам стоит добавить еще «что-нибудь», и магазин выйдет из кризиса? Я прокручиваю немного – до того места, где написано имя мамы и контактная информация.

– Еще я бы хотела добавить твою фотографию. Можно было бы сделать ее на фоне магазина или за прилавком.

– Что это? – она спрашивает.

– Веб-сайт, который я создаю для магазина. – Я всплескиваю руками и кричу писклявым фальшивым голосом: – Сюрприз!

– Веб-сайт. – Ее голос низкий и ровный.

– Мам, это будет круто. Этот сайт выведет нас из кризиса и поднимет продажи. Это следующий шаг для нашего роста.

– Нет. – Больше она ничего не говорит, лишь поворачивается и огибает барную стойку.

Я сбита с толку.

– Нет?

Она достает стакан с полки и наполняет его водой из-под крана.

– Я не хочу сайт.

Хоть у нас нет кабельного телевидения, сотовых телефонов или нового компьютера, это не значит, что мама считает технику порождением дьявола или нечто в этом роде. Мы просто не можем себе это позволить.

– Это недорого, мам. Меньше двадцати долларов в год за домен. И я могу запустить его. Можно даже запустить его, как только мы все закончим. Это просто и...

– Я сказала «нет», Кайман. Я не хочу.

– Почему?

– Потому что я так сказала.

– Это не ответ, а окончание разговора.

– Отлично, потому что этот разговор окончен. – Она со звоном ставит стакан на стол – удивительно, что он не разбился – и вылетает из кухни в свою комнату.

Я закрываю страницы на мониторе, стараясь сохранять спокойствие. Мне дико хочется швырнуть компьютер на пол. Но я сдерживаюсь. Выключив экран, я медленно спускаюсь на первый этаж и выхожу на улицу. А затем бегу. И не останавливаюсь, пока мои щеки не немеют, легкие не горят, а ноги не болят.

К тому моменту, когда я возвращаюсь в магазин, с меня капает пот. Мне необходимо кому-нибудь выговориться. Я хватаю телефон и набираю номер Скай, но меня перенаправляют на голосовую почту. Мои пальцы выбивают хаотичный ритм по прилавку, и я решаю не оставлять сообщение.

Мне следует позвонить Мэйсону, но я не хочу.

Достаю из-под прилавка папку, бросаю ее на наш календарь с расписанием и нахожу номер миссис Далтон.

Я чуть не кладу трубку, пока слушаю гудки.

– Алло, – отвечает миссис Далтон.

– Здравствуйте... – *Я ошиблась номером.* Я вздыхаю, когда понимаю, что уже больше девяти. Я могла ее разбудить. – Простите, что звоню так поздно. Это Кайман... из магазина кукол.

– Нет, вовсе не поздно, и я знакома только с одной Кайман, – говорит она. – Как ты?

– Хорошо.

– Разве я что-то заказывала? Я не помню, но это не значит, что я этого не делала.

– Как будто вы бы забыли, – говорю я.

– Это правда. Тогда ты, наверное, проверяешь, не умерла ли я еще? Может быть, я и выгляжу старой, но мне всего лишь шестьдесят семь.

– Правда? Я думала, вам около сорока.

– Хорошая попытка.

Я перевожу дыхание.

– Я надеялась, что смогу узнать у вас номер. Думала, он даст его сам... Я не пытаюсь достать номер телефона у него за спиной. Он звонил мне раньше. Мне кажется, он будет не против, если я возьму его у вас.

– Сделай глубокий вдох, милая.

– Простите.

– Тебе нужен телефон Алекса? Он очаровательный, не так ли?

– Нет. То есть да, очаровательный, но мы просто друзья. – А сейчас мне очень-очень нужен друг.

– Я так и поняла.

Я смеюсь. Миссис Далтон забавная.

– Сейчас найду номер. У меня есть этот вычурный телефон, в котором можно сохранять сотни номеров, но я все равно записываю их в свою записную книжку.

Я понимаю, что жду, затаив дыхание.

– Готова? – спрашивает она.

Более чем.

– Да. – Я записываю номер прямо на календаре. – Спасибо огромное.

– Не за что. Передавай ему от меня привет.

Я вешаю трубку и несколько секунд сверлю взглядом его номер телефона. Мне хочется с ним поговорить. Мне *нужно* с ним поговорить. Но я не могу пошевелиться. Закрываю глаза, а когда вновь открываю, то быстро набираю номер, пока не передумала. Жду всего лишь три гудка, хотя мне кажется, что проходит вечность.

И наконец-то он отвечает.

Глава 27

– Алло. – Его знакомый голос мгновенно снимает мое напряжение. Ксандер не похож на Роберта. Если бы он был на него похож, то сбежал бы в ту минуту, когда узнал, что я живу над магазином кукол. С этой мыслью я и вовсе расслабляюсь.

– Алекс? – Не знаю, почему это имя слетело у меня с языка. Может быть, потому, что я записала его рядом с номером телефона, когда разговаривала с миссис Далтон.

– Кайман?

– Да. Привет.

– Алекс? – спрашивает он.

– Прости. Сорвалось с языка. Я разговаривала с твоей бабушкой.

– Тогда понятно.

Я ложусь на пол рядом с прилавком и смотрю на потолок, как когда-то это делала Скай. Это идеальная позиция для размышлений. Не удивительно, что она проводит здесь так много времени.

Несколько секунд мы молчим, а потом он говорит:

– Тебе что-нибудь нужно?

Ты.

– Мне нужен мой утренний горячий шоколад, кое-кто подсадил меня на этот наркотик, а потом забрал.

– Это твой способ сказать, что ты по мне скучала?

– Я скучала по горячему шоколаду. И воспринимаю тебя лишь как парня, который мне его приносит. Порой я даже забываю твое имя и называю тебя Парень-Горячий-Шоколад.

Он усмехается, а я мечтаю увидеть его лицо в этот момент. Я бы смогла полюбоваться тем, как вместе с улыбкой загораются его глаза.

– Я скучал по твоему остроумию.

– Ясно. – Мой пульс ускоряется. – Кстати, я так и не поблагодарила тебя за камеру.

– То есть ты сделала сайт? Какой адрес? Я хочу увидеть этих кукол, пожирающих души, на своем мониторе. – На том конце линии слышится шуршание бумаги. Он что, тянется через стол к своему компьютеру?

– Нет. В смысле, нет сайта. Мама его не хочет.

– Ох, почему?

– Если честно, не знаю. Я хотела обрадовать ее, показав свою работу, а она сорвалась на меня. Просто остановила, сказав, что не хочет его. Это было так на нее не похоже.

– Что было на сайте?

– В том-то и дело, что ничего особенного. Логотип магазина и контактная информация. Потом я сказала, что хочу добавить ее фотографию, и она взбесилась.

– Она стеснительная?

Я опираюсь ногами на стену и закидываю свободную руку за голову.

– Нет.

– Может, она просто не хочет, чтобы в Интернете была ее фотография и место жительства. Представь свой снимок вместе с адресом в общем доступе. Понимаю, почему ей это не нравится – куча незнакомцев будут знать, где ты живешь. Может, сделать сайт без личной информации?

Я перестаю дышать. И понимаю это только тогда, когда замечаю черные мушки перед глазами. Перевожу дыхание. Она волновалась о куче незнакомцев, знающих, где мы живем, или о ком-то конкретном? Например, о моем отце.

– Ты в порядке?

Я хмыкаю, не доверяя собственному голосу. В горле все пересохло. Не уверена, что смогу сейчас вообще хоть что-то сказать.

– Ты уверена?

Я сглатываю.

– Да, думаю, ты прав. – Учитывая сильную боль в горле, я удивлена, что мой голос звучит нормально.

– Я всегда прав.

– Думаешь, он пытался? – Мне требуется секунда, чтобы осознать, что я только что произнесла, а потом еще одна, чтобы до меня дошло, что Ксандер задал мне вопрос и ждет моего ответа.

– Что?

– Я спросил: «Кто»?

Я резко сажусь, а потом встаю. Лежа на спине, я слишком расслабилась и не смогла удерживать свои мысли.

– Та куча незнакомцев, о которых ты говорил. Думаешь, они уже пытались найти нас в своих зловещих целях?

– Это в каких же?

Я прислоняюсь к прилавку и заштриховываю его номер на календаре.

– Ну, знаешь, есть людишки, которые предлагают... конфетки или просят помочь найти их потерянных собак.

– Не думай, что я на это куплюсь.

– А ты и не должен. Это их уловки с целью затащить тебя в машину и увезти далеко-далеко.

Рада, что ты им не поверишь.

– Я говорил о твоём сарказме. Ты слишком часто используешь его, чтобы сменить тему.

– Слишком много чести. Я такая же поверхностная, какой и кажусь.

– Едва ли. И ответ на твой вопрос: да. Да, я думаю, что твой отец пытался тебя найти. Какой отец не захотел бы узнать собственную дочь?

– Тот, который сбегает лишь только при одной мысли обо мне. – Даже не знаю, почему я поднимаю эту тему. Я не просто так ее избегаю. Каждый раз, говоря об отце, ощущения такие будто, с меня сдирают кожу, оставляя незащищенной и искалеченной.

– Если б он знал тебя, то никогда бы не сбежал.

Я закрываю глаза. Какой мужчина может вот так сбежать? Просто бросить свою беременную женщину. Тот, который перепугался до чертиков. Испугался того, какой отпечаток я оставлю на его будущем. Я разрушаю судьбы, и моя мама тому подтверждение. Он был всего лишь подростком, правда, с будущим неограниченных возможностей и деньгами, с которыми возможно все. Интересно, он похож на Ксандера? Поэтому мама так к нему отнеслась? Вспомнила свое прошлое.

– Ты бы сбежал?

– Никогда. – Не знаю, лучше мне от этого или хуже. – Поэтому я думаю, что он пытался, Кайман. Раскаяние просто так не уходит.

Смею предположить, что он вообще не раскаивается.

– Разве так тяжело найти всего одну девочку?

– Может быть, твоя мама не рассказала тебе о его попытках.

– Мама не стала бы это от меня скрывать. – Пока я говорю это, мой взгляд падает на календарь, где мама написала «Маленькое бизнес-собрание». Возможно, она что-то и утаивает от меня. А если это так, то Ксандер может быть прав. Мама может скрывать от меня многое. – Что ты делаешь в среду вечером?

– Свободен как птица.

– День профессий. Половина седьмого. Встретимся у меня.

– Но в этот раз моя очередь. Я кое-что запланировал на завтра, ты помнишь?

– Хорошо, хорошо. Завтра ты. В среду я. – Я прочищаю горло. – Если это не слишком много.

У тебя же не будет проблем из-за слишком частых встреч со мной, да?

Я хочу добавить: «Твоя девушка будет ревновать», но не буду, ведь это может прозвучать слишком горько. А это последнее, что мне нужно.

– Нет, конечно, нет! Я уже говорил, что ты нравишься моим родителям.

Не сомневаюсь, что его родители и не догадываются, что он со мной встречается.

– Лучше встретиться завтра в обед, а не утром.

– В два?

– Отлично. Тогда увидимся завтра?

– Кайман?

– Что?

– Ты можешь не вешать трубку. Если тебе нужно со мной поговорить, у меня есть время.

Узел в моем животе слегка слабеет, и когда я собираюсь ответить, на том конце провода

раздается женский голос:

– Ксандер, почему ты так долго? Ты разговариваешь по телефону?

– Да, прости, что заставил ждать. Сейчас спущусь. Дай мне пять минут.

– С кем разговариваешь? – спрашивает она.

– С другом. – Дверь закрывается, и его голос звучит громче в трубке. – Прости за это.

– Ничего страшного. Похоже, тебе пора. Увидимся завтра в два. Пока. – Я вешаю трубку, прежде чем он успеет меня остановить, гордясь тем, как естественно прозвучал мой голос, хотя на самом деле такое ощущение, будто меня схватили за горло. Больше никаких телефонных звонков. Они не помогают.

Глава 28

• • • • •

Я жду на обочине. После двух часов каждая минута кажется вечностью. Мне кажется, что он мог передумать. Может быть, Сэйди Невел запретила ему болтать по ночам с друзьями, а потом устраивать для них «День профессий».

В 14:07 его машина выезжает из-за угла. Он паркуется и выходит.

– Привет, – говорит Ксандер.

– Привет. – Мое тело все еще слишком бурно на него реагирует, сердцебиение ускоряется, покалывание распространяется от рук к шее.

Он смотрит поверх моего плеча на магазин, а потом снова на меня.

– Ты готова?

Кивок.

Он подхватывает меня под локоть.

– Ты в порядке?

Я встречаюсь с ним взглядом, и мне хочется сказать: «Нет, я ужасно себя чувствую. У мамы от меня секреты, через месяц мы можем лишиться дома, мой отец меня бросил, а у тебя есть девушка, и мы оба притворяемся, что ее не существует».

– Да, что могло случиться? – лишь отвечаю я.

Должно быть, он мне не верит, потому что заключает меня в объятия. Я закрываю глаза и вдыхаю его запах.

– Я рядом, – шепчет он мне в волосы.

«Надолго ли?» – хочется мне спросить.

– Ты хороший друг, – говорю я, а затем вырываюсь из его объятий.

Мы едем молча, пока он не выруливает к аэропорту.

– Хм. – Я наблюдаю, как самолет взмывает в небо, и перевожу шокированный взгляд на Ксандера. – Мы куда-то летим?

– Ты же не боишься летать, правда?

– Не думаю.

– Ты никогда не летела на самолете?

– Нет. – И если судить по вспотевшим ладоням, то, возможно, я боюсь.

– Серьезно? – Он изучает меня мгновение, как будто пытается собрать пазл.

– Знаешь, я ведь сказала маме, что вернусь сегодня вечером. Это так?

– Да, конечно, вернешься.

– Ладно.

Меня бы не удивило, если бы мы зашли в кабину пилота, устроились в креслах и Ксандер бы запустил двигатели. Но, к счастью, это не так. Пилот ожидает нас внутри.

Мы садимся в кресла друг напротив друга. Ксандер достает бутылку воды из шкафчика под сиденьем, делает глоток и вручает ее мне. Затем берет еще одну для себя.

– Предварительно отпитые напитки? Просто высший класс.

Я награждена улыбкой. Она мимолетная, и я начинаю размышлять над другой фразой, которая бы ее вернула. Это хорошо отвлекает, да и я соскучилась по его улыбке. Мне нужно сказать ему об этом. Но я молчу.

Его внимание сосредоточено на экране мобильного, и он начинает писать смс или электронное письмо, или что-то еще. Я разуюсь и поджимаю одну ногу под себя, пытаюсь устроиться поудобнее и выкинуть из головы тот факт, что сижу в самолете, который вот-вот взлетит.

Ксандер подвигается немного и хлопает по месту рядом с собой.

– Ты можешь положить ноги сюда.

– У тебя нет боязни ног?

– А такая существует?

– Конечно, это реальная болезнь. Существуют группы поддержки и врачи-специалисты, зуб даю. – Я кладу ногу рядом с ним, и моя лодыжка задевает его бедро. – Никакого поверхностного дыхания? Учащенного сердцебиения?

Он кладет руку на мою лодыжку, продолжая копаться в телефоне. А потом его изумленный

взгляд встречается с моим.

– А это симптомы? Если так, то у меня определенно проблемы.

Почему он так говорит? До него я могла спокойно определить, флиртует ли со мной парень. Но Ксандер разговаривает так искусно, так гладко, что тяжело определить, флиртует ли он или же просто играет с моими шутками.

Может быть, мне стоит спросить прямо в лоб: «Что твоя девушка обо мне думает?». Это справедливо.

– Ксандер?

– Да?

– Что... – Он опускает телефон и переключает все свое внимание на меня. – Что ты делаешь? Переписываешься с друзьями? – Тряпка. Но ведь после того, как тайна про его девушку раскроется, он, скорее всего, начнет относиться ко мне по-другому.

А мне этого не хочется.

Вот в чем соль.

Он усмехается.

– Нет. Просматриваю предложения на сайте, пока связь не потеряна. Прости. Я отключу его. Это было грубо.

– Нет, все нормально.

Двигатели за окном запускаются, и я напрягаюсь. Ксандер убирает телефон и сжимает мою лодыжку.

– Самое худшее – это взлет. Сам полет не так уж и страшен.

– А что насчет посадки?

– Хорошо, взлет на втором месте.

Свет в кабине тускнет, и самолет движется вперед, к взлетно-посадочной полосе. Большой палец Ксандера вырисовывает узоры на моей лодыжке. Я должна волноваться о взлете, но все мои нервные окончания напряжены из-за прикосновения Ксандера. Я наблюдаю за мелькающими огоньками, пока самолет набирает скорость, а потом закрываю глаза, и меня прижимает к сиденью. Когда мы поднимаемся в воздух, я расслабляюсь.

Ксандер отпускает мою лодыжку.

– Видишь, не так уж и страшно.

– Теперь осталось приземлиться.

– Точно.

Я оглядываюсь.

– В самолете же есть уборная? Или это только в фильмах?

Он указывает мне за спину. Когда я встаю и прохожу мимо него, самолет попадает в зону турбулентности, я теряю равновесие и хватаюсь за плечи Ксандера.

– Я хорошо им плачу, чтобы они делали это в нужный момент, – говорит он. Его «нефлиртование» уже раздражает.

Я чуть ли не сижу у него на коленях. Мне нужно всего лишь немного расслабить ноги, и я окажусь на нем. Соблазн сделать это так велик. Он поддерживает меня за талию, но не помогает отстраниться. Его рука просто замирает на ней, и он встречается со мной взглядом.

У меня в горле пересыхает. А затем самолет снова попадает в зону турбулентности, и может быть, это игра моего воображения или у меня слабые коленки, но могу поклясться, что вместо того, чтобы поддержать, Ксандер притянул меня к себе, и теперь, обнимая его за плечи, я сижу у него на коленях.

– Привет, – произносит он.

– Извинись.

– За что?

– За то, что ты заядлый обольститель.

Он смеется.

– Это ты у меня на коленях. Я всего лишь сидел, размышлял о своем.

– Виноват самолет?

– Конечно.

Я пытаюсь встать, но он сажает меня обратно.

– Сегодня этот самолет так трясет, – говорит он.

– Смешно. – Хотя на самом деле это вовсе не смешно. Меня обдаёт волной гнева. У него есть девушка, а он заигрывает со мной. Мне не хочется быть чьим-то маленьким грязным секретом. Если он думает, что я из разряда таких людей, то он очень ошибается. – Отпусти меня.

Должно быть, он понимает, что я не шучу, потому что на этот раз он помогает мне подняться. Я запираюсь в уборной до тех пор, пока не беру себя в руки. Сегодня вечером я покончу с Ксандером Спенсом. Я проговариваю это про себя, а потом повторяю вслух перед зеркалом:

– Я покончу с Ксандером Спенсом. – Я настолько убедительна, что даже начинаю верить в свои слова.

Возвращаюсь на свое место.

– Ты не замерзла? Не запарилась? Может, голодна? – спрашивает он.

– Нет, все супер.

– Сиденье откидывается назад, если ты хочешь вздремнуть.

– Долго лететь?

– Нет, около часа.

Даже не представляю, куда можно долететь за час. На машине можно доехать примерно до Окленда, но в воздухе все по-другому.

– Какие выводы? – интересуется он.

– Что?

– Благодаря своим великолепным аналитическим способностям ты уже выяснила, куда мы прилетим?

– Нет. – Меня беспокоит, что он уже настолько хорошо меня знает. И даже понял, что я вычисляла место назначения. Я откидываю спинку кресла и притворяюсь спящей весь оставшейся полет. Из-за моей вновь обретенной решимости мне нужно пережить посадку без его помощи.

• • • • •

– Это мой брат, – говорит Ксандер, указывая на машущего нам парня, когда мы выходим из самолета по трапу.

Я разворачиваюсь, пытаюсь вернуться обратно в самолет.

– Нет, подожди, – говорит он, хватая меня за руку. – Он тебе понравится. Лукас. – Братья обнимаются, похлопывая друг друга по спине. – Это Кайман Майерс.

Лукас поворачивается ко мне и с искренней улыбкой пожимает мне руку. И это еще одна деталь, которая меня смущает. Почему все в его семье так хорошо на меня реагируют? Как будто их не волнует, что Ксандер подобрал какую-то девчушку с улицы и теперь гуляет с ней и катает на личном самолете. Что-то не сходится.

Лукас и Ксандер начинают болтать о жизни, как будто не виделись много месяцев. Хотя, может быть, так и есть.

– Папа заставляет тебя прилететь домой на благотворительный вечер? – спрашивает Ксандер, пока мы идет к черному внедорожнику, припаркованному на стоянке.

Лукас вздыхает. Он совсем не похож на Ксандера. У него русые волосы и светлая кожа, у Ксандера же темные волосы и смуглая кожа. Но вокруг них царит одна и та же атмосфера.

– Да. Как думаешь, я смогу нанять двойника?

– Ты же знаешь, это любимое детище мамы. Как-то за завтраком я заикнулся, что боюсь этого вечера, а она чуть было не расплакалась. И вот теперь я притворяюсь, что это самое увлекательное событие на всем белом свете. Эффективно. – Ксандер открывает пассажирскую дверцу машины и ждет в надежде, что я сяду вперед.

Я улыбаюсь.

– Ты можешь сесть рядом с братом. – Я открываю заднюю дверцу и забираюсь в машину.

– Мама просто взволнована, – говорит Лукас, когда мы все усаживаемся.

– Знаю.

– Скарлетт придет? Просто я не уверен, что смогу вынести ее присутствие.

– Не знаю. Вчера она была у нас, но ничего не сказала. Уверен, мама пыталась ее убедить. Скарлетт какое-то время болтала с родителями без меня. – Ксандер кидает взгляд в мою сторону и улыбается, и я понимаю, что Скарлетт – это та девушка, которая прервала наш вчерашний разговор.

Не Сэйди. – Но уверен, что у нее будут в запасе сплетни о каждом на благотворительном вечере. Она является нашим персональным источником информации. Без нее будет не так весело.

Лукас смотрит через плечо на меня.

– Нам не следует так говорить, иначе мы напугаем бедную Кайман. Не волнуйся. Тебе там понравится. Куча дряхлых стариков, которые захотят с тобой потанцевать. Куча еды, которая выглядит так, будто может уползти из твоей тарелки. И группа – настолько крутая, что им даже не требуется солист.

– Я в группе. Рада, что она тебе нравится, – говорю я.

– Нет. В смысле да. Группа крутая. Я сглупил, прости, – запинаясь, говорит Лукас.

Ксандер смеется.

– Она так шутит, Люк. Она не играет в группе.

Лукас качает головой и встречается со мной взглядом в зеркале заднего вида.

– Ты сказала это с таким серьезным выражением лица, что я и в самом деле поверил.

– Она очень хороша в сарказме.

Я ударяю по сиденью Ксандера.

– Думала, мы остановились на «исключительно».

– Я стараюсь тебя не поощрять.

– И как успехи?

Лукас улыбается.

– Возможно, благотворительный вечер будет не так скучен, как я думал. Она же сидит за нашим столом, верно?

– Кайман слишком умна. Она отказывается со мной идти.

– Что? – Лукас хлопает Ксандера по руке. – Разве такое случалось раньше? Мне срочно нужно это записать. – Он оглядывается по сторонам, потом берет с центральной консоли телефон и подносит ко рту, изображая запись на диктофоне. – Девушка отказала Ксандеру Спенсу. Оповестить СМИ.

– Как смешно, – говорит Ксандер.

– И пока мы не сменили тему. Две недели на обложке? Очень впечатляюще, брат. Должно быть, я им совсем наскучил.

– О чем ты? – спрашивает Ксандер.

– «Старз». – Лукас со вздохом закатывает глаза, когда Ксандер выглядит сбитым с толку. Если бы я не знала, о чем он говорит, то выглядела бы точно так же. – Журнал. Ты. Обложка.

– Серьезно? – Ксандер кажется больше злым, нежели удивленным.

– Да, они опять написали, что ты встречаешься с Сэйди.

– Что?! – Он указывает на «Квики-Март», располагающийся на противоположном углу улицы. – Останови здесь.

Лукас пожимает плечами и, подчиняясь указаниям, паркует машину. Ксандер едва дождавшись полной остановки, выпрыгивает и исчезает в ярко светящемся магазине.

Глава 29

• • • • •

Пока мы ждем в машине, Лукас поворачивается ко мне, упираясь рукой о спинку сиденья.

– Что это значит?

Мое сердце бешено колотится. Секрет о девушке раскрылся, и мне интересно, как теперь будет вести себя Ксандер.

– Должно быть, он взбесился из-за того, что напечатали что-то о нем и Сэйди.

– Наверное, ты права, просто я думал, что он знает.

– Я тоже.

Пару минут спустя журнал «Старз» впечатывается в окно рядом со мной, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности.

– Ты это читала? – кричит он снаружи. Я едва слышу его через стекло.

Он открывает дверь и залезает ко мне, даже не дожидаясь, когда я подвинусь. – Ты же читала это, верно?

Он практически ложится на меня. Я отодвигаюсь, освобождая ему место.

– Поехали, Лукас, – говорит он, закрыв дверь. Затем его взгляд снова возвращается ко мне, и в нем полыхает огонь

– Ты злишься на меня за то, что я прочитала статью? Мэйсон показал мне ее на прошлой неделе.

– На прошлой неделе! Кайман, почему ты ничего не сказала?

– А что я должна была сказать? «Ух ты, у тебя сексуальная девушка»? Я не настолько великодушна!

Лукас смеется, и Ксандер посылает ему убийственный взгляд, намекая заткнуться.

– В том-то и дело. Она не моя девушка.

– Но в статье... – Я кивком указываю на журнал, сжатый в его руке.

– Это, – Ксандер щелкает по лицу Сэйди на обложке, – старая фотография. – Он поднимает журнал и внимательно его изучает. – Ей около года.

– И Сэйди звонила тебе на днях...

– Звонила? Нет, она мне не звонила.

– Возможно, я ответила... Она собиралась перезвонить.

Он достает свой телефон и копается в нем. Потом бормочет что-то вроде: «Вот, слушай».

Включает громкую связь, и сообщение, оставленное Сэйди Невел, звучит на всю машину:

– Привет, Ксандер? Где ты? Ты видел журнал «Старз»? Такие идиоты! Какой у нас план? Мне нужно, чтобы ты включил свою магию и это испарилось. Скажи, что твой отец их всех поубивает. – Она, кажется, раздражена.

Ксандер выключает сообщение и, выгнув бровь, медленно переводит взгляд на меня.

– Оу. – Это все, что я могу сказать.

– Оу?

– А что еще ты хочешь от меня услышать? Я видела статью. И знала, что на выходных ты ездил в Лос-Анджелес. Прости, мне казалось, все журналисты честные.

– Я хотел, – говорит он, наклоняясь ко мне, – чтобы ты спросила меня.

Его взгляд настолько пронизан эмоциями, что мне хочется отвернуться... или продолжать смотреть. Еще не решила.

Мое сердце учащенно бьется, я так обрадовалась, что он не встречается с Сэйди Невел, что едва не бросилась к нему в объятия.

Шутка.

Мне нужна шутка.

Срочно.

– Может быть, тебе стоит составить список всех актрис, с которыми ты встречался и когда. Так я смогу узнать, старая это фотография или новая.

– Я могу это сделать, – говорит Лукас.

Я перевожу взгляд на него.

– Не мог бы ты еще добавить туда всех наследниц и дочерей миллиардеров? Всех, кто может

заинтересовать прессу.

– Это займет какое-то время. Получится большой список.

Я знаю, что он шутит, но это задевает меня, ведь я даже рядом не стояла с этим списком.

Ксандер вздыхает и откидывается назад.

– Не такой уж и большой. – Он накрывает своей рукой мою, лежащую на сиденье. Я стараюсь не улыбаться слишком широко.

Мы подъезжаем к зданию из красного кирпича на обширной территории кампуса, и я прихожу в замешательство.

– Где мы?

– Университет Невады.

– Ты собираешься сюда поступать?

– Нет, сейчас все увидишь. – Так забавно наблюдать, с каким энтузиазмом Ксандер устраивает дни профессий. Может быть, ему стоит стать организатором чего-то? Существует ли такая профессия?

Пока мы идем по территории кампуса, я кое-что понимаю.

– Ты здесь учишься, – говорю я Лукасу.

– Ага.

Это меня удивляет. Не то чтобы университет Невады – плохое место, просто мне казалось, что он учится в Лиге плюща. Но я до сих пор не понимаю, почему мы здесь находимся.

После того, как проходим кучу однотипных зданий, мы наконец заходим в одно. В конце коридора Ксандер стучит в дверь, и нам, улыбаясь, открывает парень в очках.

– Здравствуй. Заходите.

Я вхожу в комнату. Микроскопы, горелки, пробирки, стеклянные шкафы и чашки Петри. Кафедра естественных наук. Парень – возможно, сотрудник? – говорит:

– Мне сказали, что ты интересуешься наукой.

Меня переполняют эмоции.

– Да.

Он говорит о возможных профессиях после получения научной степени. Медицина, криминалистика, аналитика и еще, еще, еще. Почти каждая перечисленная им специальность мне очень интересна.

– Следуй за мной, – произносит он и ведет меня к микроскопу. – Я как раз собирался изучать образец крови. Подсчитываю количество лейкоцитов в 1 мм³ крови. Если ты посмотришь через окуляр и посчитаешь их, я смогу сравнить совпадают ли наши значения.

Я выполняю его указание и называю ему число. Он записывает его на бумажку рядом с микроскопом, затем идет к стеклянному шкафу и достает пробирку. Говорит мне забрать немного крови из пробирки, капнуть на предметное стекло и изучить ее. Потом демонстрирует мне колонии бактерий, которые размножаются в чашках Петри, и рассказывает, что они были высеяны из анализов. Также он показывает мне старые полицейские файлы, с которыми работают студенты, чтобы определить ДНК человека и причину смерти.

Видимо, у меня сейчас слишком благоговейный вид, потому что, когда я смотрю на Ксандера, у него на лице самая широкая улыбка из всех, которые я когда-либо видела.

– Лукас, ты специализируешься в области науки? – спрашиваю я.

– Нет, моя основная специальность – архитектура. Это один из моих классов. А Рик мой сосед и ассистент доктора Фендермана.

– А доктор Фендерман заманил нас сюда для дальнейшего использования в качестве объектов для экспериментов?

– Да, наша следующая остановка – клетка.

– Круто. А не собирается ли он подвергнуть испытаниям какую-нибудь вакцину? Потому что этим парням нужно подцепить какую-нибудь изнуряющую болезнь, чтобы пропустить благотворительный вечер.

– Сочувствую, – говорит Рик. На этой планете все, кроме меня, уже посещали благотворительный вечер? Рик подготавливает для меня еще один препарат, и я снова изучаю его через микроскоп. Лукас и Рик возобновляют беседу, и пока я изучаю предметное стекло, ощущаю покалывание на затылке.

– Тебе весело? – интересуется Ксандер. Он совсем рядом, тепло его тела посылает волну

дрожжи по позвоночнику.

– Да. Это великолепно.

– Никогда не видел тебя такой счастливой.

Я никогда и не была так счастлива. Я продолжаю рассматривать предметное стекло через окуляр, но перед глазами все расплывается из-за ощущения его дыхания на затылке. Мое тело моментально реагирует на его присутствие, и я волей-неволей прислоняюсь к его груди.

Он обнимает меня за плечи.

– Тебе нужно специализироваться в науке. Необязательно здесь, но эта специальность тебе подходит. Представляю, как мило ты будешь смотреться в белом халатике.

Я улыбаюсь.

– Это хорошая идея. Может, через годик. – Год я точно буду помогать маме в магазине.

– Кайман. – В его голосе нет ноток одобрения, словно ему известно, какие мысли бродят у меня в голове. – Это ошибка.

– Что ж, у меня не так много вариантов, Ксандер.

– У тебя столько вариантов, сколько ты сама захочешь.

Я усмехаюсь. Это у *него* есть выбор. Остальные остаются с тем, что даровано им судьбой.

– Почему тебя это так волнует? – шепчу я.

Я все еще сижу к нему спиной, а его руки обвивают меня. И всего лишь на секунду мне кажется, что он меня не расслышал, но потом он шепчет в ответ:

– Потому что меня волнуешь *ты*. – Мои глаза закрываются, и на мгновение я растворяюсь в его словах.

Я безумно хочу быть с ним, но что-то все еще меня останавливает. Мне казалось, что дело в его девушке. Но теперь, очевидно, это больше не проблема. Дело в моей маме. Я ей не сказала. И из-за этого чувствую себя ужасно. Мне не хотелось быть его маленьким грязным секретом, но я позволила Ксандеру стать им. Как я рада, что сижу к нему спиной, потому что сейчас отвращение к самой себе написано у меня на лице. Я передергиваю плечами, вынуждая его меня отпустить, и смотрю на настенные часы.

– Уже восемь часов? Нам лучше вернуться, Ксандер.

– Да, но сначала я свожу тебя в маленький мексиканский ресторанчик на Стрип. Там восхитительная еда.

Глава 30

– Значит, он отвез тебя на своем частном самолете в крутой колледж, где ты познакомилась с научной кафедрой и почувствовала вкус студенческой жизни. И после этого твоим ответным ходом будет... – Скай пытается вынудить меня подготовить что-нибудь незабываемое для Дня профессий, но как такое можно переплюнуть?

– Эм, он приедет завтра вечером... у мамы бизнес-собрание... – Даже не знаю, как закончить мысль, поэтому просто хватаю с полки маленькую шкатулку. Деревянная крышка инкрустирована фальшивыми драгоценностями – отличное объяснение тому, почему я называю этот магазин «Очевидный хлам».

Скай стоит спиной ко мне и расставляет старые книги на полке.

– Не понимаю. Что это за День профессий? Ты собираешься взять его с собой на собрание? Показать, как спорят владельцы малого бизнеса?

– Нет. – Я ставлю шкатулку на место. – Нет, на самом деле мне кажется, что мама не идет на собрание. Думаю, она собирается на встречу с каким-то парнем. Свидание за моей спиной.

Она резко поворачивается, уперев руки в бока.

– Подожди-подожди. Судя по твоим словам, вы с мамой обе тайно друг от друга с кем-то встречаетесь? – хохочет Скай.

– Нет! Я не встречаюсь Ксандером! – Пока что. Пока не наберусь смелости признаться во всем маме. И на это я дала себе одну неделю.

Она закатывает глаза.

– Вы самая влюбленная, но не встречающаяся парочка из всех, которые я когда-либо видела. Подожди минутку. – Она направляется в подсобку и кричит Линде, владельцу магазина: – Все книги расставлены по своим местам. Я тебе еще нужна?

– Нет. Хорошего вечера. Увидимся завтра.

Скай подхватывает меня под локоть и ведет через черный выход по переулку к магазину кукол.

– Где твоя мама? – спрашивает она, указывая на пустое парковочное место, где обычно стоит наша машина.

– Должно быть, ушла после закрытия.

– Ладно, без разницы. Вернемся ко Дню профессий. Я так и не поняла, чем ты будешь заниматься с Ксандером.

– Сама не знаю. Сначала я хотела пошпионить с ним за мамой, но теперь вижу, что это плохая идея. – Она смеется. – У меня уже созрела идея получше.

Мы поднимаемся по лестнице в квартиру.

– На прошлой неделе я болтала с Эдди. Так вот, он пообещал научить нас готовить свои знаменитые кексы.

Скай морщится.

– Зачем?

– Ксандер их обожает. Да он вообще любит поесть. Куда бы мы ни пошли, в конце концов все равно оказываемся в одном из множества его самых любимых ресторанов. И я подумала, что если он поговорит с Эдди, то, возможно, ему захочется открыть собственный ресторан.

– А-а-а, – выдыхает Скай. – Продуманный ход. И милый. – Когда мы заходим в квартиру, она сразу же направляется к холодильнику. – А ты делаешь вид, что он тебе не нравится.

Я улыбаюсь, пока она копается в холодильнике. На автоответчике мигает лампочка, и я нажимаю на кнопку.

– У вас одно новое сообщение. – Звучит механический голос, а затем женский: – Здравствуйте, мисс Майерс, это Тина из офиса доктора Сондерса. Мы просмотрели расписание и назначили УЗИ на пятнадцать. Пожалуйста, придите на полчаса раньше и пейте больше воды. Если у вас есть какие-то вопросы, не стесняйтесь звонить нам.

Позади меня хлопает дверца холодильника.

– Не знала, что твоя мама беременна, – говорит Скай.

– Что? Беременна?

– УЗИ. Его назначают всем беременным женщинам.

Мой мозг медленно переваривает только что сказанное.

– Нет, это не так.

– Эм, почему тогда она идет на УЗИ?

Должна быть другая причина.

– Не знаю.

– Ее тошнило? Она выглядела уставшей?

Я напрягаю память. В последнее время у нее отсутствовал аппетит. Возможно, у нее болел желудок. И, безусловно, она выглядела истощенной. Я киваю.

– Скорее всего, она беременна. – Скай кивком указывает на телефон. – Еще они попросили ее пить больше воды. Они всегда рекомендуют беременным женщинам пить больше воды, чтобы можно было хорошо рассмотреть матку и сделать соответствующие измерения.

Я качаю головой снова и снова.

– На самом деле, это забавно. У тебя будет маленький братик или сестричка.

– Забавно? Да, точно. Нет. Она не беременна. Это нелепо. У нее же даже нет... – Я хотела сказать «парня». Но вполне возможно, что он у нее есть. – Она не беременна. – Но если она не беременна, тогда что же с ней? Мной овладевает беспокойство. Она больна? Людям не назначают УЗИ просто так. Может быть, для взрослых это стандартная процедура?

Скай подходит ко мне и ободряюще поглаживает мои плечи. Должно быть, я полностью ушла в себя.

– Кайман, ничего страшного не произошло. Даже если она беременна, это не конец света.

– Она не беременна, – настаиваю я. – Она слишком старая!

Скай хохочет.

– Ей всего тридцать пять. – Ее телефон пиликает, она достает его и улыбается, читая сообщение. – Это Генри. Группа сейчас зависает в «Скрим Шаут». Пойдешь со мной?

Я сверлю взглядом теперь уже немигающий огонек на автоответчике, а потом оглядываюсь на дверь. Мне трудно дышать. Когда мама вернется домой? Я должна спросить ее об этом. Но скажет ли она правду? Последние недели она пичкала меня ложью.

Все хорошо. Моя мама в порядке. Это стандартная процедура.

– Да. Я сейчас спущусь. Дай мне минутку.

Она сомневается, но потом уходит. Я пишу записку, что переночую у Скай, и оставляю ее на стойке. Затем собираю несколько вещей и закрываю за собой дверь.

Мы заходим в практически пустой «Скрим Шаут». Скай спрашивает у бармена о группе, он указывает на дверь рядом со сценой, и мы направляемся к ней. Музыка из комнаты просачивается в зал, и мы следуем за ней. Ребята сидят на диванах в маленькой комнатке и, когда мы заходим, поднимают глаза.

– А вот и она, моя красивая девушка, – нежно напевая и аккомпанируя себе на гитаре, Генри приветствует Скай.

Она улыбается и втискивается между ним и подлокотником дивана.

Мэйсон подмигивает мне.

– Приветик, Кайман.

– Привет. – Я кидаю рюкзак к стене и устраиваюсь на полу. Мне хочется, чтобы земля разверзлась, и я исчезла с ее лица на некоторое время. Похоже, моя мечта сбывается, потому что ребята сосредотачиваются на тестах и музыке. Я позволяю себе раствориться в миксе ритма и аккордов.

Барабанщик Деррик что-то бессвязно поет о своем дне. Как он ехал в машине и слушал радио. Как пошел в магазин, купил молоко и так далее. Я уже его не слушаю, когда он спрашивает:

– А что рифмуется с «пожарным краном»?

Лицо Мэйсона принимает серьезный вид, и мне кажется, что он сейчас скажет: «Не будь идиотом. Зачем ты поешь о кране?». Но вместо этого он выдает:

– Не знаю, «проволочный тиран»?

– Проволочный тиран? – спрашивает Генри.

– Ну, знаешь, человек, который коллекционирует провода. Обычно эта мания прогрессирует. У меня вырывается смехок.

– А как насчет «тихий балаган»? – говорит Скай. – Попробуй, хорошо рифмуется.

– Наш тихий балаган о бесполезном пожарном кране, – поет Генри.

Мэйсон смеется.

– Наш тихий балаган о Генри – проволочном тиране.

– Как балаган может быть тихим? – говорю я. – Разве балаган не подразумевает под собой шум?

Генри берет аккорд, несколько секунд задумчиво смотрит в потолок, играя на гитаре еще пару тактов, и поет:

– Я так устал от этого постоянного балагана, когда мне нужен лишь второй шанс.

Мэйсон указывает на него пальцем.

– Да. Давайте назовем эту песню «Пожарный кран».

Они смеются, но Деррик начинает записывать в блокнот все строчки, которые они выкрикивают. Просто не верится, я только что стала свидетелем рождения песни, начавшееся со слов «пожарный кран». Странно наблюдать за тем, как из ничего рождается что-то. Мои мысли переключаются на то, как Ксандер пытается сотворить что-то из моей жизни. И как ему это удастся? Он взял такую нелепость, как пожарный кран в этой песне, и показал мне, что это может быть чем-то большим.

После такого тяжелого дня эта мысль делает меня счастливой, и я начинаю выкрикивать вместе со всеми строчки новой песни. Они сочинили уже довольно много, когда кто-то выкрикивает очередную глупость:

– И почему ты только не даешь мне съесть черепаховый суп?

Скай ахает от возмущения, но потом все опять начинают смеяться.

К десяти часам смех так и не прекращается. Мы лишь сильнее расшумелись и стали молоть всякую чепуху. Скай подползает ко мне.

– Мне лучше отвезти тебя домой, малышка, – говорит она. – Завтра в школу.

– Я ночую у тебя! – кричу я.

– Правда?

– Ага, раз я написала это в записке для мамы.

– Ура! Пижамная вечеринка!

– Мы просто обязаны закидать чей-нибудь дом туалетной бумагой, – говорю я.

– Ты права! Только чей дом?

– Не знаю, – отвечаю я, а потом поднимаю руку, как будто она учительница, а я ее прилежная ученица. – Ксандера!

Скай смеется.

– Ребят, кто с нами пойдет закидывать туалетной бумагой дом Ксандера?

Парни только поднимают головы и стонут.

– Обойдемся без вас. – Я встаю. – Пойдем.

Скай выбегает первой, но, как только я миную дверь, меня хватают за руку. Я поворачиваюсь и упираюсь в грудь Мэйсона. Мы стоим за дверью в тусклом коридоре.

Он целует меня в щеку.

– Ты ушла не попрощавшись.

Я отстраняюсь и смотрю ему в глаза.

– Я...

Он медленно моргает.

– Ты с Ксандером, так?

– Кажется, да.

– Ты уверена, что ему подходишь?

Мне понятно, что он имеет в виду, но, как только образ Ксандера мелькает у меня в голове, я киваю.

Он пожимает плечами.

– Ты знаешь, где меня найти. – И с этими словами он исчезает в комнате.

Глава 31

Мы со Скай держим в руках по два рулона туалетной бумаги и смотрим на забор перед домом Ксандера.

– Не слишком ли рано для туалетной бумаги? – спрашивает Скай. – Даже половины одиннадцатого нет. И в доме везде горит свет.

– Для этого никогда не рано. Вопрос в том, как мы проберемся во двор? – Я пытаюсь протиснуться между двумя кованными железными прутьями, но застреваю и начинаю смеяться.

– Ты когда-нибудь в жизни вела себя столь безответственно? – интересуется Скай.

– Не думаю.

– Мне нравится твоя легкомысленность. – Скай хватает меня за подмышки и пытается вытащить. Она звонко хохочет и наконец освобождает меня. Я наваливаюсь на нее, и мы обе шлепаемся на землю.

– Давай обмотаем туалетной бумагой только ворота.

– А Ксандер тоже сочтет это смешным? – спрашивает она.

Понятия не имею.

– Конечно.

Сейчас очень темно, но нам удастся обмотать ворота туалетной бумагой. Когда такое легкомысленное поведение доставляло мне столько веселья? Через некоторое время результат наших трудов становится виден гораздо лучше, и я понимаю, что кто-то освещает на забор. Мужчина с фонариком покашливает.

– Девушки. Наслаждаетесь?

– Да, очень, – отвечает Скай, и мы поворачиваемся к охраннику, который осуждающе смотрит на нас.

– Как мило. Коп-частный-охранник, – говорит Скай.

Он хмурится.

– Коп-частный-охранник, который знает номер полиции. Поболтаем с мистером Спенсом?

Эта новость должна стать ложкой дегтя в бочке меда, но нет. Может быть, потому что в темноте все кажется нереальным? Однако действительность настигает нас на крыльце под пристальным взглядом мистера Спенса. Тогда почему я все еще не могу перестать смеяться?

– Что мне с ними делать, сэр? – спрашивает коп-частный-охранник.

Мистер Спенс переводит взгляд на меня и наклоняет голову. Интересно, вспомнит ли он меня? С какой стати? Он видел меня лишь мельком несколько недель назад.

– Кайман? Верно? – Как только он произносит мое имя, шок вытесняет мою улыбку.

Кивок.

Ну конечно же он меня помнит. Я – символ неповиновения его сына и последняя девушка на земле, которую он бы одобрил. Вероятно, мое лицо и имя укоренились в его памяти.

– Розыгрыш для моего сына?

Снова кивок.

Он смеется.

– Буду честным. Никого из моих детей не обкидывали туалетной бумагой. Так ведь говорится? – Он поворачивается к копу-частному-охраннику. – Все хорошо, Брюс, – а потом снова обращается к нам, – почему бы вам не зайти?

Моя грудь сжимается в панике, когда я смотрю на рулоны туалетной бумаги все еще сжатые у меня в руках.

– Нет. Не стоит. Мы лучше пойдем. Если вы дадите нам мусорный мешок, мы даже наведем здесь порядок.

Он отмахивается.

– Не надо. Для этого у нас есть уборщики. И я настаиваю. Вы должны войти.

– Уже поздно. Мы...

– Кайман?

От голоса Ксандера меня бросает в жар. К щекам приливает кровь. Он подходит к двери в пижамных штанах и футболке. Даже его пижама выглядит дорого. Его взгляд падает на рулоны

туалетной бумаги в моих руках, а затем перемещается на рулоны Скай.

– Это была шутка, – вырывается у меня. – Мы не думали, что нас поймают. – Скай начинает хихикать, и я к ней присоединяюсь.

В его глазах появляются смешинки.

– Проходите. Тесс приготовила горячий шоколад. Думаю, он еще остался.

Не знаю, кто такая Тесс, но не спрашиваю. Я и так уже выставила себя полной дурой. На сегодня достаточно унижений.

– Нет, спасибо. Нам и в самом деле пора.

– Я настаиваю, – говорит он.

Из Скай вырывается смешок, и я уверена, причина тому то, что Ксандер почти дословно повторил слова отца. Она держит язык за зубами, чтобы я самостоятельно приняла решение. Я смотрю между Ксандером и его отцом, которые оба, выжидающе глядя на меня, стоят со скрещенными руками и одинаковыми выражениями лиц. Заметив очевидное сходство, я волевым усилием заставляю себя задумываться о своем сходстве с отцом. Внешне я похожа на маму, но характер мне достался не от нее.

– Ладно. Но только на минутку. Уже поздно. Мы правда не хотим мешать.

Кухня огромная. Мраморные столешницы сего-голубого оттенка. Массивный островок. Холодильник, больше которого мне не доводилось видеть. Он больше напоминает холодильную установку в продовольственном магазине.

Его папа следует за нами на кухню.

– Тесс вообще-то уже легла спать, но я уверен, детки, что вы и сами тут со всем разберетесь.

Стало быть, Тесс – это повар.

– Спокойной ночи. Александер, не задерживайся допоздна, – говорит он и уходит.

Ксандер подходит к плите, где стоит чайник, и поднимает его.

– Пустой.

– Не стоит.

– Нет, сейчас все сделаю. Думаю, какао-порошок где-то тут. – Он заглядывает в буфет. Видимо, мы не выберемся отсюда, пока не выпьем горячий шоколад, поэтому я подхожу к плите, беру чайник, наполняю его водой и... встаю в ступор перед множеством кнопок.

Скай приходит ко мне на помощь, и после хаотичного нажатия на кнопки нам удается зажечь огонь.

Ксандер еще в поисках горячего шоколада. Он напоминает гостя на своей собственной кухне: открывает подряд все дверцы, даже не представляя, что там лежит. Наконец с победным возгласом он вытаскивает контейнер из шкафа.

– Ты когда-нибудь заглядывал в эти шкафы? – интересуюсь я.

– Еще бы.

– Тогда давай сыграем в игру. Скай называет кухонную утварь. Первый, кто ее найдет, – выигрывает.

– Выигрывает что?

– Право на хвостовство.

– Это мой дом. Думаю, я выиграю.

– Докажи это, богатенький мальчик. Здесь нет Тесс, чтобы приготовить тебе бутылочку.

– Ты такая самоуверенная.

Улыбка расцветает на моем лице. Я знаю, по какой схеме буду действовать. Если тут работает повар, то все разложено практично и просто. Кухонный инвентарь у плиты, посуда около раковины. Мне это известно. Я киваю Скай.

Она улыбается.

– Ладно. Что ж, начнем с простого. Лопаточка.

Ксандер бежит к островку и начинает копаться в ящиках. Я подхожу к плите и открываю ящики рядом с ней. Моментально нахожу лопаточку и поворачиваюсь, поднимая ее в воздух.

– Первый раунд за Кайман, – говорит Скай, Ксандер резко поднимает на меня взгляд и рычит.

– Итак, второй предмет. Миска для хлопьев.

Я возмущенно фыркаю.

– Так нечестно. Ты же знаешь, что ему известно, где она. – И, конечно же, он знает. Она в шкафчике рядом с кладовкой.

– Дополнительное задание, – кричит Скай. – Найдите дуршлаг.

Выражение лица Ксандера вызывает у меня новый приступ смеха. Его взгляд так и вопит: «Я даже не знаю, что это за штука!». Я подбегаю к раковине. Он должен быть где-то под ней. Когда я уже почти у цели, пара рук хватается меня за талию и отталкивает в сторону. Затем Ксандер подлетает к шкафу и открывает дверцу. Я подбегаю вслед за ним, присаживаюсь рядом и пытаюсь его вытеснить.

– Мошенница, – упрекает он.

– Я?! Это ты мошенник. – Он не подвигается ни на миллиметр. Мне никак не удастся его оттолкнуть, а он продолжает поиски.

– Это такая чаша с дырочками, – подсказывает ему Скай.

– Моя собственная лучшая подруга играет против меня. – Я обнимаю Ксандера за талию и снова пытаюсь его оттолкнуть. Чайник закипает, и Скай снимает его с плиты.

– Есть! – Ксандер встает и поднимает дуршлаг над головой. Я подпрыгиваю, стараясь выхватить его, но Ксандер держит его слишком высоко. А когда я висну у него на руке, пытаюсь ее опустить, он обнимает меня за плечи свободной рукой и крепко прижимает к груди.

– И победителем становится Ксандер!

– Мошенники! Вы оба!!!

Он откашливается.

– Мне бы хотелось посвятить эту победу моим великолепным знаниям утвари и обустройства кухни, которые я использовал не раз. Если бы не... – Он останавливается на полуслове, а затем говорит: – О, привет, мам.

Я моментально опускаю руки и пытаюсь вырваться из хватки Ксандера. Он кладет дуршлаг на столешницу и обнимает меня двумя руками.

– Мам, это Кайман Майерс и ее подруга Скай.

Мое тело все еще прижато к Ксандеру, поэтому я поворачиваю к ней только голову. Мне боязно увидеть выражение ее лица. Возможно, именно сейчас я встречу настоящее сопротивление нашим отношениям. И эта мысль вызывает у меня страх. Но на ее слишком-молодом-чтобы-быть-мамой-Ксандера лице написана радость. Она голубоглазая блондинка. Теперь понятно, в кого пошел Лукас. Ксандер ничего не унаследовал от мамы. Но, когда на ее лице расцветает улыбка – возможно, потому, что я начинаю сражаться с Ксандером, – я понимаю, что он получил от нее самое прекрасное.

– Рада познакомиться, девочки. Кайман, я так много о тебе слышала.

– Здравствуйте, миссис Спенс. Ваш сын не отпускает меня, потому что он мошенник, но я тоже рада с вами познакомиться.

Ксандер отпускает меня, и я отхожу на несколько шагов, стараясь держать эмоции под контролем.

Миссис Спенс берет рулон туалетной бумаги и морщит нос.

– Спроси об этом Кайман, – говорит Ксандер.

Замечательно, теперь я должна рассказать его маме о нашем акте вандализма?

– Ваш сын попросил меня срочно привести ему туалетную бумагу, и я сразу же приехала.

Она выглядит смущенной, поэтому Ксандер комментирует:

– Она шутит, мам.

– Ах да. Сарказм, о котором ты мне рассказывал.

Боже! И как много он обо мне говорит?

– Что ж, я так рада, что ты заставляешь моего мальчика улыбаться. – Она сжимает мою руку, а потом поглаживает Ксандера по щеке. – Я пойду спать. Чувствуй себя как дома, Кайман.

– Спокойной ночи, мам.

После того, как его мама уходит, Ксандер берет три чашки, добавляет туда по несколько ложек какао-порошка и заливает кипятком.

– Не уверен, что он сравнится со вкусом горячего шоколада Эдди. Однако, надеюсь, он не так уж и плох.

– Здесь есть ванная? – спрашивает Скай. – Или их тут с десяток?

Он улыбается.

– Ближайшая за аркой. Первая дверь справа.

– Спасибо.

Она удаляется, оставляя нас с Ксандером наедине. Мы стоим бок о бок у столешницы.

Он тянется за ложкой, и наши бедра соприкасаются. Когда мы хватаем одну и ту же кружку, наши руки сталкиваются. Мы оба отдергиваем руки.

– Бери, – говорим мы одновременно, а затем смеемся. Он отпивает горячий шоколад и протягивает кружку мне.

И теперь каждая часть наших тел соприкасается: плечи, локти, бедра – все, вплоть до ступней.

Я чувствую его мельчайшее движение.

– Ты меня убиваешь, – выдыхает он.

– Прости. – Я отстраняюсь, но он хватается за локоть и разворачивает к себе лицом. Теперь мы стоим вплотную друг к другу. У меня перехватывает дыхание, его тепло обволакивает меня. Он прижимает меня к столешнице. Его ладонь скользит мне на поясницу, и кажется, будто она насквозь прожигает мою кофту.

Я стараюсь сосредоточиться на воротнике его футболки.

– Кайман?

– Да?

– Ты выглядишь напуганной. Ты меня боишься?

– Больше, чем чего-либо.

– Почему?

– Потому что я не прихватила с собой мятных конфеток.

– А теперь правду...

– Потому что я боюсь, что игра закончится, когда ты меня поймашь – Не могу поверить, что озвучила то, в чем даже самой себе не признавалась. Но он вытащил это из меня. Как всегда.

Он проводит пальцем по моей скуле. Мое сердце бешено бьется о грудную клетку, а нервное напряжение от его прикосновения разливается по всему телу.

– Не знал, что мы играем, – говорит он.

Я улыбаюсь. Именно это – слово в слово – он сказал во время нашей второй встречи. Я встречаюсь с ним взглядом, и – как будто он только этого и ждал – его губы накрывают мои, и в этот момент я ощущаю покалывание. Он нежно целует меня, его губы такие же теплые, как и ладони.

Как раз тогда, когда я набираюсь храбрости ответить на поцелуй, слышу, как Скай прочищает горло и говорит:

– Я просто собираюсь взять свой шоколад и уехать. Верну чашку в другой раз.

Я отстраняюсь и пытаюсь оттолкнуть Ксандера, не желая казаться грубиянкой, но он не отходит ни на шаг. Скай одаривает меня *одобряющей* улыбкой, и я понимаю, что она совсем не в обиду.

– Я отвезу ее домой, – говорит Ксандер, не отрывая от меня пламенного взгляда. Мы оба слушаем, как Скай покидает кухню, а затем он берет меня за талию и сажает на столешницу. Я обхватываю его ногами и руками и прижимаюсь к его губам. На этот раз все гораздо ярче. Мое желание очевидно.

Он отвечает на поцелуй, его язык находит мой, а руки обнимают меня так крепко, как только возможно. Он великолепен на вкус. Как пряный шоколад. Я позволяю рукам исследовать его спину через ткань футболки, провожу пальцами по контуру его позвоночника. Целая палитра эмоций наполняет меня, и я удивляюсь, когда печаль выходит на первый план. Та эмоция, которую я успешно игнорирую весь вечер.

Мне хочется заплакать, поэтому в надежде сдержать слезы я прячу лицо в изгибе его шеи. Он замирает. А потом пытается отстраниться, чтобы взглянуть мне в лицо, но я крепко к нему прижимаюсь. Он гладит меня по спине.

– Кайман? Что такое? Прости. Это было слишком быстро? – Он берет меня за талию и снимает со столешницы.

– Нет, дело не в этом.

– Мне так жаль.

– Нет, ты ничего не сделал. Не слишком удачный момент, чтобы меня отпускать. – Сомневаюсь, что он понял хоть слово, так как эмоции сделали мою речь неразборчивой.

– Поговори со мной. Что случилось?

– Можешь просто обнять меня на минуточку? – Прежде чем все объяснять, мне нужно взять себя в руки.

Должно быть, Ксандер понимает, что его руки опущены. Глубоко вздыхая, он снова меня обнимает. Между нами сейчас нет и миллиметра свободного пространства. Его присутствие – единственное, что удерживает меня на поверхности, пока все сегодняшние события не захлестывают меня.

Что, если мама беременна? Этот ребенок нас погубит. Мы его не потянем. И кто такой Мэттью? Сбежит ли он, когда узнает об отцовстве? Каким образом мама умудрилась дважды наступить на одни и те же грабли? Даже если где-то на горизонте и мелькал шанс уехать из магазина кукол и начать собственную жизнь, то сейчас он испарился как утренний туман.

Одинокая слезинка стекает по щеке, и я быстро ее смахиваю.

– Ты меня пугаешь, Кайман. Что случилось?

– Моя мама.

– Она в порядке? – Его голос звучит взволнованно.

– Похоже, она беременна.

Глава 32

Ксандер бормочет ругательства себе под нос.

– Черт, Кайман. Мне жаль. – Это все, что он говорит.

Его пальцы вырисовывают узор на моей спине: поперек, вниз, потом назад и вверх. Он повторяет его снова и снова.

– Когда ты узнала?

– Сегодня, – вздыхаю я. – Или, может быть, она не беременна. Надеюсь, что это так. Но если она не в положении, то у нее серьезные проблемы со здоровьем, а я ужасная дочь, раз хоть на секунду допустила мысль, что было бы лучше, если бы мама была больна, а не беременна.

Ксандер отстраняет меня, и на этот раз я поддаюсь. Когда мы встречаемся взглядами, он спрашивает:

– Чем я могу помочь?

– Преврати это все в сон. Чтобы я проснулась завтра, а ничего этого не было.

Он прикусывает нижнюю губу.

– У меня такое впечатление, что я тобой воспользовался. Прости. Если бы я знал, то не...

– Прекрати, – прерываю его я. – Не говори так. Мне хотелось поцеловать тебя вот уже несколько недель. Еще до того, как я узнала о маме. Тогда, когда ты стал провожать меня в школу.

Он переводит взгляд на мои губы, а потом снова на глаза.

– Тебе хотелось меня поцеловать?

– Хочется – вот правильное слово. Мне *хочется* тебя поцеловать. – Я наклоняюсь к его губам и легонько касаюсь своими.

Он немного отклоняется.

– Теперь я точно почувствую себя ничтожеством, если мы поцелуемся. Пойдем. Давай лучше поговорим. – Он берет меня за руку и ведет через холл в комнату с домашним кинотеатром. Мягкие кресла установлены на разных уровнях перед большим белым экраном.

– Ничего себе, – говорю я, оглядываясь по сторонам. – Вот где нам нужно посмотреть «Сияние».

На его губах появляется легкая улыбка. Он подходит к стойке с дисками и достает коробку с изображением Джека Николсона, который просовывает свое жуткое лицо через щель в двери.

– Ты его купил?

– Да. Ты же сказала, что мы вместе посмотрим этот фильм, поэтому я его и купил.

Я плюхаюсь в кресло.

– Ну что ж, тогда включай.

Он качает головой.

– Не сегодня. Сегодня мы будем разговаривать. – Он убирает фильм и устраивается в кресле рядом со мной.

– Чем ты занимался перед моим появлением?

– Хорошо, я перефразирую. Сегодня мы разговаривать *о тебе*.

– Давай сначала поговорим на посторонние темы? Я не очень хороша в откровенных разговорах.

Он кивает.

– Ладно. Чем я занимался до того, как ты появилась? Дай подумать, я работал над проектом по истории.

– Ты учишься в академии Далтон или в Оушенсайд? – Это две частные школы. Уверена, он ходит в одну из них.

– Далтон.

– Далтон... это фамилия твоей бабушки. – Прежде, чем я заканчиваю предложение, уже ощущаю себя глупышкой. – Фух. Это не простое совпадение.

Он смеется.

– Кстати, спасибо.

– За что?

– За напоминание о том, как общаются с обычными людьми. Прошло много времени с тех

пор, как я разговаривал с кем-то, кто не знал бы, кем я являюсь.

Я наклоняю голову.

– Подожди, а кто ты? – С ухмылкой он дергает меня за локон. – У тебя очень милые родители.

– Когда добиваются своей цели.

– Поэтому ты работаешь над сайтом для отца?

Он тяжело вздыхает.

– В этом-то и проблема. Работаю. Знаю, знаю. Я не должен.

Я поднимаю руки в примирительном жесте.

– Я ничего не говорила.

– Так вот, у меня было столько идей насчет того, как сделать сайт интересным и свежим, а отец сразу их отверг и сказал: «Нет, просто и классически».

– Но для ваших клиентов это же лучше.

– В смысле?

– Ну, не подростки же будут заказывать номера у вас в отеле, а бизнесмены и состоятельные люди. С ними сработает «просто и классически».

Он на несколько секунд прикрывает глаза, а затем говорит:

– Ты права. Почему он мне это не сказал?

– Может, он пытался? Ты никогда не прислушиваешься к отцу.

– Потому что он пытается втиснуть меня в свой идеальный образ жизни, и я от этого задыхаюсь. Я не он.

– Забавно, ты изо всех сил пытаешься не походить на своего отца, а я мечтаю узнать, похожа ли я на своего хоть капельку.

– Прости. Мне не следовало это говорить.

Я прикасаюсь к его плечу.

– Нет-нет, я тебя поняла. Ты не хочешь быть копией отца. Особенно когда внешне вы так похожи друг на друга. Но ты не он. Ты всегда будешь другим. – *Ты всегда будешь удивительным.* Почему мне до сих пор так тяжело произнести это предложение вслух?

Он берет меня за руку и пальцем вырисовывает узоры на ладонке.

– Твой отец тобой бы гордился. Тем, кто ты есть.

От его слов у меня перехватывает дыхание, а глаза накрывает пелена слез. Я сдерживаю рыдания, но слишком сильно поражаюсь своей реакцией. Тем, насколько сильно я нуждалась в этих словах.

– Он живет в Нью-Йорке. Какой-то крутой адвокат.

– Ты его искала?

– Пришлось. В один прекрасный день мне может потребоваться почка. – Он смеется. – В двенадцать лет я прочла историю о парне, который много лет не видел своего отца. Но когда он заболел раком, то его отец стал донором и спас ему жизнь.

Ксандер сверлит меня взглядом так долго, что я начинаю чувствовать себя некомфортно.

– Знаешь, тебе не нужно быть на смертном одре, чтобы встретиться с отцом.

Я тру свое предплечье.

– Он ушел от мамы.

Ксандер медленно кивает.

– Тебе кажется, что, желая встретиться с ним, ты предаешь маму?

Я задираю голову, но еще одна слезинка скатывается по щеке.

– Он ее бросил.

– Ее отношения с ним не должны определять твои.

– Он бросил и меня тоже.

– Мне очень жаль. – Он пробегается костяшками пальцев по моей щеке. – Что насчет твоей мамы? Почему ее возможная беременность так тебя ужасает?

– Думаешь, я слишком остро реагирую?

– Я не это имел в виду. Я тоже был бы расстроен, если бы забеременела моя мама, но мне не хочется проецировать свою реакцию на твою. Так что лучше поделись тем, что творится в твоей голове.

– Я злюсь, обижаюсь и стыжусь. Все смешалось в один огромный ком. Поверить не могу, что все повторяется. – Я подтягиваю к себе колени и поворачиваюсь лицом к нему. – Я чувствую себя

виноватой и эгоистичной из-за того, что мечтаю, чтобы ребенка не было, но не хочу изменений.

– Ты будешь работать над своими чувствами. И растаешь, когда впервые возьмешь ребенка на руки.

– Нет, не растаю. Я не люблю детей, а дети не любят меня. Мы пришли к взаимопониманию уже очень давно.

Он улыбается.

– В любом случае, у тебя есть много времени, чтобы привыкнуть к этой мысли.

– Если это правда. – Я вздыхаю и закрываю глаза.

Его большой палец вырисовывает маленькие круги на моей ладошке.

– Так приятно видеть тебя здесь. В своем доме. Тебе следует приходить сюда каждый день.

Я смеюсь.

– Я хороша в маленьких дозах. Кстати говоря, мне уже пора. Завтра нам обоим в школу.

– Даже не думай. Тебе нужно остаться еще как минимум на час. – Он перетягивает меня на свое кресло. – Спасибо, что поделилась. Я знаю, как для тебя это было тяжело.

Я прислоняюсь своим лбом к его.

– Спасибо, что выслушал.

– Завтра вечером все в силе?

Завтра вечером? Ох! День профессий. Предположительно, моя мама пойдет на бизнес-собрание. Теперь я точно это не пропущу.

– Все в силе.

– А что сейчас? – спрашивает он, крепко обнимая меня за талию.

Кажется, мое сердце живет отдельной жизнью.

– А что сейчас?

– Чем мы займемся в ближайший час?

Я притворяюсь задумавшейся.

– Поработаем над твоим сайтом?

– Ха-ха.

Я придаю своему лицу серьезное выражение, что дается нелегко, так как улыбка не собирается сходить.

– Нет, правда, ты должен его закончить.

Ксандер наклоняет голову, внимательно изучая мое лицо.

– Ты сейчас серьезно?

– Нет, – отвечаю я и склоняюсь к его губам.

Глава 33

• • • • •

Я открываю дверь магазина, придерживая колокольчик, чтобы не звенел, и тяну Ксандера внутрь.

– Что за?..

– Тсс. – Прислушиваясь на протяжении нескольких мгновений, я уверяюсь, что мама не вернулась через черный вход. Она только что ушла... слишком поздно. Я сказала Ксандеру подойти к половине седьмого – через полчаса после ее запланированного ухода, – но время все шло, а она не уходила, и я поняла, что они могут встретиться. Правда, как оказалось, так даже лучше, теперь мы сможем за ней проследить, иначе мне пришлось бы думать о том, как ее найти.

Когда я наконец-то вздыхаю и поднимаю взгляд на Ксандера, то вижу, как в темноте он внимательно смотрит на меня. Моя рука покоится на его груди и прижимает к стене магазина. Дыхание сбивается вновь.

Его запах не должен быть таким уже знакомым для меня. Прикрывая глаза, я растворяюсь в нем. И тогда я ощущаю прикосновение его губ к моим. Мне хочется забыться в этом поцелуе, но, к сожалению, у нас нет времени.

– Пошли. – Я хватаю его за край футболки, веду к задней двери и со щелчком открываю ее. «У Луиджи» располагается через несколько домов от нас, и я вижу маму, заворачивающую за угол в конце аллеи.

– Кайман, – произносит Ксандер у меня за спиной. – Может, расскажешь, что происходит?

– Немного детективной работы. Частные сыщики или вроде того. – Я залезаю в задний карман и достаю несколько фотографий Мэттью, снятых на камеру Ксандера. Я их распечатала. Качество ужасное – наш принтер просто древний, – но это изображение достаточно четкое.

– И на кого я смотрю?

Я выхожу на улицу, и он следует за мной.

– Мне нужно узнать все об этом человеке.

– Ладно... что нам уже известно?

– Ничего.

Он прочищает горло.

– У мисс Научный Обозреватель нет информации?

– У меня есть предчувствие. – Если мама беременна, мне нужно узнать все, что удастся, о потенциальном отце.

– Сейчас теории доказываются предчувствиями?

– Заткнись.

Он смеется и берет меня за руку. Это удивляет меня, и я, должно быть, подпрыгиваю от неожиданности, так как он со смешком сжимает ее крепче. Странно держаться с ним за руки. Я вспоминаю его фото с Сэиди в журнале, где они держатся за руки, и гадаю, поджидает ли нас во тьме папарацци.

Словно читая мои мысли, Ксандер произносит:

– Мы переехали сюда, чтобы скрыться от папарацци. Лос-Анджелес ужасен. У нас не было даже подобия личной жизни.

Я киваю, не зная, что на это ответить.

– Но учитывая, что это не самый процветающий мегаполис в Калифорнии и насколько широко распространен наш бизнес, мы много путешествуем. Отец таскает меня на разные деловые встречи. Например, завтра мне нужно уехать во Флориду до пятницы, а в субботу будет благотворительный вечер.

Он же не спрашивает у меня разрешения... правда? Он просто ставит перед фактом, потому что... почему? Мы теперь вместе?

– Что ж, тогда мне следует спросить, когда я увижу тебя вновь?

– О, на следующей неделе?

– Ты впишешь меня в свой жесткий график?

– Не знаю. Все может быть уже распланировано. У меня суперзанятая жизнь, так что мне нужно проверить.

Когда мы поворачиваем за угол, я вижу красно-белый навес итальянского ресторана «У Луиджи»... и маму, закрывающую за собой дверь. Хм. Совсем не то, что я ожидала. Она должна была встретиться с высоким, темным и жутким мужчиной.

– И что теперь? – спрашивает Ксандер.

– Мы подождем. – Я направляюсь к небольшой лужайке на углу дома, с которой открывается прекрасный обзор на вход «У Луиджи», но не очень хорошо видны окна, и присаживаюсь на землю.

– Беспокоишься о своих джинсах? – спрашиваю я, когда Ксандер начинает сомневаться. – Тут сухо.

– Нет... просто... мы шпионим за твоей мамой? – Он усаживается рядом со мной.

– Да, – признаюсь я, вздрагивая.

– Кайман, я знаю, ты расстроена, но разве это правильный способ все выяснить?

Я указываю на фотографию, которую он все еще держит.

– Мне нужно узнать о нем.

Ксандер снова разглядывает фотографии.

– Это он? Отец... – Он даже не может закончить предложение. Как будто ему так же стыдно, как и мне. Интересно, знаком ли он еще с кем-то незаконнорожденным?

– Да. – Я откидываюсь назад, опираясь на ладони.

Он кивает, а потом осматривается.

– И как долго мы будем ждать?

Я смотрю в сторону «У Луиджи».

– Не знаю. – Может быть, она собирается встретиться с Мэттью после собрания. Я забираю фотографии из рук Ксандера и еще раз их просматриваю.

– Значит, ты думаешь, что из меня вышел бы отличный детектив?

– Что?

– Сегодня. *День Профессий*. – Как ему удастся расставлять акценты так, что все его слова кажутся весомее. – Так ты сказала, правильно? Ты должна была найти для меня подходящую область для изучения. Думаешь, мне подойдет работа детектива?

– Да, конечно.

– Так как я хорош в наблюдениях, поисках улик и интерпретации знаков? – Ксандер проводит рукой по земле, срывая несколько травинок. Он выглядит таким расстроенным.

Моя сигнальная лампочка гаснет, говоря отступить, исправить это, сказать: «Нет, это только о нас с мамой, и мне нужна твоя помощь». Я открываю рот, но уже слишком поздно.

Он встает, отряхивает руки и протягивает одну мне.

– Я провожу тебя до дома.

– Я остаюсь.

– Ладно. – Он начинает уходить.

– Мне очень жаль, – говорю я ему вслед. Он останавливается. – Я была такой эгоисткой. Ты сделал для меня столько всего замечательного, а я для тебя ничего. Я взяла тебя копать могилы. Ты свозил меня в университет Невады.

Он поворачивается ко мне лицом.

Я указываю вверх по улице.

– Я собиралась сводить тебя к Эдди. Он бы научил нас готовить свои знаменитые кексы и рассказал бы о том, как начинал свой бизнес. Я подумала, тебе понравится, потому что ты любишь еду... и я вижу тебя владельцем собственного ресторана. А потом произошло это, и...

Он сокращает дистанцию между нами, обхватывает мое лицо руками и целует.

В первую секунду я не могу дышать, а затем мне хочется дышать лишь им. Круглосуточно упиваться Ксандером Спенсом. Мне всегда будет мало. Не знаю, как я раньше без него существовала, ведь сейчас его энергия придает мне силы.

Он немного отстраняется, и я хватаю ртом воздух. Откидываюсь на траву, так как мои кости больше не могут меня держать. Он ложится рядом со мной, опираясь на локоть.

– Я купила платье, – говорю я в состоянии блаженства.

– Хм... как здорово.

– Если хочешь, я могу пойти с тобой на благотворительный вечер в субботу.

– Если? – Он качает головой. – Я буду счастлив, если ты пойдешь. Мне казалось, что ты категорически против. Да. Пойдем. – Ксандер целует меня снова, и я смеюсь ему в губы. Запускаю пальцы в его волосы на затылке. Он прижимает меня к себе, и я вновь хохочу.

Я не уловила ни шагов, ни звона ключей. Зато теперь слышу, как кто-то откашливается. Я слишком быстро вскакиваю, кровь приливает к голове и перед глазами все плывет. Но расплывчатое или нет, я все равно вижу разгневанное лицо моей мамы, которая смотрит на нас сверху вниз.

Глава 34

• • • • •

По неизвестной мне причине я хихикаю. Вероятно, из-за того, что все еще не в силах контролировать счастливый стук своего сердца. А может быть, потому, что все еще зла на маму за все секреты, хранимые ею, и теперь ее ярость приносит мне удовлетворение. Или, может быть, потому, что совершенно не знаю, что сказать. В любом случае, в ночи смех кажется веселым.

– Привет.

Она внимательно изучает Ксандера, начиная с его новой стрижки и заканчивая дорогими ботинками. Затем ее презрительный взгляд возвращается ко мне.

– Увидимся дома. – И с этими словами она уходит.

Я сжимаю губы, чтобы сдержать смех. Когда она скрывается за углом, я откидываюсь на траву и тяну Ксандера за собой. Я целую его, но он начинает сопротивляться.

– Кайман, подожди.

– Что?

– Она о нас не знает?

– Ты это знал.

– Нет, не знал. Я думал, что после того, как представился ей, ты ей о нас расскажешь.

Я чувствую себя ужасно. Именно это мне и нужно было сделать. Я собиралась заставить себя рассказать ей, до того как услышала запись на автоответчике.

– С чего ты это взял? Я же притворялась, что тебя не знаю.

– Я думал, ты валяла дурака. Думал...

Сегодня у меня не очень хорошо получается сделать так, чтобы Ксандер почувствовал себя особенным. Я провожу пальцами вниз, до его запястья, и соединяю наши ладони.

– Прости. У моей мамы трагичная история, которая оставила свой след. Я собиралась рассказать, но потом произошло это. Я расскажу ей.

– Думаю, ты только что это сделала.

Я снова смеюсь.

Один уголок его губ приподнимается в легкой улыбке.

– Что ж, у Эдди еще открыто? Пойдем поедим.

• • • • •

Прислонившись к своей машине, Ксандер съедает последний кусочек кекса.

– Не знал, что у тебя такие хорошие отношения с Эдди. Он открыл нам после закрытия, и все благодаря твоему секретному стуку. Могла бы и раньше рассказать.

– Я не делюсь теми крохотными преимуществами, которые у меня имеются. – Бросив обертку в один из мусорных баков, которые находятся у нас на улице, я поворачиваюсь обратно к Ксандеру и вскрикиваю от удивления, потому что он сразу же притягивает меня к себе.

Он прячет лицо в изгибе моей шеи.

– Мне пора. Мама терпеливо ждет, чтобы на меня накричать. Лучше с этим покончить.

– Она смирится с этим? С нами? – Его голос звучит приглушенно.

Я перебираю его волосы пальцами и улыбаюсь.

– Она смирится, как только узнает тебя получше. Кому же не понравится Ксандер Спенс?

– Это правда. – Он дарит мне еще один поцелуй, а потом высвобождает из объятий.

Я начинаю уходить, но оборачиваюсь. Прислонившись к машине, он наблюдает за мной с милой улыбкой на лице. Я спотыкаюсь, но ловлю равновесие и смеюсь.

– Удачи во Флориде.

• • • • •

В магазине темно, но ступеньки освещены светом со второго этажа. Я делаю глубокий вздох и медленно поднимаюсь по лестнице, совсем неготовая встретиться с гневом, увиденным в маминых

глазах. Я слишком счастлива. Мне не хочется, чтобы мама разрушала мою эйфорию от поцелуев. Возможно, она уже спит. Может быть, она уже успокоилась. Я смеюсь сама над собой – этого никогда не будет.

Дверь скрипит, когда я ее открываю. Я ощущаю напряжение, висящее в воздухе и готовое взорваться. Мама неподвижно сидит за барной стойкой. В комнате тускло, только подсветка освещает столешницу. Я включаю свет.

– Как долго? – Это первое, что она произносит.

– Несколько месяцев.

– Это тот парень, с которым ты проводила время?

– Да.

– А как насчет Мэйсона? Я думала, вы с ним...

В знак опровержения я отрицательно киваю головой.

– Мы только друзья.

Она встает лицом ко мне.

– Где ты с ним познакомилась?

Я понимаю, она имеет в виду не Мэйсона, а Ксандера.

– Здесь.

– Вы познакомились здесь. – Она указывает на пол.

– Нет, на самом деле это было там, – говорю я, указывая на дверь. Вероятно, сейчас не самое лучшее время для шуток – ее лицо напрягается.

– Ты знаешь, что Далтоны... – Она будто не может произнести это вслух.

– Неприлично богатые? Да, знаю.

– Кайман... – Она тяжело выдыхает.

– В чем проблема? Мы нравимся друг другу.

– Люди вроде него не встречаются долго с такими, как мы.

Я вздыхаю.

– Мам, сейчас не восемнадцатый век.

Она посмеивается с иронией.

– Чем ты богаче, тем медленнее течет время.

Я изображаю удивление.

– То есть ему всегда будет семнадцать?

– Кайман, это не шутка. – Она проводит рукой по лицу. – Что подумает миссис Далтон?

Я смотрю на ее руку, теперь уже сжатую в кулак, и моя эйфория сходит на нет.

– При чем тут миссис Далтон?

– Ты познакомилась с ее внуком в магазине. Она подумает, что мы крайне непрофессиональны.

– Мне кажется, я нравлюсь миссис Далтон.

– Ты нравишься ей как девушка-продавец, а не как девушка ее внука.

Я моргаю, мне нечего сказать. С таким же успехом мама могла сказать: «Семья Ксандера считает, что ты для них слишком плоха, и знаешь что? Это правда».

– Ты прекрасно знала, что я не приму его, и поэтому врала о том, кто он для тебя.

Поверить не могу, моя мама, хранящая столько секретов, имеет наглость так говорить.

– Мам, это просто смешно. Нам хорошо вместе. Почему бы тебе просто за нас не порадоваться?

– Ты и нужна ему только для этого. Для забавы. Разве ты не видишь? Ты для него всего лишь игрушка, Кайман. Легкая интрижка, пока он не готов строить действительно серьезные отношения.

– Подожди, то есть я произвожу впечатление девушки, ожидающей предложения пойти с ним под венец? Я собиралась подождать еще как минимум недели три, прежде чем спросить его об этом.

Она игнорирует мой сарказм.

– Он просто развлекается. Это захватывающе – встречаться с девушкой, живущей над магазином кукол. Приключение. Но он не относится к этому серьезно. Он разобьет тебе сердце.

– Вау, неудивительно, что мой отец никогда не приезжал со мной повидаться.

– Твой отец знать тебя никогда не хотел! Вот причина, Кайман. Разве ты не знаешь? Он бросил нас.

Я тяжело дышу, моя грудь вздымается и опадает, однако такое ощущение, будто кислород

совсем не попадает в легкие.

– Превосходно. Думаешь, мне стоит ему написать? Или показаться в его офисе с криком: «Папочка»? Как Уилл Феррелл в фильме «Эльф»?

– Кайман, шутки ничего не исправят.

Такое ощущение, будто кто-то сжимает мое сердце в кулаке.

– «Эльф» – это не шутка. Этот классика.

Мама тяжело вздыхает.

– Если захочешь поговорить о своих чувствах, я рядом. Я не могу запретить тебе встречаться с Ксандером, но если ты доверяешь моим суждениям и мнению, то прекратишь с ним общаться.

Ей плевать на мои чувства. Она просто хочет, чтобы я перестала встречаться с Ксандером.

– Я услышала твоё мнение. – Я покидаю комнату в надежде, что снова смогу дышать.

Глава 35

В субботу я жду Ксандера на выходе из магазина. Всю неделю мы с мамой игнорировали друг друга. Я пресекаю любую возможность нашего общения, потому что мне не хочется, чтобы она воспользовалась этим как предлогом для обливания грязью Ксандера. Я неловко переминаюсь с ноги на ногу в туфлях на высоких каблуках (которые принадлежат Скай). Я практически не ношу такую обувь, но существует парочка жертв, которые я готова принести ради Ксандера. И, видимо, высокие каблуки... как и взаимоотношения с мамой, можно внести в этот растущий список.

Он подъезжает на блестящей черной спортивной машине, и я прикусываю губу. Я же шутила насчет того, что в его распоряжении больше одной машины. Почему он так хорошо подтверждает одни стереотипы и разрушает другие? Складывается впечатление, будто Ксандер норовит доказать правоту мамы, так что ей действительно придется постараться, чтобы понять, что она неправа. Вот только она не собирается прилагать усилий.

Ксандер выходит из машины, и мое сердце доказывает, что он по-прежнему очень сильно мне нравится. В костюме он просто великолепен. Сегодня его волосы зачесаны назад, и таким образом он выглядит взрослее своих лет. А Флорида оставила легкий загар на его коже.

– Я скучал, – говорит он.

– Я тоже.

– Прекрасно выглядишь.

Платье идеально подчеркивает изгибы моей фигуры, но, несмотря на это, я все равно чувствую себя неловко. И тот факт, что я прикупила его в секонд-хенде, совсем не помогает. Все платья на этой вечеринке будут в тысячу раз изысканнее и дороже.

– Чувствую себя мошенницей.

– Почему? Разве ты не была на вечеринках вычурнее этой?

– Конечно, тысячу раз, – отвечаю я, игриво шлепая его по руке.

– Что ж, ты счастливица. Моя мама заставляет меня приходить.

– И правильно делает. Было бы преступлением лишить возможности окружающий мир лицедреть тебя в смокинге.

Он одергивает пиджак.

– Тебе нравится?

– Да, очень.

Он обнимает меня одной рукой за талию и притягивает к себе. Меня накрывает волной из множества запахов, начиная с аромата зубной пасты и заканчивая лосьоном после бритья. Я спотыкаюсь на своих каблуках, но хватаюсь за него и восстанавливаю равновесие. Прижимаюсь к нему и всего лишь на мгновение обеспокаиваюсь о том, что мама наблюдает за нами через витрину, но его запах и руки напоминают, за что я борюсь. За это. За него. Мне хорошо, когда он меня обнимает. Все, что говорила о нас мама, исчезает в его объятьях.

Он целует меня в щеку.

– Ты хорошо пахнешь.

– Ты тоже.

Он бросает взгляд через плечо на магазин.

– Мы зайдем внутрь?

– Нет... нет. – Я плотнее прижимаюсь к нему. Мне бы очень хотелось зайти с ним в магазин. Я бы хотела, чтобы мама узнала его получше и приняла, как Мэйсона.

– Хорошо. – Он ведет меня к машине и открывает пассажирскую дверцу, помогая мне сесть.

Затем тоже садится внутрь, заводит двигатель и внимательно на меня смотрит.

– Что-то случилось, малышка? – Он берет мою руку и кладет ее на свое колено.

– То есть теперь мы используем ласковые прозвища? Малышка?

Он выезжает на дорогу и начинает набирать скорость.

– Тебе не нравится?

– Да ничего так. Хотя и ассоциируется со свиньей.

– Предложишь что-нибудь другое?

– Я всегда была равнодушна к милой. Я ведь совсем не такая, так что посмеюсь от души.

– Как насчет куколки?

– Ха! Только если ты хочешь вывести меня из себя.

– Ладно, как тебе съезжатель с тем? Это очень тебе подходит. – Он сжимает мою руку. – Хорошая попытка, и все-таки что случилось... куколка?

Я вздыхаю.

– С мамой повздорили.

– Из-за меня?

– Как самонадеянно. Думаешь, ты центр Вселенной?

– Тогда из-за чего?

– Из-за тебя.

Он улыбается. Люблю его улыбку. Не хочу сейчас говорить о маме. Хочу говорить о его улыбке или поцелуях. Я могла бы говорить о поцелуях.

– Почему я не нравлюсь твоей маме?

– Потому что ты богат. Если бы ты мог как-то это изменить, то сильно облегчил бы мне жизнь.

– Буду над этим работать.

– Спасибо. Вы так любезны.

– То есть она хочет для тебя другого?

– В смысле?

– Другую судьбу, отличную от ее?

– Ага. Ей не хочется, чтобы я встретила богатого парня, забеременела от него и была им брошена.

– Она винит в этом его деньги?

– Знаю, это смешно.

– Так вот как началась жизнь над магазином кукол?

Мне кажется, что родители моего отца дали ей денег, чтобы купить магазин.

– Да.

– Подожди, ты прожила над магазином всю жизнь?

– Да.

– Вау, как захватывающе.

Что захватывающего в жизни над магазином кукол?

– Пожалуй, в каком-то смысле.

– А мне-то казалось, что моя мама заслуживает пальму первенства, однако твоя ее явно опережает.

Банкетный зал в отеле – самое красивое место, которое я когда-либо видела: огромные люстры, мозаика из плитки на полу, плотные длинные портьеры. Ксандер сопровождает меня к столику перед сценой, и я делаю глубокий вздох. Что за отстойный совет дал мне Генри перед знакомством с Мэйсоном? Ах да. Будь собой. Боюсь, здесь это не сработает. Может быть, сегодня мне стоит притвориться кем-то другим?

Я замечаю миссис Далтон, и мне хочется сбежать и спрятаться. В любое другое время или в любой другой ситуации ее присутствие принесло бы только успокоение в мое смятенное состояние, но после слов мамы моя рука начинает гореть в ладони Ксандера, а наши переплетенные пальцы как будто освещаются прожекторами и софитами.

Наши взгляды пересекаются, и я слишком долго на нее смотрю. Мой лоб покрывается испариной, и я стираю пот ладонью. Она улыбается и машет.

– Мне кажется, нас только что поманили к себе, – произносит Ксандер, подмигивая. Мне тоже хочется веселиться, но я слишком сильно нервничаю.

– Кайман, – приветствует миссис Далтон. – Не думала, что ты придешь. Так приятно видеть тебя здесь. Я рада, что Алексу все-таки удалось тебя очаровать.

– Это было непросто, бабушка. Эту девушку сложно завоевать. – Он целует мою руку.

– А когда алмазы легко добывались?

Может быть, сказывается мое присутствие, но она не похожа на бабушку, которая злится, что ее внук встречается с простой продавщицей.

– Если ты ее обидишь, пеняй на себя, – грозит она Ксандеру.

– Разве эти слова не должны быть адресованы ей? Ведь, в конце концов, я твой внук. – Он наклоняется, чмокает ее в щеку и что-то шепчет, вызывая у миссис Далтон смех.

– Что ты ей сказал? – спрашиваю я, когда мы отходим в сторону.

– Что ты вполне способна постоять за себя и тебе не требуется телохранитель.

– Что правда, то правда.

– Вообще-то, я должен пообщаться с гостями, прежде чем все рассядутся, но вместо этого я потанцую с тобой, а потом мы найдем наш столик.

– Нет.

– Ты не хочешь со мной танцевать?

– Нет, в смысле, конечно, я хочу с тобой потанцевать, но не сегодня. Сегодня у твоей мамы особый день, и ты не можешь быть плохим сыном. Она будет винить меня.

Он смеется.

– Нет, не будет. Совсем недавно она сказала, что я стал более ответственным. И эту заслугу она приписывает тебе.

– Каким образом я хорошо на тебя влияю, если сама превратилась в королеву безответственности. – Согласно словам моей мамы.

– Пойдем, они играют нашу песню.

Я прислушиваюсь. Музыкальная группа играет неизвестную мне классическую мелодию, и как отметил Лукас, у них действительно нет солиста.

– И это наша песня?

– Ну, это же твоя группа, помнишь? Так что все песни, которые они играют, наши.

– Действительно. – Благодаря каблукам у меня идеальный рост, чтобы уткнуться Ксандеру в шею. Я расстегиваю три пуговицы на его пиджаке, просовываю руки под него и обнимаю Ксандера за талию, пока мы медленно танцуем под медленную мелодию среди других парочек.

Ксандер начинает выдумывать смешные строчки к музыке и нашептывать их мне на ушко.

– Ты должен взять микрофон. Группа в тебе нуждается.

– Что? Предпочитаешь сладкий голосок Тика?

– Да.

Он смеется.

– Я тоже.

Нашу веселую перепалку прерывает женский голос.

– И снова здравствуй, Кайман.

Ксандер замирает и поворачивается.

– Мама. – Он обнимает ее.

А затем она удивляет меня своим крепким объятием. Ее светлые волосы уложены в красивую прическу. Брови имеют идеальную форму, и должно быть, ей ввели что-то под кожу, чтобы добиться такой гладкости.

– Приятно видеть, что мой сын так часто улыбается. Как думаешь, ему идет улыбка?

– Я называю ее его секретным оружием.

Ксандер хмурится.

– Правда?

– В основном про себя, но иногда и у тебя за спиной. – Я бросаю взгляд на миссис Спенс. Я пытаюсь вести себя естественно, надеюсь, мой сарказм не вызывает у нее раздражения. Она улыбается – значит все в порядке.

Ксандер притягивает меня к себе.

– Ну, тогда это многое объясняет.

– Я просто хотела вас поприветствовать. Не могу остаться, кто-то же должен управлять мероприятием. – Она поглаживает мое плечо. – Но давай поговорим позже. Ты и я. Мне хочется узнать тебя получше.

Я с улыбкой киваю, хотя меня так и тянет ляпнуть, что все это походит на допрос с пристрастием.

Когда она удаляется, Ксандер вновь притягивает меня к себе, и мы двигаемся в такт музыке.

– А сейчас, не то чтобы я ожидаю, что ты запомнишь все имена, но позволь мне показать тебе всех членов моей семьи.

Он не только называет многих людей в зале, но и рассказывает про них забавные истории.

– А это, – говорит он, указывая на другой конец зала, – моя кузина Скарлетт.

– А-а-а, кукла. – Я наклоняю голову набок. – Да, она действительно похожа на куклу.

– Правда? – смеется он, и она, как будто слышит нас, не только кидает взгляд на Ксандера, но и направляется к нам.

– Скарлетт.

Она слегка пожимает руку Ксандера и одаривает его поцелуем в щеку.

– Это Кайман.

– Привет, слышана о тебе.

Я бросаю косой взгляд на Ксандера. Он что, все время обо мне болтает? И как я должна на это реагировать?

– Похоже, Ксандеру стоит расширить круг своих интересов, раз он так много обо мне болтает.

Скарлетт улыбается, почти так же широко, как и та кукла из магазина, а затем сжимает руку Ксандера.

– Ты видел, с кем пришел твой брат?

– Нет, мы пока не виделись. – Он вытягивает шею, пытаясь отыскать Лукаса и его спутницу в толпе.

– Не стоит, ты еще можешь этого избежать. Ходячий синдром Золушки.

Ксандер смеется.

– Серьезно? Лукас?

– Меня это даже не удивляет. Ты только вспомни, где он учится. – Ее губы складываются в кривую ухмылку.

Упомянул ли Ксандер при ком-нибудь из членов семьи, что я беднее грязи? И если нет, то почему он не попытается приструнить Скарлетт, а соглашается ней?

– Приятно познакомиться с тобой, Кайман, но пришел Брэдли, и мне нужно идти.

Мы смотрим ей вслед, и я жду, когда он начнет оправдываться. Может быть, скажет, что его кузина настоящий сноб (что в действительности так). Но Ксандер этого не делает. Он предлагает мне локоть и говорит:

– Пойдем присядем.

Он ведет меня прямо к Лукасу, и я шепчу:

– Думала, Скарлетт посоветовала нам их избегать.

– Мы не можем избегать их весь вечер. Эти места за нами, а я хочу есть.

– Кайман, – приветствует Лукас, вставая и приобнимая меня. – Не думал, что ты придешь.

Все-таки решила дать этому вечеру шанс?

– Ну, да... – Даже не знаю, что ответить. Я все еще шокирована словами Скарлетт и реакцией Ксандера.

Лукас указывает на девушку справа.

– Это Лия. – Лия не встает, но улыбается мне.

– Приятно познакомиться.

Ксандер выдвигает мне стул, и я сажусь.

– Где Самуэль? – спрашивает Ксандер, оглядываясь по сторонам. Две карточки с именами лежат на пустых местах.

– Едет.

Самуэль появляется меньше чем через пять минут, и – как и при встрече Лукаса и Ксандера в аэропорту – Самуэль и Ксандер обнимаются так, будто не виделись годами. Лукас к ним присоединяется. Затем Самуэль представляет свою пару, и мы обмениваемся приветствиями.

– Самуэль, – говорит Ксандер, кладя руку мне на поясницу. – Это Кайман Майерс.

– *Та самая* Кайман Майерс? – Он ослепительно мне улыбается, и я поражаюсь тем, насколько Ксандер отличается от братьев. Он похож на своего темноволосого отца, а его братья светловолосые, как и их мама.

– Слышан о тебе, – говорит Самуэль.

– Сочувствую.

Мы все усаживаемся за стол, Самуэль поднимает пустой стакан и подзывает проходящего

мимо официанта, тот подходит и обслуживает его.

– Итак, Кайман, ты родственница Майерсов, владельцев сети аптек SCM?

Я собираюсь было сказать «нет», но Ксандер меня перебивает:

– Да, это ее бабушка с дедушкой. И они в списке приглашенных. – Он оглядывается по сторонам. – Они еще не подъехали, но, как только появятся, я заставлю Кайман меня представить.

– Отец очень уважает твоего дедушку, – продолжает Самуэль. – Говорит, что тот, кто способен сделать деньги на магазинах среднего уровня, должны быть гением. Мне бы хотелось стать таким же прозорливым бизнесменом, как и он.

Я слишком ошеломлена, чтобы ясно мыслить. Поэтому семья Ксандера так хорошо ко мне относится? Он выставил меня богатой?

Глава 36

– У меня нет бабушки с дедушкой.

Лукас и Ксандер смеются, а затем Лукас произносит:

– Она разговаривает с такой серьезной миной, Ксандер, как ты определяешь, шутит она или нет?

– Она всегда шутит.

Самуэль улыбается и говорит:

– Пока Ксандер не сообщил мне, я и не знал, что у Майерсов есть тут какие-то родственники.

Ксандер кивает.

– Да я тоже не знал, пока бабушка не рассказала.

Что за бред. Должно быть, миссис Далтон что-то напутала. Почему она думает, что я родственница каких-то там супербогатых Майерсов? Из-за того, что у нас одинаковые фамилии?

Я нервно сглатываю и разглядываю столики вокруг нас, а затем поднимаю взгляд на дверь и наблюдаю за прибытием гостей. Конечно, я пошутила насчет бабушки с дедушкой. У меня они есть. Два комплекта. Только вот я с ними не знакома. Предки моей мамы отреклись от нее, когда она забеременела мной, а родители моего отца заплатили ей, чтобы та держала рот на замке. У меня самые злобные в мире бабушки и дедушки. Майерс – фамилия моей матери, но она очень распространенная. Не может быть, чтобы моя мама имела хоть какое-то отношение к этой сети аптек. Это просто совпадение. Я смотрю через весь зал на миссис Далтон. Милая миссис Далтон улыбается мне.

Все взгляды за нашим столом обращены ко мне, и я понимаю, что, должно быть, кто-то задал мне вопрос. Рука сжимает мое колено, и я подпрыгиваю от неожиданности. Мой взгляд падает на руку, поднимается вверх на плечо Ксандера, а затем на его взволнованное лицо.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

– Нет... то есть да... мне просто нужно в дамскую комнату.

– Через те двери и направо. – Он встает и целует меня в щеку. – Не сбегай через окно или как-нибудь еще. Вот-вот начнется самая скучная часть. Ты не должна это пропускать.

Я пытаюсь выдавить улыбку, но это выше моих сил. Дамская комната – долгожданное укрытие; я запираюсь в одной из кабинок и пытаюсь понять, что сейчас произошло. Ксандер думает, я богатая. Он считает, что я родом из обеспеченной семьи. Вот почему его отец принял меня, когда услышал мою фамилию, а его братья общаются со мной, как с равной. Из меня вырывается всхлип, и я пытаюсь заглушить его рукой.

– Богатые мальчики – глупцы, – ворчу себе под нос, пытаюсь разозлиться, ведь сейчас я не могу позволить себе почувствовать боль. Мне нужно добраться до дома с высоко поднятой головой.

Я как раз собираюсь покинуть дамскую комнату, подхожу к двери, когда та резко открывается, и мне еле-еле удается вовремя отшагнуть в сторону.

– Простите, – говорит девушка, проскакивая мимо меня. Она поворачивается к раковине и начинает застирывать пятно от красного вина на белой рубашке. Когда я замечаю ее черную юбку, то понимаю, что это одна из официанток. И она на грани слез.

– Ты в порядке?

– На меня только что пролили красное вино, и я не думаю, что оно сойдет. – Она трет пятно сильнее и тянется за мылом. – Мой босс отправит меня домой.

– Подожди, только не мылом. Вот, у меня кое-что есть. – Я роюсь в сумочке и достаю маленькую бутылочку перекиси. В магазине не часто пачкают кукол, но каждый ребенок с липкими пальцами или человек с кофе могут нанести ущерб. И это средство творит чудеса. Я наношу немного перекиси на пятно и промокаю его полотенцем со столешницы. – Ты только посмотри на это. Волшебство.

Она внимательно изучает рубашку и крепко меня обнимает. А потом, вероятно понимая, что не должна так вести себя с гостями, отлетает от меня со смущением.

– Простите. Просто... Спасибо вам огромное.

– Это всего лишь перекись.

– Я очень благодарна.

– Рада была помочь.

Она окидывает взглядом свою белую рубашку в последний раз.

– Мне лучше вернуться.

– Да, верно.

Она уходит, и я прислоняюсь к кафельной стене. Ее «кризис» отвлек меня на минутку, но не стер то, что ожидает меня за дверью.

Мне нужно уйти отсюда. Я не смогу смотреть Ксандеру в лицо, когда скажу правду.

На пути в зал я чуть не врезаюсь в женщину с наушником в ухе и клипбордом в руке. Я начинаю обходить ее, но потом резко останавливаюсь.

– Вы организатор этого мероприятия?

Она одаривает меня вежливой улыбкой, предназначенной для всех гостей, но я замечая признаки волнения в ее глазах. Похоже, она думает, что у меня имеются жалобы.

– Да, чем я могу помочь?

– Ксандер Спенс сказал мне, что мои бабушка с дедушкой здесь, но я не могу их найти. Не подскажете, за каким столом они сидят? Майерс. – Я указываю на ее клипборд, на случай если она не знает, где какой гость сидит.

– Конечно. – Она просматривает страницы, проводя пальцем по бумаге, а затем говорит: – Ах, вот они. Тридцатый столик. Я вас провожу.

– Спасибо.

Такое ощущение, что я иду по дну морскому. Мои ноги еле передвигаются, а голова раскалывается от давления. Уже в зале я прислоняюсь к ближайшей стене, и женщина следует моему примеру.

– Вон они. Ваша бабушка в бирюзовом. Видите?

Я смотрю на указанную женщину.

– Да, это она. Спасибо.

– Не за что. – Организатор торопливо удаляется, возможно, чтобы ответить писклявому голосу в ее наушнике.

Они сидят ко мне спинами. У женщины в бирюзовом темные волосы до плеч, а у мужчины рядом с ней в волосах седина. Выдерживая дистанцию, я медленно иду по периметру, чтобы увидеть их лица. Есть. Я останавливаюсь, ожидая, что, разглядев их, что-то почувствую, но ничего не происходит. И небольшой груз спадает с моих плеч.

Женщина поднимает голову, и наши взгляды пересекаются. Выражение ее лица водружает назад мне на плечи удвоенный груз – она меня узнает. Ее губы шепчут «Сьюзен». Это заметно даже с моего расстояния. Мое лицо вспыхивает от имени мамы на устах этой женщины.

Миссис Далтон ничего не перепугала. Эти Майерсы – мои бабушка и дедушка.

Женщина хватается мужа за руку, и он смотрит на нее в замешательстве. Мне не хочется видеть результат. Я разворачиваюсь на каблуках, намереваясь уйти, но врезаюсь прямо в грудь Ксандера.

– Вот ты где. Только что подали закуски. Икру и крекеры с каким-то греческим салатом. Ты любишь икру?

– Не знаю. Я никогда ее раньше не ела. – Внезапно его слова о том, что моя мама получает пальму первенства за жизнь над магазином кукол, поражают меня. Ему кажется, что она сделала это нарочно, чтобы показать мне, как живут простые люди. И только сейчас я понимаю, что в каком-то смысле он прав. Моя мама выросла среди роскоши. Вот почему ей столько известно о жизни элиты. Моя мама...

Она лгала мне. Вся моя жизнь – сплошная ложь. Нет. Это ее жизнь ложь. А моя – горькая правда. Мы банкроты. Еле сводим концы с концами. Любая мелочь может положить конец нашему магазину.

– Что-то случилось? Я что-то сделал не так? – спрашивает Ксандер.

Ох, должно быть, я излучаю ярость. Ведь я очень, *очень* зла.

– Я тебе нравилась только потому, что я... – Даже не могу закончить фразу. Я слишком зла. И не только на него. На всех. На мать, на ситуацию, на бабушку с дедушкой, которых даже не знаю. – Мне нужно идти.

Я разворачиваюсь и натыкаюсь на еще одно знакомое лицо. То, которое совсем не желаю видеть. Роберт. Жаль, что в прошлый раз я не вылила на него содовую.

Ксандер хватается меня за локоть.

– Подожди. Поговори со мной.

– Не думаю, что помню твое имя, – говорит Роберт.

– Я тебе его никогда и не называла, – выплевываю я.

– А где твой парень? Мэйсон, кажется? Он и в самом деле неплохо поет.

Рука Ксандера на моем локте сжимается.

– Роберт, сейчас не самое лучшее время.

– Я просто видел ее на концерте на прошлой неделе. Сложно не понять, что они с Мэйсоном встречаются.

– Мы не встречаемся, – протестую я.

– О чем ты? – Рука Ксандера соскальзывает с моего локтя.

– Они были так поглощены друг другом.

– Нет, не были. – Краем глаза я замечаю, что моя бабушка направляется к нам. – Мне нужно идти.

– Кайман. – Глаза Ксандера наполнены болью, но и мне тоже больно. Слишком больно, чтобы думать. Слишком больно, чтобы защищаться от его друга-придурка. Мне просто нужно уйти.

Так я и поступаю.

Глава 37

Когда я захожу в магазин, меня разрывают противоречивые чувства. Злость на мать за то, что та всю жизнь мне врала, и нестерпимая боль от разбитого сердца, которое так и просит упасть к маме в объятия и сказать, что она была права насчет богатых парней и что мне нужно, чтобы она сняла мою боль.

Мама сидит как статуя за прилавком, будто ожидая меня. В магазине темно – лишь только несколько полок освещены. Ее взгляд такой же безжизненный, как и у всех кукол вокруг.

– Прости меня, – шепчет она. – Я была несправедлива.

– Они были там, – хрипло говорю я. Мое горло все еще сводит судорогой от боли.

– Кто?

– Твои родители.

От шока и опустошения ее лицо морщится, и она роняет голову на прилавок. Я слишком занята своей болью, чтобы думать о ее. Прохожу мимо нее, поднимаюсь по ступенькам в свою комнату и плотно закрываю дверь.

В жизни мне довелось увидеть много сломанных кукол. Некоторые со сломанными пальцами, другие с оторванными конечностями или пробитыми черепами. Но ничто из этого не сравнится с тем, какой разбитой чувствую себя я. И это только моя вина. Я всегда знала, что мы из разных миров. С чего я решила, что смогу быть частью его мира?

Я переодеваюсь, сворачиваюсь калачиком на кровати и наконец-то плачу. Слезы из глубины души вырываются наружу.

Я слышу слабый стук в дверь, но игнорирую его. Она все равно войдет. А почему бы нет? Она определенно не имеет ни капли уважения к моим чувствам. Я смахиваю слезы и пытаюсь восстановить дыхание. Мама присаживается на кровать рядом со мной.

– В мире нет подходящего объяснения, почему я скрывала от тебя своих родителей. Может быть, часть меня боялась, что ты захочешь жить как они. Что ты уйдешь к ним, к тому, чего у тебя не хватает, ведь я не могу дать тебе достаточно.

Если бы она оставила меня в покое, я бы успокоилась, но сейчас ярость во мне уже готова вырваться.

– Почему ты от них ушла? – Я резко сажусь. – Что они натворили?

– Кайман, это они меня выгнали. Отреклись от меня. В этом я была с тобой честна. Но мне жаль. Правда. Я могла бы быть более лояльной. Но я была зла, обижена и слишком горда. Не дала им шанса исправить все, даже если бы они захотели. Я просто исчезла.

– А я еще переживала из-за того, что скрывала от тебя Ксандера. Ты заставила меня чувствовать себя ничтожеством. Внушила, что миссис Далтон и ее семья меня ненавидят.

– Мне очень жаль.

– Я не понимаю, миссис Далтон знает, кто ты?

– Она знает мою историю, но не думаю, что она знакома с моими родителями. Все это время она хранила мой секрет.

– Даже не знаю, смогу ли я снова тебе доверять. Я очень зла.

– Понимаю. Надеюсь, что сможешь, но я тебя понимаю.

– И Ксандер. Он не идеален, но он был таким любезным и хорошо ко мне относился, а ты даже не попыталась дать ему шанс. Он не мой отец. А я не ты. Я не собираюсь забеременеть и сбежать.

Она кивает.

– Знаю. – Вдруг мама хватается за живот и резко выдыхает.

– Что с тобой?

– Ничего. Я в порядке. Мне просто нужно... – Она встает, пошатываясь, и прислоняется к стене.

Я тоже встаю.

– Я же вижу, что тебе плохо.

– Мне просто нужно отдохнуть. – Она спотыкается и хватается за спинку стула.

– Мама. Что-то не так.

Она снова хватается за живот и выбегает из комнаты.

Я следую за ней в ванную, где ее тошнит в раковину. И раковина становится ярко-красной.

– Мама! Это кровь?!

Она вытирает рот, размазывая кровь по руке, и кашляет.

– Такое уже случалось?

Она качает головой.

– Хорошо, мы едем в больницу. Прямо сейчас.

Я слоняюсь по коридору в ожидании врача, который сообщит мне, что происходит. Прошло уже целых два часа, и я на грани срыва, когда врач наконец выходит. Он оглядывается и спрашивает:

– Только ты?

И что мне на это ответить?

– Только я? – переспрашиваю я.

– С тобой еще кто-нибудь есть?

– Ох, нет. Только я. – Чувствую себя отвратительно. Может быть, мне стоило позвать Мэттью. Он должен быть здесь. Он имеет право знать. Я должна найти его номер и позвонить ему, после того как договорю с врачом. – Пожалуйста, скажите, она в порядке?

– Состояние стабилизировалось. Мы возьмем несколько анализов и попытаемся исключить некоторые заболевания. Мы дали ей снотворное, чтобы она поспала.

– Кхм... – Даже не знаю, как это сказать. – С ребенком все в порядке?

– С ребенком? – Его глаза изумленно расширяются, и он смотрит в карточку. – Она сказала, что беременна?

– Нет, я просто подумала, что это возможно.

– Нет, она не беременна. Но мы сделаем пару анализов, чтобы проверить.

Мне стыдно за ту крошечную долю облегчения, которую я испытываю. Правда, стыд быстро испаряется, потому что, узнав правду, я понимаю, что с ней случилось что-то гораздо более страшное. Беспокойство моментально сметает весь стыд.

– Она больна? – выдыхаю я.

– Да, и мы пытаемся выявить причину кровотечения. Некоторые серьезные заболевания уже исключены. – Он ободряюще похлопывает меня по плечу. Как будто это заставит меня почувствовать себя лучше. – Скоро мы установим диагноз.

– Я могу ее увидеть?

– Она спит, и сейчас ее лучше не беспокоить. Я обещаю позвонить вам, как только она проснется. – Он замолкает и снова оглядывается. – Сейчас вам действительно не стоит оставаться одной.

Но я одна. Мама – это все, что у меня есть.

– У меня нет сотового.

– Тогда на какой номер вам позвонить?

В жизни я часто расстраивалась, что у меня нет сотового, как у любого другого нормального подростка. Но теперь, желая пойти в комнату ожидания и уснуть там на старом диванчике, я понимаю, что без телефона я умру. Может быть, пойти к Скай. Но что, если ее нет дома? Плюс, ее дом в десяти минутах дальше моего. Это не вариант. Я диктую ему номер телефона магазина и уезжаю.

Как только я захожу в магазин, сразу поднимаюсь вверх к телефону и сижу в ожидании звонка. Нет, так не пойдет. Мне нужно чем-то занять мозги. А в магазине всегда есть работенка. За всю жизнь я еще ни разу не протирала пыль в час ночи. К моменту, когда я дохожу до витрины, стеллажи с одной стороны так и сверкают чистотой, а я истекаю потом. Приступаю к противоположной стене. Примерно посередине на второй полке стеллажа я нахожу карточку с именем без самой куклы. Кэрри. Осматриваю полки, но ее нет. Должно быть, мама продала ее сегодня и забыла положить карточку в ящик для следующего заказа.

Хотя нам и не нужно заказывать Кэрри. Она популярна. У нас должен быть запас по крайней мере в две куклы. Кэрри – спящий младенец с умиротворенным выражением лица. Все ее любят.

Даже я считаю ее довольно симпатичной, что само по себе чудо, учитывая, как пугают меня другие куклы.

Я иду в подсобку. Три коробки с надписью «Кэрри» лежат рядышком на второй полке. Эта полка находится достаточно низко, чтобы я могла дотянуться до нее без табуретки, так что я стягиваю одну из коробок вниз. По весу сразу становится понятно, что она пуста, но я все равно открываю ее, чтобы удостовериться. Достаю следующую коробку. Пусто. Я вытаскиваю и открываю коробку за коробкой, не обращая внимания на имя куклы. Вскоре весь пол завален коробками. Без кукол.

Теперь мне известно, сколько потребуется времени, чтобы вскрыть все коробки. Сорок пять минут. Я опускаюсь на пол и кладу голову на колени. Мне всегда казалось, что я помогала маме со всеми трудностями, делала больше, чем было нужно, управляла магазином, но на самом деле она все делала сама. Почему моя мама всех отталкивает?

И сейчас я поступаю так же.

Я хватаю с полки трубку и набираю номер.

– Алло? – отвечает сонный голос, спустя четыре гудка.

– Ты мне нужна.

Глава 38

Задыхаясь, Скай вбегает в подсобку.

– Что случилось?

– Я все испортила.

Она устраивается на диване и хлопает по подушке рядом. Я подползаю и кладу голову на ее колени. Она перебирает мои волосы, накручивая локон на палец.

– Я ужасный человек. Я думала, что скорее умру, чем мама снова забеременеет. И теперь, мне кажется, я умираю.

– Выкладывай.

– Мама больна. Она в больнице. Они не разрешили мне с ней остаться.

– И она не беременна?

– Нет.

– Тогда кто такой Мэттью?

– Не знаю. Возможно, они просто встречаются. Мне нужно ему позвонить? – Моя голова раскалывается. – У меня нет его номера.

– Не думай об этом. С твоей мамой все будет хорошо. Завтра она будет в состоянии сама ему позвонить.

Я киваю.

Она несколько раз проводит рукой по моим волосам.

– А где Ксандер? Отъехал, чтобы купить тебе еды и еще что-нибудь?

Я закрываю глаза, не желая даже думать об этой ужасной части вечера.

– Мы расстались.

– Что? Почему?

– Он считал меня богатой, Скай. Это единственное, почему я ему нравлюсь.

Он кашляет и ерзает по дивану.

– Эм... ты только не обижайся, но разве он не был здесь? Почему он решил, что ты богатая?

– Потому что он знаком с моими бабушкой и дедушкой – родителями мамы. Видимо, они одни из самых богатых людей Калифорнии.

– Что?

– Они присутствовали на благотворительном вечере.

– Ничего себе. С ума сойти.

Я сажусь.

– Это точно. Я имею полное право злиться на это. На маму. На Ксандера.

– Ты злишься на Ксандера только потому, что предки твоей мамы богачи?

– Нет. Потому что *это единственное, почему я ему нравлюсь*.

– Это он тебе сказал?

– Ну, нет. Но... – Я провожу рукой по лицу. – Да как нечто подобное вообще можно знать наверняка? Даже если он будет утверждать обратное, мы никогда не узнаем, правда ли это. Никогда ничего не сможем доказать.

Скай бережно берет мою руку.

– Не нужно ничего доказывать. Может быть, тебе просто стоит ему довериться.

– А как насчет мамы? Мне и ей стоит довериться? Она ведь всю жизнь мне врала. Я дико злюсь, и из-за этого ощущаю себя виноватой, ведь она больна. – Я откидываюсь назад, на диван, и смотрю в потолок.

– Понимаю. Я бы тоже злилась. Но тебе не кажется, что они имеют право знать о ее болезни?

– Кто?

– Ее родители.

Я киваю. Знаю, она права.

– Ты сможешь завтра позвонить Ксандеру и достать для меня их контакты?

– Ты не хочешь с ним разговаривать?

Я закрываю глаза ладонями.

– Нет. И, пожалуйста, не говори ему о том, что с мамой. Последнее, в чем я нуждаюсь, так это

в том, чтобы он появился ко мне из чувства вины.

– Да, конечно. Я все сделаю. – Она сползает на пол и кладет голову рядом с моей. – Почему бы тебе не попробовать вздремнуть? Я посижу на телефоне.

– Я не могу спать.

– Хочешь, я позову Генри? Он может поиграть на гитаре. Может, это отвлечет тебя на некоторое время.

– Сейчас половина четвертого утра. Тебе не кажется, что он уже десятый сон видит?

Она проверяет время на телефоне.

– Скорее всего, нет. Он сова.

– Думаю, ночь заканчивается в два. Должно быть, он рано-утренняя сова.

– Почему ночь кончается в два?

– Не знаю. Обычно это самое позднее время, когда я ложусь спать, так что это конец ночи.

Она смеется и отправляет смску.

– Если он ответит, то не спит, если нет, значит дрыхнет.

– Вау, довольно научный способ определения, спит ли человек.

Она играючи дает мне подзатыльник.

– Рада, что ты не растеряла сарказм.

• • • • •

К утру я решаю, что Генри все-таки очень приятный парень. И я рада, что Скай смогла разглядеть в нем что-то еще, кроме его вздернутого носа. Я засыпаю под звуки гитары.

Распахнув глаза, я вижу, как Скай, болтая по телефону, расхаживает по комнате. Сонливость снимает как рукой, когда до меня доходит, что происходит. Я вскакиваю с дивана и чуть не спотыкаюсь о Генри, который мирно спит на полу. Она замечает, что я направляюсь к ней, и, качая головой, машет рукой, а затем беззвучно произносит: «Ксандер», я сразу же разворачиваюсь и плюхаюсь на диван.

Надеюсь, она узнает контакты бабушки с дедушкой без особых проблем, а потом он может катиться на все четыре стороны.

– Нет, – говорит Скай. – Она спит.

Который час? Я сползаю и переворачиваю часы на запястье Генри, чтобы посмотреть время. Половина одиннадцатого. Вау. Я спала целых пять часов. Тогда почему у меня до сих пор такое ощущение, будто кто-то заехал дубиной мне в лицо? И почему Скай все еще висит на линии? Сколько требуется времени, чтобы записать адрес и телефон?

– Ксандер, пожалуйста. – Слышу я ее слова. Она слишком милая. Будь я на ее месте, у меня уже давно был бы их номер. Может быть, мне стоит позвонить в больницу, вместо того, чтобы ждать. Я осматриваюсь в поисках телефона, но потом понимаю, что он у Скай. Почему она не воспользовалась собственным мобильным? Что, если прямо сейчас пытаются дозвониться из больницы? Моя злость на Ксандера возвращается во всей красе.

– Нет, – со вздохом говорит Скай, что звучит слишком мягко. Я собираюсь было встать и забрать телефон, когда она говорит: – Спасибо тебе. – И записывает что-то на листочке в руках. – Да, конечно. Я ей передам. – Она вешает трубку.

– Передашь что?

– Что он хочет с тобой поговорить.

– Как мило. Вот только я не хочу с ним разговаривать.

– Знаю. – Она протягивает мне клочок бумаги, затем присаживается на корточки возле Генри и поглаживает его по щеке. – Генри. Просыпайся.

Я пинаю его, и он резко просыпается.

– Иногда тебе нужно быть немного понастойчивей, Скай.

Она закатывает глаза, но улыбается. Я сказала, что ей нужно быть настойчивей, но не изменила бы ее ни за какие коврижки.

• • • • •

Час спустя я стою в вестибюле больницы и жду, когда мне кто-нибудь поможет. Никто не звонил, но после того, как Скай ушла на работу, а я позвонила родителям мамы и сообщила им обо всем, ждать я больше не могла. Наконец-то женщина за стойкой регистрации вешает трубку и говорит:

– Она в триста пятой палате. Вам необходимо подняться на лифте на третий этаж, а там попросите кто-нибудь провести вас в ее крыло, ладно?

– Да, спасибо.

Я беспокоюсь. Мне просто хочется увидеть маму. Знаю, если я увижу ее, то почувствую себя гораздо лучше. Большая часть моего гнева переросла в беспокойство, но его остатки все еще бурлят внутри меня, и мне очень хочется, чтобы они испарились. Я облегченно вздыхаю, когда оказываюсь в ее палате и вижу ее бледное, но красивое лицо. Подвигаю стул к ее койке и заставляю себя взять ее за руку.

– Привет, мам, – шепчу я. Она не шевелится.

Не знаю, сколько я так сижу, держа ее за руку (час? Может быть, два?), но в конце концов врач заходит в палату и приглашает меня выйти в коридор.

– К сожалению, я не мог пустить вас к ней прошлой ночью, поскольку она лежала в реанимации, а туда не пускают посетителей. Но поздно ночью мы перевели ее сюда.

– Что с ней?

– Мы еще ждем результатов некоторых анализов. В последнее время твоя мама часто уставала?

– Да.

Он кивает, будто подтверждая свои догадки.

– У меня есть кое-какие соображения, но мы собираемся сделать ФГДС⁶, чтобы оценить состояние слизистой оболочки желудка. УЗИ не показало особых результатов, а мне хотелось бы четче представить картину заболевания.

– Хорошо. Это опасно?

– Нет, это обычная процедура с минимальным риском, которая даст нам точный результат.

– Она знает?

– Она еще не просыпалась. – Должно быть, мой испуг отражается на лице, потому что он добавляет: – Что не является причиной для беспокойства. Мы дали ей сильнодействующее снотворное. Когда она проснется, мы с ней поговорим, и если она даст согласие, то назначим эту процедуру на следующее утро.

– Я могу с ней остаться?

– Конечно. Как я уже сказал, теперь, когда у нее отдельная палата, вы можете остаться. Если хотите, можете даже там спать.

– Да. Спасибо вам.

Когда я собираюсь снова войти в палату, то замечаю своих бабушку с дедушкой, выходящих из-за угла. Ну почему мама не проснулась, чтобы разобраться с этим самостоятельно? Эти люди мне чужие. Я потираю руки, а потом неуверенно машу им.

– Кайман, правильно? – говорит... миссис Майерс? Бабушка? *Женщина.*

– Да. Здравствуйте, я Кайман.

На мгновение она прикрывает рот рукой и вздыхает.

– Ты так похожа на свою маму в молодости. – Она гладит меня по щеке. – Только глаза папины. Ты такая красивая.

Я неловко переминаюсь с ноги на ногу.

Мужчина тихонько ворчит на нее и протягивает мне руку.

– Здравствуй, Кайман, я незнакомец номер один, а она незнакомец номер два. Тебе все еще некомфортно?

Я одариваю его слабой улыбкой.

– Единственное, что заставит ее почувствовать себя некомфортно, – это твой юмор, Шон. Он шутит, дорогая.

⁶ ФГДС – Фиброгастродуоденоскопия. Эндоскопический метод исследования пищевода, желудка и двенадцатиперстной кишки.

– Знаю. – Может ли чувство юмора передаваться по наследству? Я указываю на дверь. – Она еще не проснулась, но вы можете ее увидеть.

Женщина делает несколько глубоких вздохов, а затем несколько поверхностных.

– Мне найти тебе баллон с кислородом, Вивиан, или же ты справишься сама? Уверен, лишний здесь найдется.

Она игриво ударяет его в грудь.

– Просто дай мне минутку. Я не виделась с дочерью семнадцать лет, а сейчас увижу ее в больничной койке. Мне нужно это переварить.

– Врач сказал, что у него уже есть предположительный диагноз и что она будет... – Я собираюсь сказать «в порядке», но потом понимаю, что он этого не говорил. Возможно, она не будет в порядке.

– Кайман, – говорит Шон. – Ты не могла бы показать мне ее лечащего врача? У меня есть к нему пара вопросов.

– Конечно. Вон он, беседует с медсестрой.

– Спасибо. Идите без меня. Я присоединюсь к вам через минуту.

Он уходит, и Вивиан, продолжая странно дышать, подходит к двери и останавливается.

– Вам нужно побыть с ней наедине. Я подожду здесь, – говорю я ей.

Она кивает, но не сдвигается с места. Я открываю ей дверь, и это приводит ее в движение. Разозлится ли мама, когда проснется и увидит ее перед собой? Судя по ее вчерашней реакции, она мечтала увидеть их долгие годы.

Я перевожу взгляд на Шона, беседующего с доктором. Я так рада, что кто-то, кроме меня, теперь может решить серьезные вопросы. Если Шон так прозорлив, как описали его Ксандер с братьями, то он точно сможет позаботиться о бизнесе.

Мои бабушка с дедушкой богачи. Странно.

Вскоре Шон возвращается.

– Как считаешь, сколько ей потребуется времени, чтобы решить все вопросы, накопившиеся за семнадцать лет? – спрашивает он, глядя на часы. – Думаешь, десяти минут хватит?

Я улыбаюсь.

– Мама спит, так что десять минут – это перебор.

Он втягивает воздух сквозь стиснутые зубы.

– Нет, Вивиан действительно хорошо в спорах с самой собой. – Он поворачивается ко мне. – Им определенно потребуется гораздо больше времени. Ты уже ела?

– Вы разве не хотите ее увидеть? Вы ведь семнадцать лет ее не видели.

– Я и *тебя* не видел семнадцать лет. – Мои глаза щиплет, и он становится размытым, но мне удается удержать слезы. – У меня есть время, чтобы все наверстать, не так ли? Десяти минут хватит?

– Я подумывала о пяти, но посмотрим, как вы справитесь.

Он улыбается.

– Ах, ты определенно *моя* внучка.

Глава 39

Весь остаток дня я наблюдаю за тем, как маму бросает из крайности в крайность: то она радуется, то злится, а потом по новой.словно порочный круг, и доктору это совсем не нравится. После обеда он выпроваживает нас из отделения, хотя и дал мне согласие остаться на ночь. Мама не сопротивляется, и это говорит о том, что ей требуется покой.

– Все прошло неплохо, – говорит Шон в вестибюле.

Вивиан посылает ему убийственный взгляд.

– Кайман, мы живем в нескольких часах отсюда. Ты не против, если мы проживем с тобой, пока твоя мама поправляется?

– Мы можем остановиться в отеле, если для тебя это слишком, – сразу добавляет Шон.

– У нас тесновато. Даже не знаю, будет ли вам там комфортно. Думаю, вы привыкли к местечку попросторней.

Шон всплескивает руками.

– Вив, она считает нас избалованными. Как теперь нам с этим жить.

– Прекрати, – говорит Вивиан. – Нам в любом случае будет комфортно, милая. Выбор за тобой.

Я бы предпочла, чтобы они остановились в отеле, но это прозвучит слишком грубо, да и, возможно, компания мне не помешает.

– Можете остаться у нас. Это ничего.

По пути к парковке, Шон откашливается и говорит:

– Итак, Ксандер Спенс, да? На мой взгляд, он слишком смазливый, зато из хорошей семьи.

– Слава богу, что твои предпочтения тут не имеют значения, – вставляет Вивиан. – Он, кажется, действительно хороший молодой человек.

– Мы расстались.

– Ох. Судя по прошлому вечеру, мы так и подумали.

– Всякое бывает. Все хорошо. – Так вот каково это – иметь бабушку и дедушку? Еще больше людей вмешиваются в твою личную жизнь со своими советами?

Вивиан приобнимает меня.

– Мне не хотелось этого говорить, но и на мой взгляд он слишком смазливый, милая.

У меня срабатывает автоматическая система защиты Ксандера, и я говорю:

– Как только вы узнаете его поближе, то поймете, что он... – Я останавливаю себя. Мне больше не нужно защищать Ксандера.

Вивиан ободряюще сжимает мое плечо.

– Это были долгие двадцать четыре часа, не так ли?

– Да.

Сразу могу сказать, что наша квартира кажется им тесноватой. Особенно когда Шон распахивает дверцу шкафа, думая, что она ведет в другие комнаты, и резко останавливается.

– Для нас двоих тут достаточно места, а еще есть целый магазин на первом этаже, так что, на случай когда здесь становится слишком тесно, у нас про запас имеется еще одна комната.

Я недостаточно хорошо знаю Вивиан, но складывается впечатление, будто она испытывает чувство вины за наш образ жизни. Но я – не кривя душой – никогда не чувствовала себя обделенной, даже несмотря на тесноту нашей квартиры. Я всегда была счастлива. И, кажется, только в последнее время стала замечать, чего мне не хватало.

Вивиан настаивает на походе в магазин и приносит домой столько еды, сколько мы не съедим и за месяц. Она занимает себя раскладыванием продуктов, а потом начинаются сыпаться опасные вопросы.

– Итак, ты выпускница, не так ли?

Я киваю.

– Что планируешь изучать в следующем году? – как бы невзначай спрашивает Шон, пока читает этикетку на банке кукурузы, которую купила Вивиан. Очевидно, он избегает зрительного контакта, потому что... что еще может быть в банке с кукурузой, кроме самой кукурузы? Неужели он чувствует, что для меня это не самая приятная тема?

– Я не... – начинаю объяснять я. – Я не уверена. – Но это выше моих сил. И дело не в том, что мне стыдно признаться или что нужно помогать в магазине. После того, как я нашла все эти пустые коробки прошлой ночью, я понимаю, что моя помощь была никчемной. Мама самостоятельно разберется с магазином, а мое присутствие ей не поможет. Мне нужно двигаться дальше. – Я собираюсь изучать естественные науки, но с колледжем пока не определилась.

– И что будешь делать с научной степенью? Займешься медициной?

– Нет, я подумываю о специальности эксперта-криминалиста, но пока не уверена.

– Здорово. После выпуска у тебя будет столько возможностей. На самом деле, они безграничны.

Я киваю.

– Да, знаю.

Раздается телефонный звонок, и я быстро поднимаю трубку, думая, что это мама или доктор. Но голос мужской.

– Сьюзен дома?

– Нет. Ей что-нибудь передать?

– Можете передать, что звонил Мэттью?

– Мэттью. Нет. То есть да. Я передам, но она сейчас в больнице.

У него вырывается издевательский смешок, который застает меня врасплох.

– Очередная отмазка?

– Что?

– Послушайте, передайте своей маме, что если она оплатит счета, то я перестану ей названивать.

– Вы агент по взысканию долгов?

Шон смотрит на меня.

– Пусть она мне перезвонит.

Шон жестикулирует мне передать ему трубку, что я и делаю. Он выходит за дверь, закрывая ее за собой.

Здорово, когда есть поддержка.

Глава 40

Мама крепко сжимает мою руку.

– Мам, доктор же сказал, что это просто стандартная процедура. Нет повода для беспокойства.

– Но за все утро ты не сделала ни одного саркастичного замечания в мой адрес. Думаю, все плохо.

Я смеюсь.

– Я просто слишком устала. К тому же, из-за твоего отца я чувствую себя неоригинальной.

Она улыбается.

– Они тебе нравятся?

– Да. – Это все, что я могу сказать. Сейчас не самое подходящее время, чтобы вспоминать ее ложь. А бабушка с дедушкой уж точно не такие монстры, какими она их описывала. Я с трудом сдерживаю свой гнев.

– Знаю, – говорит она, будто прочитав мои мысли. – Я у тебя их отняла. Самостоятельно приняла решение, хотя и не имела права решать за тебя. Мне так жаль.

Я сжимаю ее руку.

– Мы все наверстаем, как только тебе станет лучше. Так что прекращай уже строить из себя больную. Если тебе просто хотелось вернуть предков, могла бы придумать что-то менее драматичное.

Она улыбается.

– Я не собираюсь умирать.

– Люблю тебя, мам.

– И я люблю тебя, малышка.

Шон и Вивиан уже поговорили с мамой, поэтому я спускаюсь на лифте в вестибюль, чтобы присоединиться к ним в комнате ожидания. Сворачивая за угол, я замечаю, что они не одни. Благодаря идеальной осанке Ксандера, я моментально узнаю его со спины. Если бы Вивиан не посмотрела на меня, когда я вошла, то я смогла бы скрыться незамеченной, но ее взгляд вынуждает его обернуться. Мое глупое сердце пропускает удар. И все равно я разворачиваюсь и выхожу из здания на прохладный воздух. Голые деревья, растущие вдоль парковки, походят на черные кляксы на белом холсте неба.

– Кайман, – зовет он. – Подожди. Пожалуйста.

Я останавливаюсь на пожелтевшей траве и поворачиваюсь к нему.

– Что?

– Я почти забыл, на что способен твой взгляд.

Я жду его дальнейших объяснений.

– Хорошо. Думаю, я достиг дна. – Он делает глубокий вдох. – Я все испортил. Поставил на кон все, хотя и знал, что мог потерять. И я в ужасе.

Я нервно сглатываю, сопротивляясь порыву его утешить.

– Но как-то ты сказала мне, что без риска не произойдет ничего хорошего. – Он опускает взгляд, а потом снова смотрит на меня. Такое впечатление, будто он подготовил речь, и это только начало. – Мне очень жаль. Тот вечер. Благотворительный вечер. Я такой глупец. Я даже не подозревал, что ты не знакома с бабушкой и дедушкой. А потом Роберт сказал...

– Роберт? – Воспоминания о Роберте эхом отдаются у меня в голове. В свете последних событий я совсем о нем забыла. – Я не... мы с Мэйсоном никогда не встречались...

– Знаю. Скай мне объяснила. Но это застало меня врасплох, и я решил, что поэтому ты сбежала. Потому что Роберт был прав. Но Роберт ничтожество. Даже не знаю, почему я хоть на секунду ему поверил. Мне следовало пойти за тобой и убедиться, что с тобой все в порядке. Что с нами все в порядке.

Это правда. Роберт ничтожество.

Он опускает взгляд на свои руки, а затем взъерошивает волосы. Таким несобраннм я его еще не видела.

– Понимаю, ты была шокирована, когда увидела незнакомых тебе бабушку с дедушкой, но почему ты игнорировала мои звонки?

– Ты встречался со мной только потому, что я из обеспеченной семьи.

– Что?

– И ты можешь сколько угодно это отрицать, но мы никогда не узнаем, правда ли это. Ведь ты не мог не знать.

– О родителях твоей мамы я узнал меньше месяца назад. Бабушка рассказала. Сначала я не знал.

– Ты не мог не знать, – повторяю я.

– Но... – Он морщит нос, а затем в отчаянии поднимает взгляд к небу.

– Но что?

– Только не надо ненавидеть меня за эти слова, но... ты не богатая. Я же в курсе, как ты живешь. И когда мне стало известно о родителях твоей мамы, то я подумал, что, возможно, твоя мама хотела показать тебе, как живут простые люди, чтобы ты оценила свои возможности. Но когда я понял, что ты даже не знакома с бабушкой и дедушкой и на благотворительном вечере увидела их впервые, то стало ясно, что денег у тебя нет. Кайман. Ты бедная. Но я все равно люблю тебя. Очень сильно.

У меня вырывается смешок, и он улыбается. И то, как он медленно ко мне приближается, означает, что он уже готов оставить все это позади. Но не я. У меня еще осталась парочка вопросов.

– А твоя кузина. Она говорила о комплексе Золушки, а ты даже и слова не сказал.

– Моя кузина испорченная девчонка, и я знаю, что с ней лучше не спорить. Но ты права. Я изрядно накосячил тем вечером. Мне следовало заступиться за девушку своего брата. И тебя. Я должен был ударить Роберта так сильно, чтобы он больше никогда не смел произносить мое имя, не говоря уже о том, чтобы использовать его в своих целях. Мне не следовало тебя отпускать. Я должен был проводить тебя до дома. Надо было испортить благотворительный вечер.

– Нельзя портить благотворительные вечера.

Внезапно он замирает, и я теряюсь. Я была уверена, что он придет к какому-нибудь мощному выводу, который я так хотела услышать. Скажет что-то такое, что заставит меня ответить: «Все хорошо. Любовь побеждает все». Но вместо этого он улыбается той самой моей любимой улыбкой, и мне хочется упасть в его объятия. Впервые с того вечера, я чувствую себя целой.

– Почему ты так победоносно улыбаешься?

– Потому что ты только что говорила с сарказмом. Сказала: «Нельзя портить благотворительные вечера». А говоришь ты с сарказмом только тогда, когда у тебя прекрасное настроение. А если у тебя прекрасное настроение, то ты не так уж сильно на меня сердишься.

– Ты и моя мама. Вы считаете, что разбираетесь в характере моего сарказма, да?

– Да.

– Я всегда говорю с сарказмом, Ксандер. Независимо от того, в хорошем я настроении или в плохом, так что не стоит делать какие-то выводы.

Он ухмыляется.

– Ты хоть представляешь, как я по тебе скучал?

Я закрываю глаза и делаю глубокий вздох. Вот она. Та самая фраза, ради которой мне хочется его простить.

– Как ты узнал, что я здесь? Как ты узнал о маме? – Я задерживаю дыхание. Ответ на этот вопрос кажется столь важным для меня. Он решил меня разыскать до или после того, как ему стало известно о моей маме? Мне очень-очень нужен ответ «до».

– Когда я вчера позвонил в магазин, то Скай не позволила мне с тобой поговорить...

– Я думала, это Скай тебе позвонила, – перебиваю я.

– Нет. Я позвонил тебе, Скай ответила, ей была нужна только информация о родителях твоей мамы. Я умолял ее позвать тебя к телефону, но она не согласилась. Поэтому я поехал к тебе в магазин, который оказался закрытым. Тогда я начал переживать. Я еще ни разу не видел ваш магазин закрытым днем. Я зашел в антикварную лавку, чтобы найти Скай и выяснить, что происходит. Но ее там не было, и владелица лавки, которая, как мне кажется, немного сумасшедшая...

– Мы используем слово «эксцентричная», хотя оно и не отражает всей сути.

– Она-то и рассказала мне о твоей маме. Ей не было известно, в какой именно она больнице, поэтому я начал с общественной, а потом приехал сюда. – Он делает шаг вперед и использует против меня свое секретное оружие – улыбку. – Итак, мы уже можем обняться? – спрашивает он и, не дожидаясь моего ответа, притягивает меня к себе. Я не сопротивляюсь и крепко обнимаю его в ответ.

Несколько слезинок медленно стекают по моему лицу, и мной овладевает спокойствие. Я так в нем нуждалась.

– Я люблю тебя, – шепчу я.

– Что ты сказала? Я не расслышал.

– Не дави на меня.

– Я тоже тебя люблю, – отвечает он, прижимаясь ко мне щекой. – Очень сильно.

Глава 41

Он отстраняется первым, но я крепко цепляюсь за его футболку.

– Как твоя мама? Она беременна?

– Нет.

– Это ведь хорошо... так?

– Вовсе нет. Я вела себя как законченная эгоистка. Было бы прекрасно, если бы она оказалась беременна. Все так плохо. Они пытаются выяснить, что с ней.

Ксандер заправляет локон волос мне за ухо и большим пальцем смахивает одинокую слезинку с моей щеки. Затем снова предпринимает попытку отстраниться, но я лишь крепче сжимаю его футболку. Он хихикает, признавая свое поражение, и обнимает меня.

– Мы со всем разберемся. Мой отец знает лучших врачей на планете и...

В этот момент я отпускаю его и делаю шаг назад.

– Нет. Ты здесь не для того, чтобы решать проблему. Последнее, что мне нужно, так это то, чтобы твои родители подумали, что я начала с тобой встречаться только ради помощи больной маме. У Шона с Вивиан все под контролем, все будет хорошо, – говорю я, хотя сама в это не особо верю.

– Чем я могу помочь? Твоим родственникам есть где остановиться? Знаешь, я же вроде как занимаюсь размещением людей. – Я улыбаюсь.

– Вы голодные? Когда вы ели в последний раз? Может быть, мне стоит привезти еды для вас всех?

Я хватаю его за руку.

– Ксандер.

– Что?

– Пожалуйста, не уходи. Когда доктор выйдет... ты можешь просто... побыть рядом меня?

– Конечно. – Он сжимает мою руку, и мы возвращаемся вместе.

Шон иронически выгибает бровь, когда замечает нас, возможно думая: «Разве мы все не согласились, что этот парень слишком смазливый?»

– Доктор еще не спустился? – спрашиваю я.

– Нет.

– Кстати, это Ксандер, – представляю я, приподнимая наши сцепленные руки. – Это Майерсы... но, думаю, вы уже встречались на благотворительном вечере.

Взгляд Шона мечется между мной и Ксандером, и, кажется, он еле сдерживается, чтобы не дать наставлений. Интересно, насколько ему тяжело держать свое мнение при себе? Может быть, он узнал кое-что о подростках за последние двадцать лет. Очевидно, в то время, когда мама жила с ним, он ничего о них не знал.

Наконец Вивиан говорит:

– Ксандер, мы только что с ней познакомились, так что позаботься о ней.

– Конечно, мэм.

– Кайман, – говорит дедушка, беря Вивиан за руку. – Я собираюсь пойти накормить эту даму. Тебе что-нибудь нужно?

– Нет, все хорошо. – Я нахожу стул в углу, и Ксандер устраивается рядом со мной. Подвешенный телевизор в углу транслирует новости так тихо, что мы их даже не слышим. Шон с Вивиан выходят, и я смотрю им в след. Как такое возможно? В один день у меня есть только мама, а на следующий день появляются еще три человека, которые так обо мне заботятся.

Меня накрывает волной страха. А вдруг мне дано это Богом только потому, чтобы я не осталась в одиночестве, когда с мамой что-то случится? Я смотрю на потолок.

«Мне нужна моя мама», – говорю я мысленно. – «Не отнимай ее у меня».

– Кайман. – Ксандер берет меня за руку. – Ты в порядке?

– Я просто боюсь.

– Знаю. Я тоже. – Он вытягивает ноги и запрокидывает голову. Потом подносит мою руку к губам и нежно ее целует.

Я опускаю голову ему на плечо.

– Хорошо, значит, работа детективом отпадает. Хотя вынуждена признать, что ты более

хорош в наблюдениях, чем я.

– Только в тех, которые мне интересны.

Я провожу пальцем по вене на его руке.

– И не продюсирование? Генри был бы век тебе благодарен.

Он улыбается.

– Это было бы весело, но для продюсирования нужно капиталовложение. Но если считать мой любительский взгляд на музыку стоящим, то мне кажется, что «Красти Тодс» действительно хороши. Они вполне... Постой, мы можем поговорить с ними о логотипе? Кто его придумал?

– Ты серьезно? Он отвратителен. Но, может быть, он настолько отвратителен, что это хорошо?

Он сжимает губы.

– Ну не знаю.

– Хорошо, тогда не продюсирование. И это приводит нас к еде. Ты ведь любишь рестораны.

– Да.

– Ты не разозлишься, если я кое-что тебе скажу?

– Почему я должен разозлиться?

– Потому что, возможно, тебе это не понравится.

Он вздыхает.

– Ладно. Говори.

– Мне кажется, твой отец прав насчет тебя. Думаю, ты одаренный человек. И можешь справиться со многими проблемами одновременно. К тому же, ты очаровательный. Может быть, отели – это твое будущее. Это тебе подходит. – Я задерживаю дыхание, ожидая, что он начнет спорить и утверждать, что я не так хорошо его знаю, как он меня.

Его плечи вздымаются и опадают.

– Ты права. Мне это не нравится.

– Прости.

– Но в чем-то ты права. Я думаю об отелях гораздо больше, чем человек, которому все равно.

– Кайман.

Мой взгляд устремляется на звук нового голоса в комнате, и я моментально оказываюсь на ногах, когда вижу доктора.

– Да? Как она?

– Ее состояние улучшается. Как я и предполагал, у нее язвенная болезнь желудка, осложненная кровотечением.

– Что это значит? Звучит серьезно.

– Так и есть. И хорошо, что мы вовремя заметили болезнь. Заболевание излечимо, но на реабилитацию уйдет некоторое время. Ей противопоказан стресс.

– Конечно. – Возможно, ей стоит отдохнуть от магазина кукол. Я перевожу дыхание. – Можно ее увидеть?

– Да, она спрашивала о тебе, когда пришла в себя.

Доктор разворачивается, и я следую за ним. Заметив, что Ксандер за мной не идет, я поворачиваюсь.

– Я подожду здесь, – говорит он. – Передам новости Шону и Вивиан, когда они вернутся.

– Нет. Прошу тебя, пойдем со мной. Мама захочет тебя увидеть. – Когда я рассказала ей, что произошло между мной и Ксандером на благотворительном вечере, она расстроилась. На тот момент мне было нечем ее утешить, но теперь, когда мы снова вместе, возможно, это сделает ее чуточку счастливее.

– Кайман, со мной все будет в порядке.

Я возвращаюсь назад, беру его за руку и тяну с собой.

– Это не ради тебя.

Он смеется.

• • • • •

Я захожу в палату в одиночестве, оставив Ксандера ждать в коридоре. Мама протягивает ко

мне руку, и я сажусь у ее постели.

– Что ж, думаю, я ходячий комок нервов.

– Не ты, а твой желудок.

– Мне жаль.

– Даже не извиняйся. Мне бы хотелось, чтобы ты больше мне доверяла. Позволь мне помочь тебе больше.

Она вяло смеется.

– Больше? Кайман, ты и так сделала больше, чем я имела права просить. – Мой взгляд падает на иглу от капельницы в ее руке. Ее окружает фиолетовый синяк. – Магазин...

– В большой беде? Да, знаю.

– Я как раз работаю над альтернативными вариантами. Может быть, сделаю онлайн-магазин. Но, Кайман, это моя ноша. Не твоя. Я подумывала оставить его тебе, но это не то, к чему у тебя лежит душа, вено?

Я смеюсь, а потом опускаю голову на кровать.

– Я так упорно трудилась только потому, что знала, как это важно для тебя.

Она гладит меня по голове.

– Ты замечательная дочка. Ты столько всего для меня делаешь.

– Для этого и нужна семья.

– Кайман, если ты захочешь встретиться с ним, то у тебя есть на это право.

Я быстро поднимаю взгляд на нее.

– Что? С кем?

– С твоим отцом. Тебе решать. Это меня не обидит.

Я киваю. До сих пор не уверена, хочется ли мне увидеть отца, но так здорово иметь выбор.

– Если магазин кукол не твоя мечта, тогда что?

– Колледж. Хочу специализироваться в науке.

– Идеально.

– Ксандер здесь. В коридоре.

– Так и знала, что он вернется. Кто же способен надолго удержаться вдали от тебя? Позови его. Я должна извиниться.

Я улыбаюсь. Сильная хватка мамы на моей руке напоминает мне, какая она сильная. Я встаю и выхожу в коридор.

– Она в порядке?

Я обнимаю Ксандера, уткнувшись лицом в изгиб его шеи.

– Как я могу чувствовать себя такой счастливой, когда мама в больнице, а магазин кукол на грани банкротства?

– Потому что ты знаешь, что все будет хорошо. Это как затишье после бури. Все успокоилось, и, хотя и осталась куча разрушений, тебе известно, что самое худшее уже позади.

– Хорошая аналогия.

– Спасибо.

– Готов к после-бури разговору с моей мамой?

– Почему-то я чувствую себя менее уверенным, чем в первый раз.

– Все будет хорошо. Все мамы тебя любят, помнишь?

Он приседает, обнимает меня за талию и встает, поднимая меня над полом; мои ноги едва касаются плитки.

– Я смогу все одолеть, пока ее дочь меня любит.

– Даже редрум? Потому что после мы едем к тебе смотреть «Сияние».

– Думаешь, это хорошая идея, учитывая, что теперь мое будущее связано с отелями? – Я чувствую его улыбку на своей щеке.

– Не переживай, ты сможешь закрыть глаза. Обещаю, я не буду смеяться над тобой... слишком сильно.

Конец

Продолжения у книги нет. Это одиночный роман.

Если вам понравился этот роман, и вы хотите почитать другие книги автора, то добро пожаловать в нашу группу в контакте <https://vk.com/loveinbooks>, где вы сможете проследить за переводами книг Кейси. Мы переводим все ее книги в жанре «Роман».